

ISSN 2411-6122

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Научный журнал

2017

Выпуск 2 (16)

*Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»*

*Адрес редакции и издателя:
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11*

ISSN 2411-6122

SIBERIAN CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTIC READINGS

Scientific journal

2017

Issue 2 (16)

Founder and Publisher
State educational establishment of higher education «Baikal State University»

Editorial board's address:
11 Lenin st., Irkutsk, 664003, Russia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ли Гоцян** – профессор, института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- Ван Чжи Хуа** – Председатель института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- В.А. Азаров** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.
- Е.П. Ищенко** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация.
- Н.П. Кириллова** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
- Г.А. Василевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.
- О.И. Андреева** – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
- Е.В. Смахтин** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Суходолов** – доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*гл. ред.*)
- А.А. Протасевич** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*зам. гл. ред.*)
- И.В. Смолькова** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*науч. ред.*)
- И.Г. Смирнова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*отв. ред.*)
- Д.А. Степаненко** – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, г. Иркутск, Российская Федерация
- В.Н. Китаева** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*выпускающий ред.*)
- М.С. Дунаева** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Н.Ю. Литвинцева** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Р.В. Мазюк** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- О.А. Егерова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

THE EDITORIAL COUNCIL

- Li Gotsyan** – Professor, Institute of Comparative Jurisprudence, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Wang Zhi Hua** – Chairman of Institute of Comparative Law, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Vladimir A. Azarov** – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
- Evgenii P. Ishchenko** – dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation.
- Natalia P. Kirillova** – dr Sc (law), Professor, the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Grigirii A. Vasilevich** – dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of a Constitutional Law of Law Department, the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.
- Olga I. Andreyeva** – dr Sc (law), the Associate Professor, the Head of Chair of Criminal Procedure, Public Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Activity of Law institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
- Evgenii V. Smakhtin** – dr Sc (law), the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of State and law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

THE EDITORIAL BOARD

- Aleksander P. Sukhodolov** – dr Sc (econ.), Baikal State University, Rector, Irkutsk, Russian Federation (*Editor-in-chief*)
- Aleksander A. Protasyevich** – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, the Head of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Iraida V. Smolkova** – dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Irina G. Smirnova** – dr Sc (law), Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Diana A. Stepanenko** – dr Sc (law), Professor, Deputy Director for Science, Russian University of Justice, Moscow, Russian Federation, Russian University of Justice (East Siberian branch), Irkutsk, Russian Federation
- Valentina N. Kitayeva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Marina S. Dunayeva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Nanalija Yu. Litvintseva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Roman. V. Mazyuk** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Olesya A. Egereva** – PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ

Карелина Н.Л. Вердикт суда присяжных как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве.....	9
Лопатин С.А. Теоретические аспекты преодоления преюдиции в уголовном судопроизводстве России.....	15
Мазюк Р.В. Судебный штраф как альтернатива приговору в уголовном судопроизводстве.....	23
Поддубняк А.А. Институт присяжных заседателей: расширение полномочий.....	36
Попова И.П., Протасевич А.А., Смирнова И.Г. Приговор, постановленный заочно.....	42
Романенко Н.В. Вынесение приговора в отношении судьи	53
Рудин А.В. Достаточность доказательств при вынесении приговора суда.....	61
Рукавишникова А.А. Признаки исключительного производства, предназначенного для проверки окончательного судебного решения, сформулированные в решениях Европейского Суда по правам человека	67
Рыбинская Е.Т. Обстоятельства, исключающие участие судьи в уголовном судопроизводстве, как основание вынесения законного приговора.....	76
Рябинина Т.К. Нравственные аспекты постановления приговора ...	86
Савчук Т.А. Основания и причины постановления оправдательных приговоров в уголовном процессе Республики Беларусь	95
Самойлова Ж.В. К вопросу об участии представителя гражданского истца в уголовном процессе	102
Сергеева О.С. Некоторые проблемные аспекты использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве.....	110
Смолькова И.В. Тайна совещания судей как гарантия законности, обоснованности и справедливости приговора	116

Сопнева Е.В. К вопросу о критериях понимания пределов судебного разбирательства	123
Стародубова Г.В. Приговор суда: обоснованность и объективность	131
Тугутов Б.А. Преступления против правосудия: теория и правоприменение.....	137
Фролов И.С. Особое мнение судьи как одна из гарантий независимости судей и их равенства при постановлении приговора: проблемы и перспективы.....	147
Чупилкин Ю.Б. Основные причины обвинительного уклона российского правосудия	154
Щербаков В.А. Доказанность обвинения как условие постановления справедливого приговора.....	160
Яковлева С.А. Вопросы непосредственного исследования доказательств, обосновывающих приговор или иной судебный акт	168
ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ	175

CONTENT

Karelina N.L. How verdict of trial by jury guaranteed the human rights.....	9
Lopatin S.A. Theoretical aspects of overcoming prejudice in criminal proceedings of Russia.....	15
Maziuk R.V. A judicial fine as an alternative of the judgement in criminal proceedings.....	23
Poddubnyak A.A. The jury court: empowerment	36
Popova I.P., Protasevich A.A., Smirnova I.G. Judgment by default	42
Romanenko N.V. Sentencing in respect of judges	53
Rudin A.V. Sufficiency of evidence in reaching the verdict.....	61
Rukavishnikova A.A. Characteristics of particular procedure, aimed to examine final judgment, formulated in the judgments of the European Court of Human Rights.....	67
Rybinskaya E.T. Circumstances excluding participation of judge in criminal proceedings, as grounds for the law, was sentenced.....	76
Ryabinina T.K. Moral aspects decisions of sentence	86
Savchuk T.A. The bases and the reasons of the resolution of verdicts of not guilty in criminal procedure of Republic of Belarus	95
Samoilova Z.V. The question of the participation of a representative of the civil party in criminal proceedings	102
Sergeeva O.S. Some problematic aspects of the use of special knowledge in criminal proceedings	110
Smolkova I.V. Mystery of the meeting of judges as guarantee legality, validity and justice of the sentence	116
Sopneva E.V. To the question of understanding criteria of judicial proceedings limits	123
Starodubova G.V. The judgement: the validity and objectivity.....	131
Tugutov B.A. Crimes against judgement: theory and practice.....	137

Frolov I.S. Dissenting opinion of judge as one of the guarantees independence of judges and their equality when settling the agreement: problems and prospects.....	147
Chupilkin Y.B. The main reasons accusatory russian justice	154
Shcherbakov V.A. Proof of charges as a condition of the resolution of a fair sentence	160
Yakovleva S.A. The problems of direct evidence examination grounding a judgement or any other judicial act.....	168
INVITATION TO PUBLICATIONS	175

ВЕРДИКТ СУДА ПРИСЯЖНЫХ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена рассмотрению института суда присяжных. Исследуется вопрос о степени гарантированности соблюдения прав личности при вынесении вердикта данным составом суда. Выявлены трудности, с которыми сталкиваются присяжные заседатели при вынесении вердикта. Автор приходит к выводу о необходимости сохранения института присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: суд присяжных, права личности, вердикт, подсудимый, потерпевший, судопроизводство, присяжные заседатели, коллегия.

N.L. Karelina

HOW VERDICT OF TRIAL BY JURY GUARANTEED THE HUMAN RIGHTS

The article is devoted to research trial by jury. Purpose of the article to consider how verdict of trial by jury guaranteed respect the human rights. The difficulties faced by jurors in making a verdict are revealed. The author comes to a conclusion about need of preservation of institute of jurors for the Russian criminal legal proceedings.

Keyword: trial by jury, human rights, verdict, defendant, victim, judicial proceeding, jurors, panel.

Права и свободы человека являются высшей ценностью, которые, согласно ст. 18 Конституции РФ, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Процедуре отправления правосудия отводится главенствующая роль как средству обеспечения прав и свобод человека. Действующим уголовно-процессуальным законом закреплена возможность

осуществления правосудия разными составами суда, в данной статье речь пойдет о самом демократичном составе – о суде с участием присяжных заседателей и вынесении им вердикта, который в свою очередь должен служить гарантией защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Эффективность и целесообразность существования такого института как суд присяжных является наиболее горячо обсуждаемых в юридической науке.

Впервые отдельные элементы института присяжных заседателей усматриваются в Русской правде, где было закреплено, что лицо совершившее преступление, но отрицающее свою вину, должно предстать перед 12-ю мужами, решающими вопрос его виновности [1].

В дальнейшем неоднократно высказывались предложения и предпринимались попытки введения данного состава суда и при Екатерине II и при Александре I. Однако эти попытки не увенчались успехом, несмотря на то, что в то время уже усматривались элементы суда присяжных, например, в виде сословных заседателей [2].

Судебной реформой Александра II введен суд присяжных, который в свою очередь стал центральным институтом Судебных уставов 1864 г. [3, с. 34].

Суд присяжных в России строился по образцу французского суда. Коронный состав складывался из председателя и двух его товарищей – заместителей. Из 12 очередных заседателей и 2 запасных состояла скамья присяжных, функция которых состояла в решении вопроса о виновности или невиновности подсудимого на основании доказательств, которые устанавливались в судебном процессе. Решение выносилось в виде вердикта и должно было быть мотивированным. Сохранялась тайна совещания и существовал запрет на разглашение подробностей голосования [4].

К 1917 г. оформился особый вид судопроизводства – военный суд присяжных, рассмотрение дел в котором происходило в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства, как и в гражданских судах. Просуществовал он недолго, после Октябрьской революции закончив свое существование. В 1917 г. суд присяжных был упразднен, в связи с тем, что Временное правительство не успело завершить законодательную реформу, власть в стране захватили большевики. С октября 1922 г. упоминание о нем было полностью исключено из законодательства России [5, с. 57–58].

Путем принятия законов «О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и КоАП РСФСР 16 июля 1993 г. в Российской Федерации повторно введен суд присяжных, который в свою очередь эволюционировал, сохранив количественный состав коллегии. В соответствии с Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» суд присяжных поэтапно введен в действие во всех регионах Российской Федерации. Однако, дискуссии о необходимости его возрождения активно ведутся и в настоящее время.

Основной задачей существования данного института является осуществление соблюдения прав человека, его защита от государственного произвола, от ошибки судебной системы. Таким образом рассмотрение вопроса является ли вердикт, выносимый коллегией присяжных, гарантом соблюдения этих прав стоит рассматривать в двух аспектах: соблюдение прав подсудимого и соблюдение прав потерпевшего.

Статья 30 УПК РФ предусматривает возможность для подсудимого заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, но только лишь по определенным категориям преступлений, тем самым пытаюсь реализовать свое право на вынесение справедливого, обоснованного и мотивированного решения по результатам его рассмотрения.

Говоря, о самом демократичном институте, суде присяжных, сразу представляется картина близкая к идеалу, где двенадцать судей «общественной совести» выносят справедливый вердикт. Хотя в современной реальности очень остро стоит проблема формирования данной коллегии. Кандидатами в присяжные чаще всего оказываются наименее активные социальные слои населения, такие как: пенсионеры, домохозяйки, безработные. В связи с чем возникают сомнения о возможности вынесения справедливого решения по уголовному делу таким кругом лиц. Верным представляется утверждение А.Ф. Кони: «Присяжные заседатели решают дела по внутреннему убеждению, которое складывается свободно и независимо согласно тому, что видят и слышат на суде. Это коренное свойство суда присяжных. От них не ожидается не может требоваться мотивировка их решений. Она слагается под влиянием внутренней переработки той массы раз-

новидности впечатлений, которое производит на них судебное разбирательство дела. Доверие или недоверие к тем или другим доказательствам дело их совести» [6, с. 210].

Нельзя не согласиться с актуальностью доводов А.Ф. Кони, как сторонника суда присяжных, но нельзя забывать, что в то время присяжными в большей массе были малограмотные крестьяне, и оценка их производилась через призму справедливости, основу которой составляли христианские заповеди (не укради, не прелюбодействуй). Таким образом, на вынесение справедливого вердикта ключевое значение оказывает качественный состав коллегии присяжных, которые будут его выносить через призму своих внутренних убеждений и взглядов [7, с. 16–17].

В настоящее время критерии для современного кандидата в присяжные лишь формальные. Хотя на его оценку влияют и жизненный опыт, и взгляды об окружающей действительности, и нравственность, и здравый смысл.

Кроме того, отсутствие мотивации участвовать в отправлении правосудия и установленный законодателем трехчасовой срок для того, чтобы прийти к единому мнению, предусмотренный ст. 343 УПК РФ, могут толкнуть присяжного с целью экономии времени пойти на поводу большинства.

По мнению А.П. Шурыгина, «для решения этих вопросов, при правильной организации судебного процесса судьями-профессионалами, не требуется специальных юридических познаний» [8]. Однако при рассмотрении сложных многоэпизодных дел, жизненного опыта присяжного уже недостаточно и уже необходимы специальные знания, а не понимание поступающей информации не является фактором, способствующим принятию правильного решения о виновности или невиновности подсудимого, тем самым нарушая право подсудимого на вынесение справедливого, мотивированного, обоснованного решения по уголовному делу.

Кроме того, существует еще одна трудность с которой сталкиваются присяжные заседатели при вынесении вердикта. Вся информация в ходе судебного разбирательства воспринимается ими исключительно на слух. Учитывая загруженность процесса доказательствами, различного рода экспертизами, предоставление письменной информации по делу присяжным привело к вынесению более «справедливого решения».

Диаметрально противоположной фигурой по отношению к подсудимому в судебном процессе по уголовному делу является потерпевший. В соответствии с п. 1 ст. 346 УПК РФ при вынесении коллегией присяжных заседателей вердикта о невиновности подсудимого председательствующий объявляет его оправданным. При этом подсудимый, находящийся под стражей, немедленно освобождается из-под нее в зале судебного заседания. Таким образом, несправедливо вынесенный оправдательный вердикт автоматически создает ситуацию, когда подсудимый остается один на один с потерпевшим.

Кроме того, законодатель, предусматривает возможность в случае если обвинительный вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, вынести постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда. Однако, подобный фильтр от неправильного разрешения дела, отсутствует в отношении потерпевшего. Оправдательный вердикт присяжных обязателен для председательствующего и законодатель допускает возможность выхода на свободу оправданного преступника.

Учитывая совокупность всех обстоятельств, связь выносимого вердикта с правосознанием самих присяжных, сильного влияние психологических факторов, отсутствием профессионализма, сложно признать суд присяжных как лучший способ отправления правосудия.

Нельзя отрицать важность общественно-политического значения суда присяжных заседателей в демократическом обществе и кардинально ставить вопрос о его ликвидации как неэффективного и слишком дорогостоящего института, но его реформирование как минимум необходимо. В этой связи Президентом РФ в 2016 г. вынесен на рассмотрение Государственной Думы проект федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения присяжных заседателей». Предлагается сократить количество присяжных заседателей с двенадцати до восьми человек в областных и равных им судам, распространить данный институт на районный суды с коллегией присяжных из шести человек. Данный законопроект направлен на расширение применения института присяжных заседателей в целях развития и укрепления демократических основ уголовного судопроизводства, повышения открытости правосудия и доверия общества к суду.

Список использованной литературы

1. Калачов Н.В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды / Н.В. Калачов. – Изд. 2-е. – СПб. : Типолитография А.Е. Ландау, 1880. – Вып. I. – 306 с.
2. Шахбанова Х.М. Исторические аспекты развития суда присяжных в России / Х.М. Шахбанова // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5. – С. 132–134.
3. Ильюхов А.А. Суд присяжных в Росси: история его становления и развития / А.А. Ильюхов // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 34–41.
4. Шатовкина Р. Становление и развитие суда присяжных в России / Р. Шатовкина // Российская юстиция. – 2005. – № 12. – С. 12–16.
5. Демичев А.А. Военный суд присяжных / А.А. Демичев // Законность. – 1997. – № 8. – С. 56–58.
6. Кони А.Ф. Судебная реформа и суд присяжных / А.Ф. Кони / Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Юрид. лит., 1967. – Т. 4. – 544 с.
7. Кравченко О.А. Правовые взгляды А.Ф. Кони о суде присяжных и возможности их использования в современном судопроизводстве / О.А. Кравченко // Адвокатская практика. – 2014. – № 1. – С. 6–17.
8. Шурыгин А. Вопросы применения норм УПК при рассмотрении дел судом присяжных / А. Шурыгин // Адвокатские вести. – 2004. – № 4 (41). – С. 14–16.

Информация об авторе

Карелина Наталия Леонидовна – магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kapello007@mail.ru.

Information about the author

Karelina, Nataly L. – Student, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kapello007@mail.ru.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье на основе краткого анализа правовых позиций ЕСПЧ, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации рассмотрены теоретические аспекты преодоления преюдиции в уголовном судопроизводстве России. На основе анализа отечественной судебной практики сделан вывод, что в большинстве случаев преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве связано с использованием судебных решений по гражданским, арбитражным, административным делам, по которым подсудимый являлся стороной. Предложено авторское определение преодоления преюдиции в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, законная сила, приговор, доказывание, преюдиция, преодоление преюдиции.

S.A. Lopatin

THEORETICAL ASPECTS OF OVERCOMING PREJUDICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

In the article on the basis of a summary analysis of legal positions of the ECHR, the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation the article considers theoretical aspects of overcoming prejudice in criminal proceedings of Russia. On the basis of the analysis of domestic jurisprudence the conclusion is drawn that in most cases overcoming a prejudice in criminal legal proceedings is connected with use of judgments on civil, arbitration, administrative cases on which the defendant was the party. Author's definition of overcoming a prejudice in the Russian criminal legal proceedings is offered.

Keywords: criminal procedure, legal force of the judicial act, the sentence, proof, prejudice, overcoming of prejudice.

В демократическом правовом государстве правосудие должно быть одновременно и эффективным, и справедливым. Однако только в уголовном судопроизводстве разрешается уголовно-правовой конфликт человека и государства, рассматривается вопрос об ограниче-

нии конституционных прав граждан и иных лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления.

Правосудие по уголовным делам, несмотря на усилия по его оптимизации, не свободно от ошибок в силу того, что эту деятельность осуществляет сам человек, которому свойственны ошибки в силу его природы.

Одним из важным правил уголовно-процессуального доказывания является преюдиция, которая нормативно предусмотрена в ст. 90 УПК РФ; преюдиция (правило доказывания) характерна только в уголовном судопроизводстве Российской Федерации¹, и предназначена (наряду с обеспечением его эффективности) для исключения фактологического конфликта приговора с иными ранее вступившими в законную силу судебными актами, постановленными именем Российской Федерации как в уголовном, так и в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве² в условиях обязательного предоставления его участникам всего объема предусмотренных УПК РФ процессуальных гарантий.

В п. 4.1 Постановления от 21.12.2011 г. № 30-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в качестве единого способа преодоления преюдиции в любом судопроизводстве является их пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам. Среди оснований преодоления отмечено установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступления против правосудия, включая фальсификацию доказательств. Возможность преодоления преюдиции в этой связи позволяет исправить допущенную ранее судом ошибку, в специальных процедурах и только судом, его

¹ Мы настаиваем, что преюдиция, исходя из ее правовой природы, представляет собой правило доказывания, в то время как в гражданском (ст. 61 ГПК РФ), арбитражном (ст. 69 АПК РФ) и административном (ст. 64 КАС РФ) судопроизводствах вместо доказывания предусмотрены основания для освобождения от доказывания, то есть юридическая фикция.

² В силу ч. 1 ст. 118 Конституции РФ мы полагаем, что административное судопроизводство в данном контексте следует понимать как судопроизводство, осуществляемое только в рамках КАС РФ и (или) АПК РФ. Производство по делам об административных правонарушениях по правилам КоАП РФ не является судопроизводством (административным судопроизводством), в связи с чем не обеспечивает правосудие, а, следовательно, использование такого судебного акта при постановлении судом приговора с использованием преюдиции не допустимо.

постановившим¹. Однако отметим два аспекта. Во-первых, КС РФ не исключил, что преодоление преюдиции возможно как до отмены вступившего в законную силу ошибочного решения суда, так и после. А во-вторых, КС РФ не ограничил возможность преодоления преюдиции только вступлением в законную силу приговора о преступлении против правосудия: если фактическое обстоятельство, установленное судом ранее по уголовному, гражданскому, арбитражному или административному делу и отраженное в приговоре или решении суда входит в предмет доказывания по уголовному делу и опровергнуто стороной обвинения, то такой ошибочный судебный акт также может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам.

Однако в уголовном судопроизводстве преюдиция применяется не часто. Научные споры по поводу правовой природы преюдиции и пределов ее реализации, преюдициальных связях судебных актов, возможном противоречии преюдиции принципу свободы оценки доказательств, существовании возможности и механизма ее преодоления не утихают и в настоящее время [1–4].

Традиционно в процессуальной доктрине преодоление воспринимается в качестве принятого судом иного решения, чем принято ранее при разрешении другого дела с участием тех же лиц².

ЕСПЧ указал, что пересмотр состоявшегося решения суда не должен использоваться в качестве скрытой формы обжалования; отступление от принципа правовой определенности окончательных су-

¹ Такой подход КС РФ признал единственно соответствующим и конституционным принципам осуществления правосудия, и международным обязательствам Российской Федерации по обеспечению действия принципа правовой определенности в российской правовой системе. См., например: Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Председателя Следственного комитета Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 г. № 30-П» от 03.04.2012 г. № 662-О-Р.

² Здесь важно отметить, что принцип правовой определенности судебных актов (*res judicata*) не допускает пересмотр однажды разрешенного судом спора при участии тех же лиц (исключение составляют случаи явной судебной ошибки или иного фундаментального нарушения). В данном случае преюдиция используется в качестве правила доказывания фактических обстоятельств, которые ранее установлены судом по другим делам (при другом предмете доказывания) при участии тех же лиц. См., например: Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 г. по делу «Рябых против Российской Федерации», Постановление ЕСПЧ от 23.07.2009 г. по делу «Сутяжник» против Российской Федерации».

дебных актов оправдан, только если вновь получены обстоятельства существенного и непреодолимого характера¹.

Возникает вопрос: в силу принципа правовой определенности вправе ли суд, рассматривающий уголовное дело в отношении подсудимого, придя в пределах обвинения к выводу на основе совокупности доказательств о том, что ранее установленное судом фактическое обстоятельство с участием этого же лица в качестве осужденного (оправданного) или стороны, ошибочно и носит существенный характер, постановить приговор в силу принципа свободы оценки доказательств?

Нам представляется, что суд безусловно вправе и должен постановить приговор только на основе изученной по делу совокупности доказательств; вступивший в законную силу приговор или иное решение суда, признанное по уголовному делу доказательством в форме «иног документа» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), в силу ч. 2 ст. 17 УПК РФ не имеют для суда заранее установленной силы и оцениваются в совокупности с иными доказательствами по делу.

В этой части высказанная позиция не противоречит правовой позиции ВС РФ².

Мы полагаем справедливой и актуальной позицию М.С. Строговича, который утверждал, что истинность гражданского решения суда, которое вступило в законную силу, предусматривает только упрощение доказывания по уголовному делу, и не ограничивает суд в его выводах [5]. Однако нам представляется целесообразным также дополнить вывод ученого тем, что фактическое обстоятельство для суда по уголовному делу является доказанным в силу преюдиции до тех пор, пока оно не опровергнуто стороной обвинения совокупностью доказательств по рассматриваемому уголовному делу. В этой связи справедливую позицию высказала Л.А. Воскобитова о том, что для опровержения презумпции невиновности подсудимого именно сторона обвинения обязана доказать все обстоятельства совершенного преступления, и в том числе опровергнуть доводы, приведенные в защиту обвиняемого, как это закреплено в ч. 2 ст. 14 УПК РФ [6, с. 173].

Различная интерпретация преюдиция в правоприменительной практике судов нередко провоцирует ложность понимания правовой

¹ См., например, Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007 г. по делу «Радчиков против России» (Radchikov v. Russia), жалоба № 65582/01 (§ 44).

² См. Кассационное определение ВС РФ от 22.05.2013 г. № 66-О13-8.

природы ее преодоления. Во всем массиве окончательных судебных актов КС РФ и ВС РФ в контексте преодоления преюдиции используется различная терминология «отвергнуть преюдицию» или «опровергнуть преюдицию». Что же по смыслу УПК РФ осуществляет суд в процессе доказывания при осуществлении правосудия по уголовным делам: опровергает, отвергает или преодолевает преюдицию?

Как следует из конституционно-правового смысла преюдиции, выявленного КС РФ в постановлении от 21.12.2011 г. № 30-П, преюдиция, понимаемая как правило уголовно-процессуального доказывания, – преодолевается, а ранее установленные судом в приговоре или решении суда обстоятельства фактически признаются судом опровергнутыми стороной обвинения совокупностью доказательств по уголовному делу.

Однако есть обязательный элемент преодоления преюдиции – суд должен мотивировать и указать основание преодоления преюдиции в тексте приговора. То есть, говоря языком УПК РФ, преодоление преюдиции – исключительная прерогатива суда, а опровержение в общем случае представляет собой результат процессуальной деятельности субъектов уголовно-процессуального доказывания, но также и обязанность стороны обвинения. В этой связи «отвергнуть преюдицию» (буквально: не использовать преюдицию – правило доказывания) по смыслу закона недопустимо, поскольку ст. 90 УПК РФ не содержит исключений к применению этого правила доказывания, и такая интерпретация вступает в прямое противоречие с обязательностью вступившего в законную силу окончательного судебного акта, которым установлены имеющие значение для уголовного дела в отношении подсудимого фактические обстоятельства, а, следовательно, не отвечает требованиям справедливости (статья 6 ЕКПЧ).

В то же самое время, в определении от 15.01.2008 г. № 193-О-П КС РФ указал, что выводы суда по ранее рассмотренному делу при участии того же лица в ходе уголовного судопроизводства подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими принципами доказывания, закрепленными в ст. 49 Конституции РФ. Следовательно, суд не связан по уголовному делу в отношении подсудимого выводами суда по ранее рассмотренному делу, по которому этот же подсудимый является осужденным (оправданным) или стороной.

Мы полагаем, что возможность преодоления судом преюдиции непосредственно связана и с доказанностью фактических обстоятель-

ств рассматриваемого судом уголовного дела, которые будут положены в основу приговора, и с активностью процессуальных действий стороны обвинения по доказыванию и опровержению доводов защиты, что корреспондирует ч. 2 ст. 14 УПК РФ и ст. 49 Конституции Российской Федерации.

Преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве нами основывается на авторской концепции «приращения доказанных фактических обстоятельств в свете свободы оценки судом доказательств», установленных судом во взаимосвязанных окончательных судебных актах, вступивших в законную силу. Эта концепция позволяет суду принять исчерпывающие решения по уголовному делу для реализации универсального правила эффективного восстановления потерпевших в правах посредством правосудия.

По этой причине мы не исключаем возможность возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам по инициативе прокурора, но настаиваем, что основная роль по обеспечению эффективности правосудия отведена именно суду: в случае преодоления преюдиции по уголовному делу судом, которое надлежало мотивировано в приговоре, именно суд должен принять исчерпывающие решения и указать их в приговоре, как для обеспечения его исполнения, так и для эффективной реализации всех правовых последствий приговора (например, в силу ст. 392 УПК РФ с момента вступления приговора в законную силу, его копия, поступившая в суд, ранее вынесший использованное по уголовному делу решение суда или приговор, позволит суду, его постановившему, изучить и в случае судебной ошибки инициировать его пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам).

По вопросу преодоления преюдиции свою правовую позицию сформулировал и КС РФ¹, указав, что механизмы признания и опровержения преюдициальной силы судебных актов подлежат судебному контролю, в том числе с точки зрения соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений, права на судебную защиту; полагает целесообразным рассматривать в качестве единого способа преодоления преюдиции во всех видах судопроизводства пересмотр судебных актов по вновь от-

¹ См., например, правовую позицию КС РФ в Определении от 05.02.2009 г. № 366-О-Р, Постановлении от 21.12.2011 г. № 30-П, Определении от 03.04.2012 г. № 662-О-Р.

крившимся обстоятельствам. При этом по мнению КС РФ при разрешении уголовного дела нельзя не принимать во внимание обстоятельства, установленные ранее вступившим в законную силу и не отмененным приговором, решением суда, пока они (обстоятельства) не опровергнуты стороной обвинения в соответствующей судебной процедуре. В ходе уголовного судопроизводства выводы об обстоятельствах дела, содержащиеся в иных (кроме приговора) судебных решениях, подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими процедурами доказывания¹.

Исследуя вопрос неправильного установления судами фактических обстоятельств по делу, ВС РФ указал, что судебное решение (приговор), если существенно значимые обстоятельства, являющиеся предметом рассмотрения по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия, а потому должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной неправосудности².

Действительно, КС РФ также указал, что обстоятельства совершения уголовно-наказуемого деяния при рассмотрении гражданского, арбитражного или административного дела в предмет доказывания не входят и не охватываются объективными пределами законной силы соответствующего решения суда, разрешившего дело по существу, а потому подлежат проверке и оценке в рамках уголовно-процессуального доказывания на всех стадиях уголовного процесса³, и могут привести к пересмотру исходного решения суда, вступившего в законную силу.

Проанализировав массив судебных актов в разных видах и в разных стадиях судопроизводства, связанных с использованием в доказывании окончательных судебных актов, усматривается, что наибольшее число случаев, требующих преодоления преюдиции в уголовном судопроизводстве, связано с использованием решений суда, вынесенных в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве, в котором подсудимый являлся стороной: этому причиной, безусловно, разница в назначении и стандартах доказывания, реализованных в уголовном судопроизводстве, по отношению к гражданскому, арбитражному и административному судопроизводствам.

¹ Определения КС РФ от 29.01.2015 г. № 30-О, от 21.11.2013 г. № 1877-О, от 13.10.2009 г. № 1316-О-О.

² Кассационное определение ВС РФ от 17.09.2015 г. № 36-УД15-6.

³ Определение КС РФ от 21.05.2015 г. № 1045-О.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что преодоление преюдиции основано на принципе свободы оценки доказательств судом, является мотивированным в приговоре выводом суда о недопустимости признания фактических обстоятельств, установленных судом ранее по другому делу, если подсудимый является осужденным (оправданным) или стороной, когда такие обстоятельства опровергаются совокупностью собранных по рассматриваемому уголовному делу доказательств, а также совокупность правовых последствий по обеспечению эффективного восстановления в правах посредством правосудия.

Список использованной литературы

1. Заржицкая Л.С. Институт преюдиции в современном уголовном процессе / Л.С. Заржицкая. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
2. Щерба С.П. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран / С.П. Щерба, И.В. Чащина. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
3. Хисамов А.Х. Сокращенное решение суда. Вопросы мотивирования и преюдиции / А.Х. Хисамов, Р.В. Шакирьянов // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 33–36.
4. Дикарев И.С. Преюдициальность судебных решений в уголовном процессе / И.С. Дикарев // Законность. – 2014. – № 10. – С. 51–53.
5. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 276 с.
6. Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М. : Проспект, 2013. – 564 с.

Информация об авторе

Лопатин Сергей Александрович – аспирант кафедры уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, e-mail: kafupmgu@yandex.ru.

Information about the author

Lopatin, Sergey A. – PhD student, Department of Criminal Procedure, Law of Moscow State Juridical University after O.E. Kutafin (MSAL), 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., 125993, Moscow, Russian Federation, e-mail: kafupmgu@yandex.ru.

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРИГОВОРУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируются научные точки зрения по вопросам правовой природы судебного штрафа, фактических основаниях его назначения при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и его соотношения с наказанием. Данный анализ позволяет резюмировать, что среди значительного числа представителей наук уголовного и уголовно-процессуального права сформировалось устойчивое мнение о том, что решение о назначении судебного штрафа по своей сути не отличается от решения о признании лица виновным в совершении преступления, то есть от приговора суда, а сам судебный штраф есть не что иное, как суррогат наказания. С учетом этого, а также анализа судебной практики автор приходит к выводу о том, что судебный штраф сам по себе не преследует тех целей, которые предусмотрены для наказания, у него свои собственные цели, которые, однако, законодателем не обозначены ни в тексте УК РФ, ни в тексте УПК РФ. По мнению автора, правовая природа судебного штрафа заключается в альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта, облеченном в нормативную форму «иной меры уголовно-правового характера».

Ключевые слова: виновность, наказание, освобождение от уголовной ответственности, нереабилитирующее основание, прекращение уголовного дела.

R.V. Maziuk

A JUDICIAL FINE AS AN ALTERNATIVE OF THE JUDGEMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the scientific views on the legal nature of the judicial fine, the actual reason of his appointment upon the termination of the criminal case (criminal prosecution) and its relationship with punishment. This analysis allows us to summarize that among a significant number of representatives of the Sciences of criminal and criminal procedural law formed a strong opinion that the decision to appoint a judicial fine not in-

herently different from the decision on recognition of the person guilty of committing a crime, that is, from the sentence of the court, and the judicial penalty is not that other, as a substitute for punishment. With this in mind, as well as analysis of judicial practice the author comes to the conclusion that a judicial fine by itself, pursues the objectives which are provided for punishment, he has his own purpose, which, however, the legislator has not indicated neither in the text of the Criminal code, nor in the text of the Code of criminal procedure. According to the author, the legal nature of a judicial fine is an alternative method for resolution of criminal law conflict in terms of a normative form of «other measures of criminal-legal character».

Keywords: guilt, punishment, exemption from criminal responsibility, non-rehabilitating basis, the termination of the criminal case.

Введение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство судебного штрафа как нового основания освобождения от уголовной ответственности (и одновременно – прекращения уголовного дела или уголовного преследования) федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ взбудоражило умы многих представителей теории и практики современной науки. В публикациях по этому поводу высказываются прямо противоположные мнения о правовой природе судебного штрафа и его роли в системе уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов.

Так, по мнению В.В. Кальницкого, «такое освобождение от уголовной ответственности связано с фактическим признанием лица виновным в совершении преступления. Рассматриваемое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования включено в компетенцию суда не столько потому, что оно относится к не-реабилитирующим, а, скорее, в силу того, что является «наказуемым» освобождением от уголовной ответственности» [1].

С точки зрения А.П. Рыжакова, «опять законодатель под новой этикеткой вводит в практику старый механизм. Декларируя, что за преступления небольшой или средней тяжести, совершенные впервые, не будет назначаться уголовное наказание, он, по сути, позволяет признавать лицо виновным в преступлении без полного и объективного доказывания и нормального судебного разбирательства» [2].

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

М.Ю. Юсупов в этой связи отмечает, что «необходимым условием освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа является установление факта совершения лицом преступления, что по существу означает признание лица виновным в совершении преступления» [3, с. 126]. Аналогичного подхода придерживается Т.В. Трубникова: «в ходе решения вопроса о назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа происходит установление и признание того факта, что возникло уголовно-правовое отношение (совершено преступление), и что преступление совершено лицом, в отношении которого решается вопрос о назначении судебного штрафа, то есть в положительной форме разрешается вопрос о его виновности в совершении уголовного преступления» [4, с. 369].

Как полагает Н.Н. Апостолова, «судебный штраф содержит в себе элемент наказания за совершенное преступление. Его применение подразумевает восстановление социальной справедливости и такое исправительное воздействие на лицо, которое бы удерживало его от совершения новых преступлений. Таким образом, институт судебного штрафа является своеобразным симбиозом альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта и наказания» [5, с. 34].

Таким образом, среди значительного числа представителей наук уголовного и уголовно-процессуального права сформировалось устойчивое мнение о том, что решение о назначении судебного штрафа по своей сути не отличается от решения о признании лица виновным в совершении преступления, то есть от приговора суда. А сам судебный штраф, по их мнению, есть не что иное, как суррогат наказания.

Вместе с тем, в научной литературе существуют и другие подходы к определению правовой природы судебного штрафа.

По мнению И.Э. Звечаровского, судебный штраф «не является уголовным наказанием, хотя отличается от него только отсутствием судимости и максимальным пределом. Судебный штраф не является мерой уголовной ответственности, и не только потому, что применяется уже после освобождения от нее, но и потому, что у него нет основания применения: неясно, за что он применяется» [6, с. 100].

Вызывает интерес и мнение Т.А. Плаксиной, согласно которому «по своим характеристикам и правовой природе освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа «наибо-

лее близко к освобождению от уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 90 УК РФ). Оба вида освобождения являются дискреционными и условными; уголовная ответственность заменяется иными мерами уголовно-правового характера – судебным штрафом (ст. 762 УК РФ) или принудительными мерами воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ)» [7, с. 79].

О.В. Качалова в свою очередь обращает внимание на то, что при производстве о применении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа суд обязан изучить фактические обстоятельства уголовного дела, несоответствие которых факту преступления, указанной следователем, дознавателем в ходатайстве о прекращении уголовного дела, является основанием для отказа в применении судом данной меры. По ее мнению, задача данного требования состоит в том, чтобы исключить злоупотребления, при которых судебный штраф не применялся бы по тяжким преступлениям, «закамуфлированным» в ходатайстве под преступления средней тяжести [8].

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ с воим Постановлением от 29 ноября 2016 г. № 56¹ (далее Постановление № 56) содержит указание на то, что в описательно-мотивировочной части постановления судьи об удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа должны быть приведены: описание преступного деяния, в совершении которого лицо подозревается или обвиняется, с указанием пункта, части, статьи РФ, в также вывод о том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу (п. 25.6).

Таким образом, вопросы о правовой природе судебного штрафа, о фактических основаниях его назначения при прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о его соотношении с наказанием – являются весьма неоднозначными как в теории, так и в практике уголовного судопроизводства.

¹ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. С. 31–35.

Анализ судебной практики, размещенной в свободном доступе на сайте «Судебные и нормативные акты РФ» (<http://sudact.ru>), свидетельствует о том, что новое основание прекращения уголовного дела начинает весьма активно применяться в уголовном процессе. Практический интерес в этой связи представляют несколько моментов.

Во-первых, прекращение судом уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, вопреки ожиданиям примерно в половине случаев из размещенных на указанном сайте судебных решений, начиная с 3 августа 2016 г., осуществлено в досудебном производстве на основании ходатайств следователей и дознавателей. Самым распространенным преступлением, по которому прекращаются уголовные дела по рассматриваемому основанию, является ч. 2 ст. 158 УК РФ, как правило, с причинением значительного ущерба гражданину (чаще всего кража сотового телефона и иных личных вещей) либо группой лиц по предварительному сговору.

В этой связи интерес представляет тот факт, что штраф как наказание, назначаемое в приговоре суда, по преступлениям против собственности применяется не очень часто. Так, за 2015 г. доля штрафа среди всех видов наказаний, назначаемых по преступлениям, предусмотренным гл. 21 УК РФ, составила 9,73%. Для сравнения – доля лишения свободы на определенный срок среди всех видов наказаний по данной категории преступлений составила 32,91 %, доля условного осуждения к лишению свободы – 27,84 % [9, с. 306].

Во-вторых, в ходе судебного разбирательства в большинстве случаев суды переходят к производству о назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при рассмотрении уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. При этом инициатором такого производства всегда являются стороны: в большинстве случаев сторона защиты (ходатайство об этом, как правило, заявляется защитником, реже самим обвиняемым), но в некоторых случаях – сторона обвинения в лице государственного обвинителя¹. Например, в постановлениях судов о прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию можно встретить формулировку: «условия, предусмотренные ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ, необходимые для освобождения подсуди-

¹ Приговор от 31 августа 2016 г. по делу № 1-169/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GjTAhTGWfENX>.

мого от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, выполнены, в связи с чем суд считает возможным удовлетворить ходатайство защитника»¹. В одном из судебных решений о прекращении уголовного дела использовалась компромиссная формулировка: «судом на разрешение участников судебного разбирательства поставлен вопрос о прекращении производства по делу с назначением судебного штрафа в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ»².

В-третьих, судьи обоснованно отказывают в удовлетворении ходатайств о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа в тех случаях, когда подозреваемым, обвиняемым (подсудимым) не возмещен причиненный преступлением вред или у него имеется непогашенная (неснятая) судимость. В этой связи необходимо отметить, что обещания подозреваемого, обвиняемого возместить причиненный преступлением вред незамедлительно после прекращения уголовного дела, переданные потерпевшим расписки о наличии долга в размере причиненного преступлением вреда не могут оцениваться судами как факт его возмещения, а потому не подтверждают выполнение подозреваемым, обвиняемым всех условий для прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ.

В-четвертых, при осуществлении производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судьи, как правило, перестраховываются, выясняя перед прекращением уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ, несмотря на то что это не предусмотрено ст. 446.2 УПК РФ, мнение потерпевшего, а также прокурора³, указывают в постановлении о прекращении уголовного дела на чистосердечное раскаяние подсудимого⁴, отсутствие гражданского иска по уголовному делу⁵.

¹ Постановление от 24 августа 2016 г. по делу № 1-18/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/m0FpBnkXitUa>.

² Постановление от 3 августа 2016 г. по делу № 1-39/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/PCqrxmelLIQV>.

³ Постановление от 26 августа 2016 г. по делу № 1-572/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/xIYIapP9t2ZQ>.

⁴ Постановление от 9 сентября 2016 г. по делу № 1-189/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yUUNmDNqiRbC>.

⁵ Постановление № 1-408/2016 от 1 сентября 2016 г. по делу № 1-408/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8W57fphhg1Ur>.

В-пятых, в соответствии с ч. 2 ст. 104.5 УК РФ размер судебного штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода. Между тем в своих постановлениях о прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ судьи никак не мотивируют размер назначаемого судебного штрафа. Наиболее часто за изученный период размер судебного штрафа составлял от 10 000 до 30 000 рублей, реже он достигал 50 000–55 000 рублей, и напрямую он не зависел от размера причиненного преступлением имущественного вреда.

Например, по уголовному делу о краже с причинением значительного материального ущерба на сумму 6190 рублей Центральным районным судом г. Сочи назначен судебный штраф в размере 30 000 рублей¹, а по уголовному делу о мошенничестве при получении выплат на сумму 42 503 рубля гарнизонный военный суд г. Ростов-на-Дону назначил судебный штраф в размере 10 000 рублей².

Полагаем, что отсутствие в судебных решениях, вынесенных на основании ст. 25.1 УПК РФ, мотивировки того или иного размера назначаемого штрафа не в полной мере соответствует принципу законности, а именно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, в соответствии с которой определения суда, постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными, что в свою очередь является основанием для отмены таких судебных решений в апелляционном порядке (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ). Вместе с тем, фактов отмены по этим основаниям судебных решений нам не встречалось.

Кроме того, если решение суда о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа принималось не в рамках особого порядка судебного разбирательства, то в резолютивной части постановления о прекращении уголовного дела судьи нередко указывают на взыскание с лица, в отношении которого прекращается уголовное дело, процессуальных издержек в части расходов на участие в деле

¹Постановление от 9 сентября 2016 г. по делу № 1-478/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MiDDu8RcR0lY>.

²Постановление от 2 сентября 2016 г. по делу № 1-75/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Y45nPx981aNR>.

защитника по назначению¹. Это противоречит ч. 1 ст. 132 УПК РФ, согласно которой судебные издержки могут взыскиваться только с осужденных, то есть лиц, признанных виновными в совершении преступления.

Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 октября 1996 г. № 18-П², прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию не влечет за собой реабилитации лица (признания его невиновным), то есть вопрос о его виновности остается открытым, но такое решение и не означает установления виновности лица в совершении преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ осужденным является обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор. Таким образом, при прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ лицо решением суда виновным не признается и осужденным не является.

Эта позиция подтверждается и судебной практикой. Вплоть до принятия ст. 25.1 УПК РФ ни Верховным Судом РФ, ни нижестоящими судами при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям судебные издержки с лица, в отношении которого прекращалось уголовное дело, не взыскивались. Например, в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 (в ред. от 3 марта 2015 г.) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» указывается, что, прекращая уголовное дело или уголовное преследование по результатам предварительного слушания, судья не вправе возложить обязанность по возмещению расходов, относящихся к процессуальным издержкам, на обвиняемого, поскольку в отношении него не был постановлен обвинительный приговор.

Проблема взыскания процессуальных издержек в случае прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям рассматривается и в науке уголовно-процессуального права. Так, А.Р. Белкин предлагает «*de lege ferenda* допустить возложение про-

¹ Постановление от 25 августа 2016 г. по делу № 1-368/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/WZouYzo8fcbn>.

² По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова : Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5203.

цессуальных издержек на лицо, уголовное преследование которого прекращено, но реабилитация места не имела» [10, с. 10]. По мнению ученого, в уголовно-процессуальном законе следует закрепить механизм, позволяющий взыскивать процессуальные издержки с подозреваемого, обвиняемого в случае прекращения уголовного дела по не-реабилитирующим основаниям как судом, так и органами предварительного расследования [10, с. 11].

Однако введение бремени возмещения судебных издержек для лица, в отношении которого уголовное дело прекращается по ст. 25.1 УПК РФ, представляется дополнительным финансовым препятствием для уплаты им суммы назначенного судебного штрафа. Поскольку судебный штраф как альтернатива уголовному преследованию предполагает имущественное воздействие на посткриминальное поведение лица, представляется справедливым поставить вопрос о возможности взыскания с него процессуальных издержек в случае неуплаты им судебного штрафа. Так как в некоторых случаях сумма процессуальных издержек по уголовному делу может превышать сумму назначенного лицу судебного штрафа или быть незначительно меньше, такая мера будет являться эффективным стимулом для его уплаты. Нормативная возможность взыскания процессуальных издержек в случае прекращения уголовного дела предусмотрена ч. 9 ст. 132 УПК РФ, согласно которой при прекращении уголовного дела частного обвинения в связи с примирением сторон процессуальные издержки взыскиваются с одной или обеих сторон. Поэтому можно предложить законодателю предусмотреть в ст. 446.5 УПК РФ требование, в соответствии с которым в случае неуплаты лицом судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, суд, отменяя постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, взыскивает с такого лица процессуальные издержки, связанные с производством по уголовному делу до его прекращения. Указанные последствия должны быть судом разъяснены подозреваемому, обвиняемому в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

Если рассматривать ст. 25.1 УПК РФ не только как новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования в уголовном судопроизводстве, но и как дополнительный способ пополнения федерального бюджета, государство должно быть заинтересовано в получении максимальной экономической выгоды от дей-

ствия рассматриваемой нормы, в том числе в случае отмены судебного решения о назначении судебного штрафа. На это указывают и некоторые судьи в своих решениях. Например, судья Центрального районного суда г. Сочи В.И. Бутяев при мотивировании своего решения о прекращении уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ отметил следующее: «суд считает, что освобождение от уголовной ответственности обвиняемой и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в целом к обществу будет гуманным и справедливым, с учётом так же того, что данная норма предусмотрена УПК РФ, и служит так же в целом интересам самого государства»¹.

Необходимо отметить, что судебный штраф как альтернатива уголовному преследованию существует достаточно давно в отдельных европейских странах. Так, Законом 1987 г. «Об уголовной юстиции в Шотландии» (Criminal Justice (Scotland) Act) предусматривался такой способ освобождения от уголовного преследования, как «фискальный штраф» (fiscal fine), который установлен по всем делам, где его применение возможно, в твердой сумме – 25 фунтов стерлингов. Решение о применении такого штрафа принимает прокурор-фискал, который не считает необходимым осуществление уголовного преследования по преступлению, относящемуся к компетенции районного суда (district court); если обвиняемый в течение 28 дней соглашается и вносит деньги клерку районного суда, то его уголовное преследование прекращается [11, с. 86–87].

Во Франции Законом от 23 июня 1999 г. Уголовно-процессуальный кодекс был дополнен институтом «штрафа по соглашению», применяемого по нескольким десяткам проступков, предусматривающих наказание до трех лет тюремного заключения. Прокурор вправе предложить признавшему свою вину совершеннолетнему лицу совершить следующие действия или одно из них: 1) уплатить единовременно или частями в течение года в государственную казну денежную сумму в размере до 25 000 франков (3750 евро), но не свыше половины суммы штрафа, предусмотренного за данное деяние в качестве наказания; 2) передать государству предметы, служившие орудием преступления или полученные в результате преступления; 3) передать секретарю трибунала большой

¹ Постановление от 9 сентября 2016 г. по делу № 1-485/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/nycfs5sWyK5O>.

инстанции свои водительские права или разрешение на охоту сроком до четырех месяцев; 4) бесплатно выполнить неоплачиваемую работу общей продолжительностью до шестидесяти часов в срок до шести месяцев. Если по делу установлен потерпевший, то прокурор обязан в качестве дополнительного условия предложить соответствующему лицу в течение шести месяцев возместить причиненный потерпевшему ущерб, в том числе физический и моральный. У лица, подлежащего уголовному преследованию, есть 10 дней на принятие предложенных прокурором условий. Рассмотрев обращение прокурора, председатель суда выносит не подлежащее обжалованию решение, которым либо отказывает в утверждении соглашения (тогда предложение прокурора теряет силу), либо утверждает его. В последнем случае действия, указанные в предложении прокурора, подлежат исполнению. При этом председатель суда ни при каких обстоятельствах не может изменить условия, содержащиеся в предложении прокурора [11, с. 113–116].

Поэтому можно говорить о том, что в основе отечественного производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа российским законодателем были использованы положения французского «штрафа по соглашению», с отдельными коррективами и доработками. Существенным признаком, по которому следует признавать единую правовую природу данных порядков прекращения уголовного преследования (уголовного дела), является процедура инициации производства о назначении судебного штрафа. В обеих странах право инициировать прекращение уголовного преследования (уголовного дела) в связи с назначением судебного штрафа на стадии предварительного расследования принадлежит должностным лицам стороны обвинения: прокурору – во Франции, следователю и дознавателю – в России. Но если данный подход по УПК Франции можно объяснить принципом целесообразности уголовного преследования, который традиционен для уголовно-процессуальной системы этой страны, то по УПК РФ такое объяснение, по крайней мере, не является очевидным.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: решение суда о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа является итоговым судебным решением, которое влечет нежелательные для лица последствия денежного характера в связи с его привлечением к уголовному преследованию. И в

этой своей роли решение суда о назначении судебного штрафа может казаться совпадающим с приговором по уголовному делу. Но даже если допустить, что в ходе производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа суд фактически устанавливает виновность лица в совершении преступления, то судебный штраф сам по себе не преследует тех целей, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 43 УК РФ для наказания: судебный штраф не направлен на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. У судебного штрафа свои собственные цели, которые законодателем не обозначены ни в тексте УК РФ, ни в тексте УПК РФ. Все это на настоящем этапе привело к тому, что судебный штраф фактически воспринимается многими и учеными, и практиками как суррогат наказания. Однако это само по себе не меняет его истинной правовой природы, которая, как представляется, заключается в альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта, облеченном в нормативную форму «иной меры уголовно-правового характера».

Список использованной литературы

1. Кальницкий В.В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа [Электронный ресурс] / В.В. Кальницкий // Режим доступа : <http://www.iaaj.net/node/2101> (дата обращения: 30.11.2016).

2. Рыжаков А.П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения [Электронный ресурс] / А.П. Рыжаков // Уголовный процесс. – 2016. – № 10. – Режим доступа : <http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=497535> (дата обращения: 30.11.2016).

3. Юсупов М.Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / М.Ю. Юсупов // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 122–128.

4. Трубникова Т.В. Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа : сущность и гарантии от злоупотребления правом / Т.В. Трубникова // Современное уголовно-процессуальное право России : уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Орёл 20–21 октября 2016 г. – Орёл : ОрЮИ МВД России, 2016. – С. 366–372.

5. Апостолова Н.Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2016 – № 10. – С. 34–37.

6. Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 98–101.

7. Плаксина Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Т.А. Плаксина // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 4 (16). – С. 78–82.

8. Качалова О.В. Как суду нужно применять судебный штраф [Электронный ресурс] / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2016. – № 11. – Режим доступа: <http://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=504804> (дата обращения: 30.11.2016).

9. Авдеев В.А. Наказание в системе уголовно-правовых средств противодействия преступности : взаимодействие правовых систем в условиях глобализации международной жизни / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева, О.П. Грибунов, В.А. Сергевнин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 301–312.

10. Белкин А.Р. Спорные вопросы исчисления процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин // Мировой судья. – 2013. – №6. – С. 8–12.

11. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головки. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk, Roman V. – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, 11, Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: marova@mail.ru.

ИНСТИТУТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: РАСШИРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ

Суд присяжных выступает особой формой судебного разбирательства, где помимо состава суда, в который входят судьи – профессионалы, присутствуют также и присяжные заседатели, которые совместно с судьей призваны осуществлять функцию правосудия. Во всех случаях решения присяжные принимают независимо от точки зрения профессиональных судей в отношении конкретного дела. Вопрос деятельности суда присяжных в уголовном процессе является весьма актуальным, так как он является дополнительной гарантией защиты прав подсудимого. Уголовно-процессуальный закон имеет ряд неточностей относительно деятельности системы суда присяжных, что говорит о необходимости его более точного законодательного регулирования. Автором рассматриваются исторические аспекты возникновения суда присяжных в России, причины расширения данного института и проблематику данного вопроса, опираясь на внесенные в законодательство изменения, которые вступят в законную силу в 2017–2018 гг. Кроме того, отмечены последствия таких изменений для Республики Крым.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, правосудие, уголовный процесс, федеральный закон.

А.А. Poddubnyak

THE JURY COURT: EMPOWERMENT

The jury acts as a special form of trial, where in addition to the composition of the court, which includes judges – professionals, there are also jurors with a judge called upon to exercise the function of justice. In all cases, the decision of the jury is taken regardless of the point of view of professional judges in respect of the particular case. The question of the jury in the criminal process is very important, as it is an additional guarantee of protection of the rights of the defendant. Criminal procedure law has a number of inaccuracies regarding the activities of the jury system, suggesting the need for more precise legal regulation. The author discusses the

historical origin of trial by jury in Russia, the reasons for the expansion of this institution and the problems of this issue, based on the legislated changes that will come into force in 2017–2018 in addition, the above mentioned consequences of such changes for the Republic of Crimea.

Keywords: jury, jurors, justice, criminal procedure, Federal law.

В правовом демократическом государстве в основу положен принцип соблюдения гражданами, должностными лицами и государственными органами законов, нормативно-правовых актов и, в обязательном порядке, принятие решений и осуществление действий на основе права. В реальной жизни несоблюдение данного принципа порождает правовые конфликты. Задачу по их предотвращению и разрешению, обеспечению законности и правопорядка выполняет суд, используя особое положение в системе органов государственной власти и специфические средства воздействия, ему присущие [1, с. 112].

Независимая судебная власть является одной из фундаментальных основ демократического правового государства. Важнейшим составным элементом указанной власти является суд с участием присяжных заседателей. Частью 4 ст. 123 Конституции РФ установлено, что в особых случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей, которое представляет собой комплексный институт в современном российском праве. Суд присяжных своим появлением сменил действующий судебский произвол старорежимных монархий в Европе, что породило, в свою очередь, повышение уровня демократизации.

История суда присяжных в России началась с 1864 г. и действовала до 1917 г. Суд с участием присяжных заседателей как форма организации суда впервые получила нормативное закрепление в России в 1864 г. в Уставе уголовного судопроизводства и в Учреждении судебных установлений как часть демократических реформ Александра II. Целью появления данного института было обеспечение участия общества в осуществлении правосудия и независимости суда в целом при постановлении приговора. Институт суда присяжных на протяжении многих лет проходил этап возрождения после его упразднения в 1917 г. Первым шагом было вынесение постановления «О концепции судебной реформы в РСФСР» в 1991 г. Это постановление впервые давало право гражданам на рассмотрение дела

в суде присяжных в случаях, установленных законом. Реальный шаг к введению суда присяжных был сделан в 1993 г. с принятием Конституции РФ, когда в качестве эксперимента он был введен в ряде регионов [2, с. 27].

В первые годы применения системы суда присяжных в Российской Федерации шли дискуссии по поводу неэффективности и отмены данного суда из-за большого количества оправдательных приговоров, процент которых составлял более сорока от общего количества уголовных дел. И по мнению общественности, такой исход дел не мог соответствовать действительности, что ставило под сомнение правильность вердикта присяжных.

Проанализировав судебную практику последних лет, отметим, что отмена приговоров в большинстве случаев происходит, в том числе, и из-за нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, а именно, неверного формирования вопросов в вопросном листе, незаконного воздействия на присяжных заседателей, высказывание судьей собственного мнения в отношении конкретного преступления, которое могло повлиять на мнение присяжных и так далее.

Президент страны В.В. Путин в 2015 г. во время своего выступления на съезде судей Российской Федерации отметил «неэффективность» судебной системы в части применения института суда присяжных, закрепив это статистическими данными, согласно которым количество дел, рассмотренных судом присяжных в 2014 г., составило в 1,5 раза меньше. В связи с этим подчеркнул необходимость расширения применения этого института. Прежде всего, такое решение связано с развитием демократических начал, гражданского общества и правового государства в России. Однако, при этом, необходимо помнить об экономической составляющей данного вопроса. Данная реформа и идея расширить институт суда присяжных будет очень сложно воплотить в жизнь в районных судах, где залы судебных заседаний элементарно не оборудованы для размещения присяжных заседателей в помещении. Нельзя забывать и о том, что каждый присяжный заседатель должен быть обеспечен жильем, защитой и компенсацией за время, потраченное на судебное заседание. И это только малая часть возникающих вопросов в экономическом и материальном плане обеспечения реформы.

Конечно, последняя из описанных проблем была частично решена в связи с сокращением числа присяжных. При этом В.В. Путин от-

мечает, что нет никакой связи между количеством присяжных заседателей и справедливостью вынесенного вердикта. Поэтому, снижение количества присяжных пойдет только на пользу судебной системе.

23 июня 2016 г. был подписан Федеральный закон № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» (далее – Федеральный закон № 190-ФЗ). Согласно данному федеральному закону, в региональных судах коллегии присяжных сокращаются до восьми человек. Зато судьи из народа появятся в районных судах, где будут введены коллегии присяжных из шести человек. Предполагается, что сокращение количества присяжных в коллегиях поможет быстрее сформировать «народный суд»¹. Напомним, по старым правилам коллегия присяжных заседателей может рассматривать дела лишь на региональном уровне. Именно это до сих пор существенно ограничивало компетенцию судов присяжных. Теперь все будет иначе.

Во время обсуждения реформы суда присяжных было представлено немало предложений. Одним из них были направлены в Госдуму Федеральной палатой адвокатов России. Было предложено ввести административную ответственность для кандидатов в присяжные, которые без достаточных оснований не являются в суд для формирования коллегии, и уголовную ответственность для тех кандидатов в присяжные, кто скрывает данные о себе, например, о судимости и иные сведения, что лишают права возложить на себя обязанности данного субъекта. Данное положение позволило бы в дальнейшем избежать грубейшего нарушения уголовного процесса, такого как вынесение незаконного решения суда.

Федеральный закон № 190-ФЗ позволит в будущем укрепить статус суда присяжных в качестве основного звена судебной системы, максимально приблизить общество к судопроизводству, увеличить уровень демократизма в стране, повышение уровня гласности правосудия; наиболее полная реализация конституционного права гражданина на осуществление правосудия в случаях, установлен-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

ных федеральным законодательством. В пояснительной записке к проекту федерального закона говорится следующее: «Законопроект направлен на расширение применения института присяжных заседателей в целях дальнейшего развития и укрепления демократических основ уголовного судопроизводства, повышения открытости правосудия и доверия общества к суду», – говорится в пояснительной записке¹.

Изменения коснулись и Федерального закона «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ. В частности, статья 7 теперь предусматривает начало функционирования суда присяжных в Крыму с 1 июня 2018 г.²

Таким образом, расширение института суда присяжных, несомненно, является положительным шагом, который приведет к активному развитию демократических начал в стране и обеспечит доверие народа к российскому судебному производству и справедливости вынесенного судебного решения.

Список использованной литературы

1. Дмитриев Ю.А. Правоохранительные органы Российской Федерации : учеб. для вузов / Ю.А. Дмитриев, М.А. Шапкин. – 3-е изд., изм. и доп. – М. : Эксмо, 2006. – 448 с.

2. Попова А.Д. Суд присяжных как атрибут демократического государства: история и современность / А.Д. Попова // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 56–59.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20 авг. 2004 г. № 113-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.lawmix.ru/law_project/7439.

² О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федер. закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ (с изм. от 23.06.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Поддубняк Анна Александровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 295007, Российская Федерация, г. Симферополь, Республика Крым, проспект академика Вернадского, 4, e-mail: annarachok@mail.ru.

Information about the author

Poddubnyak, Anna A. – PhD in Law, Senior Lecturer of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Tavricheskaya Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 4 Prospectus of Academician Vernadsky, 295007, Simferopol, the Republic of Crimea, Russian Federation, e-mail: annarachok@mail.ru.

И.П. Попова, А.А. Протасевич, И.Г. Смирнова

ПРИГОВОР, ПОСТАНОВЛЕННЫЙ ЗАОЧНО

Эффективная борьба с преступностью в условиях современного социально-экономического развития становится все более затруднительной, если не использовать дополнительные ресурсы для достижения задач уголовного преследования и судопроизводства в целом. Одним из таких ресурсов является законодательно урегулированная возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, которая предусмотрена законодательством многих государств, в том числе, и постсоветского пространства. Авторами статьи были рассмотрены такие концептуальные проблемы заочного порядка постановления приговора, как основания проведения заочного судебного разбирательства и возможности его обжалования.

На основе сравнительно-правового исследования, анализа судебной практики, данных судебной статистики авторами сформулированы выводы и сделан ряд предложений по совершенствованию правоприменительной практики и уголовно-процессуального законодательства. Самостоятельным критерием формулируемых выводов стали результаты изучения мнения 400 судей из шести регионов РФ, опрошенных в течение 2014–2016 гг.

Ключевые слова: Уголовный процесс, заочное судебное разбирательство, розыск лица, особенности международного сотрудничества по уголовным делам с заочным приговором.

I.P. Popova, A.A. Protasevich, I.G. Smirnova

JUDGMENT BY DEFAULT

Effective fight against crime in the conditions of modern social and economic development is quite difficult without using additional resources for completion of proceeding. The possibility of consideration of criminal case in the absence of the defendant is one of such resources. Such procedure is provided by the legislation of many states including the former Soviet Union. Authors of article considered such conceptual problems of the correspondence order of the resolution of a sentence as the bases of carrying out the correspondence judicial proceedings, features of the international cooperation in criminal cases with the sentence decided in absentia. On the

basis of the comparative-law research, the analysis of investigative jurisprudence, data of judicial statistics by authors have formulated conclusions and a number of suggestions for improvement of law-enforcement practice and the criminal procedure legislation is made. Results of studying of opinion of 400 judges from six regions of the Russian Federation interrogated during 2014–2016 became independent criterion of the formulated conclusions.

Keywords: Criminal trial, the correspondence judicial proceedings, search of the person, feature of the international cooperation in criminal cases with a judgment by default.

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу [1, с. 131]. Как представляется, все иные процессуальные формы и институты подчинены единой цели установления всех обстоятельств совершенного деяния и виновности лица, его совершившего. Именно через призму эффективности и своевременности доказывания следует рассматривать уголовно-процессуальный институт постановления приговора в отсутствие подсудимого.

Широкого распространения заочное производство в судебной практике не получило. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ без участия подсудимого на основании ч. 4 ст. 247 УПК РФ судами России рассмотрено: в 2011 г. 0,39 % дел от числа всех окончанных производством уголовных дел в отношении 3993 лиц, в 2012 г. – 0,51 % дел в отношении 4914 лиц, 2013 г. – 0,46% дел в отношении 4533 лиц, в 2014 г. – 0,45 % дел в отношении 4348 лиц, а в 2015 г. данный показатель снизился вновь до уровня 2011 г. – до 0,39 % дел в отношении 3909 лиц. На основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ без участия подсудимого рассмотрено уголовных дел еще меньше: в 2011 г. 0,05% дел от числа всех окончанных производством в отношении 549 лиц, в 2012 г. – 0,06% дел в отношении 560 лиц, 2013 г. – 0,07 % дел в отношении 690 лиц, в 2014 г. – 0,08 % дел в отношении 762 лиц, а в 2015 г. данный показатель снизился вновь до уровня 2011 г. – до 0,05 % в отношении 528 лиц¹.

¹Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ в ст. 247 УПК РФ были внесены изменения и дополнения, обусловленные реализацией Россией обязательств в рамках международного права о противодействии терроризму и расширившие основания постановления приговора заочно. Вместе с тем, указанные новации не исчерпали ряда вопросов, связанных с заочным судебным разбирательством и постановлением приговора в отсутствие подсудимого.

В частности, можно считать открытым вопрос о распространении возможности рассмотрения уголовного дела заочно не только в отношении лиц, находящихся за пределами РФ, но и в отношении лиц, скрывшихся от суда на территории РФ [2, с. 16–17; 3; 4; 5]. Так, Е.А. Карякин, предлагает ограничить возможность заочного разбирательства в отсутствие ходатайства подсудимого лишь случаями нахождения подсудимого за пределами РФ [6, с. 78].

Решение данного вопроса одному из авторов публикации (И.Г. Смирнова) видится в правильной расстановке приоритетов развития уголовно-процессуального законодательства, а также в определении вектора уголовно-процессуального целеполагания. Речь идет, в первую очередь, о решении вопроса, имеющего концептуальное, методологическое и ярко выраженное практическое значение: о выборе должной уголовно-процессуальной стратегии¹, отвечающей запросам государства, общества и личности и условиям развития общественных отношений.

В настоящее время учеными – процессуалистами выделяются следующие уголовно-процессуальные стратегии [7, с. 24–29]:

1. Защита прав и свобод обвиняемого.
2. Уголовное преследование.
3. Социальная поддержка обвиняемого.
4. Социальная поддержка потерпевшего.
5. Рациональность и эффективность уголовного судопроизводства [8, с. 13].
6. Примирение.

¹ Стратегия является, как нам представляется, содержательной терминологической единицей, учитывающей не только то, к чему следует стремиться, но и средства достижения поставленных целей, подразумевая и уголовно-процессуальную политику.

Анализ современных уголовно-процессуальных норм позволяет констатировать признание законодателем в той или иной степени важности всех вышеперечисленных приоритетов уголовно-процессуального регулирования. Вместе с тем, ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства, в первую очередь, предусматривает защиту частных прав и свобод личности. Указанное свидетельствует о необходимости в случаях неоднозначной позиции законодателя все сомнения толковать в пользу участников уголовного судопроизводства.

На основании вышеизложенного можно считать справедливым ограничить возможность заочного разбирательства в отсутствие ходатайства подсудимого лишь случаями нахождения подсудимого за пределами РФ.

В свою очередь, И.П. Попова полагает, что фактическая реализация такого подхода затруднит дальнейшее распространение института постановления приговора заочно, поскольку факт выезда за пределы РФ сложно доказуем. Следовательно, целесообразно исходить из обязанности правомерного посткриминального поведения личности, в отношении которого возбуждено уголовное преследование и избрана мера пресечения. Его обязанность – участвовать в производстве по уголовному делу. А в качестве негативных последствий негативного поведения подсудимого в рамках предоставленных ему прав и возложенных на него обязанностей – можно считать рассмотрение уголовного дела заочно.

Еще одним вопросом, не имеющим окончательного решения, следует признать вопрос о процессуальной регламентации заочного производства по делам о преступлениях различной степени тяжести. Интересна позиция тех ученых, которые полагают, что заочное рассмотрение допустимо по уголовным делам о преступлениях различной степени тяжести, при условии обязательного участия защитника в целях способствования состязательности сторон и обеспечения соблюдения прав подсудимого [9, с. 20; 10, с. 47].

Нельзя не вспомнить, что сама судебная практика неоднозначна в решении данного вопроса. Так, до 2010–2011 г., когда Верховный Суд РФ высказал свою позицию, интересы потерпевших, длительное время ожидающих возобновления производства, были учтены в позиции судов. Отсутствие прямого запрета расценили как возможность. Кстати, суды областные дали добро тогда на «массовый сброс старых дел» заочно по категориям, где требовалось личное ходатайство. Су-

ды полагали возможным применение аналогии ч. 5 ст. 247 УПК РФ к преступлениям, отнесенным законодателем к категории небольшой и средней тяжести, исходя из того, что значительное количество дел таких категорий были приостановлены за розыском и длительное время находились в производстве судов. Рассмотрение дел не привело к массовой отмене постановленных заочных приговоров. Большинство осужденных соглашались с назначенным им наказанием, которое по данным категориям дел не отличалось чрезмерной суровостью в силу санкций уголовного закона.

Отмена судебных решений, постановленных по результатам заочных судебных разбирательств, в отношении подсудимых, обвиняемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, чаще была связана с ходатайствами осужденных, которым заочным приговором наказание было назначено по совокупности с другими приговорами, то есть, как правило, лицами, совершившими преступления либо при рецидиве, либо в период неисполненных наказаний по предыдущим приговорам. (В соответствии с нормами уголовного закона наказание по совокупности приговоров назначается путем частичного или полного сложения с учетом требований ст. 70 УК РФ).

В целом, следует отметить, что решения, постановленные в порядке заочного производства, обжалуются крайне редко. Зачастую это обусловлено наказанием, не отличающимся своей суровостью, что, возможно, вызвано неопределенностью порядка обращения к исполнению заочного приговора. В таком случае, злоупотребление правом подсудимым, не являющимся в суд, ставит его в более выгодное положение, хотя и не регламентированное в законе, нежели подсудимого, с более позитивным посткриминальным поведением.

С принятием Верховным Судом РФ нескольких решений¹, вектор развития судебной практики претерпел кардинальные изменения, согласно которым отсутствие прямого разрешения на рассмотрение дел такой категории в отсутствие подсудимого, в случае уклонения его от явки в суд, стало расцениваться как запрет на заочное производство по уголовным делам небольшой и средней тяжести.

¹ Надзорное определение Верховного суда РФ от 31 августа 2010 г. № 18-Д10-51 [Электронный ресурс] // URL: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=327028; Надзорное определение Верховного суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 35-Дп11-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 11. С. 13–14.

Не остался в стороне от данной дискуссии и Конституционный Суд РФ. Так, 12 мая 2016 г. Конституционным Судом РФ было рассмотрено обращение Курганского городского суда Курганской области, поставившего вопрос о проверке на предмет соответствия положениям Конституции РФ норм ст. 247 УПК РФ, не предусматривающей возможность рассмотрения в отсутствие подсудимого уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести по нормам ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Рассматривая обращение, Конституционный Суд РФ, подчеркнул, что дифференциация случаев заочного рассмотрения уголовных дел имеет объективные основания и не противоречит Конституции РФ, в том числе конституционным требованиям юридического равенства. Конституционный Суд РФ в указанном определении также выразил следующие правовые позиции.

Во-первых, уклонение находящегося за рубежом подсудимого от явки в российский суд, предусмотренное ч. 5 ст. 247 УПК РФ в качестве дополнительного условия ее применения, свидетельствует о его отказе от осуществления права лично участвовать в рассмотрении дела.

Во-вторых, отказ подсудимого от права на участие в судебном заседании может быть принят судом при соблюдении следующих условий:

- если этому не препятствуют публичные интересы;
- если этому не препятствуют законные интересы других лиц.

В-третьих, право отказ подсудимого от участия в судебном заседании может быть ограничено федеральным законом в конституционно значимых целях, однако при том лишь условии, что соответствующие судебные процедуры в целом обеспечивают соблюдение конституционных требований справедливого судопроизводства и реализацию задач уголовного права и процесса, включая защиту прав потерпевших от преступных посягательств¹.

Представляется, что рассмотрение уголовных дел любой тяжести на основании ч. 5 ст. 247 УПК РФ возможно в случае, когда подсудимый скрылся, и его розыск эффективных результатов не дал.

¹ По запросам Курганского городского суда курганской области о проверке конституционности части пятой статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 1002-О [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision236395.pdf>.

Примечательно, что такую позицию разделяет 71 % опрошенных судей. Между тем, почти наполовину разделилось мнение судей при опросе о возможности рассмотрения уголовных дел о преступлениях любой категории тяжести в отсутствие подсудимого по его ходатайству на основании ч. 4 ст. 247 УПК РФ (за возможность таких изменений высказалось 53 % опрошенных респондентов).

Думается, что законодатель, к примеру, может установить, что розыск по уголовным делам небольшой и средней тяжести должен осуществляться не менее шести месяцев, а по делам иной категории – не менее года, при условии подтверждения эффективности действий лиц, осуществляющих розыск.

К тому же, суду может быть предоставлена лишь сводная справка, т.к. само розыскное дело является документом служебного пользования и носит секретный характер, не может стать предметом исследования в судебном заседании для оценки действий по надлежащей организации розыска. Тогда как на практике, к сожалению, такие факты имеют место быть. Кроме того, имеется риск, что справки о ходе розыска превратятся в формальность, позволяющую рассмотреть любое уголовное дело в отсутствие подсудимого.

Исходя из ведомственных интересов, оказывается более результативен розыск осужденных, нежели подсудимых. Что, в свою очередь, может свидетельствовать об отсутствии должных мер по организации розыска по ранее приостановленному делу. Особенно, такая ситуация отмечается, где розыск подсудимых объявлен без изменения меры пресечения на содержание под стражей. В ущерб интересам потерпевших, чей доступ к правосудию может быть не реализован, розыск по таким делам, как правило, ведется менее эффективно, и может, в свою очередь, привести к нарушению разумных сроков судопроизводства. Изложенное, безусловно, нарушает права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, подрывает авторитет правосудия.

Возвращаясь к вопросу о волеизъявлении лица на рассмотрение уголовного дела в его отсутствие, подчеркнем, что оно может быть реализовано как путем уклонения от явки в суд, так и путем заявления соответствующего ходатайства. Иными словами, реализуя надлежащий порядок направления ходатайства, лицо также отказывается от права предстать перед судом лично (баланс реализации прав и обязанностей государства и личности в таких случаях достигается путем предоставления права суду признать явку подсудимого обяза-

тельной, в случае, когда рассмотрение уголовного дела в его отсутствие невозможно [11, с. 250]).

Для таких категорий дел было бы целесообразно и более эффективно для полного информирования обвиняемого о различных формах судопроизводства предусмотреть в УПК РФ обязанность органов дознания и предварительного расследования разъяснить обвиняемым по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести их право заявить ходатайство рассмотрении уголовного дела в их отсутствие. О разъяснении права следует в таком случае сделать соответствующую отметку в протоколе по итогам ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Как это делается при других видах дифференцированных производств.

Не предусматривает УПК РФ механизм вручения приговора подсудимому, в отсутствие которого рассмотрено уголовное дело. Что непосредственно влияет на вступление приговора в законную силу и его стабильность.

Резонно возникает вопрос: должен ли сохраняться единый, унифицированный порядок обжалования приговоров и тогда, когда речь идет об итоговых процессуальных решениях, постановленных заочно? В этой связи, Е.Г. Бендерская предлагает дифференцировать порядок обжалования заочных приговоров в зависимости от того, имел ли подсудимый возможность реализовать свое право на личное участие в судебном разбирательстве. В случае ненадлежащего уведомления судом о рассмотрении уголовного дела или в силу уважительности причин неявки, подсудимому должно быть предоставлено право на отзыв заочного приговора. Подача отзыва, по мнению Е.Г. Бендерской, должно влечь новое судебное рассмотрение с возможностью поворота к худшему. Обжалование приговора в общем порядке возможно в случае утраты права на отзыв надлежаще уведомленного подсудимого, уклонившегося от явки в суд, в том числе на повторное рассмотрение дела, и в случае ходатайств о заочном разбирательстве [12, с. 10–11]. Для реализации данного положения ч. 7 ст. 247 УПК РФ нуждается в изменении, указав на отмену заочного приговора по ходатайству осужденного или его защитника, в кассационном порядке, предусмотренном гл. 47.1 УПК РФ. Думается, не лишним, будет и подчеркнуть согласие осужденного в случае подачи такого ходатайства защитником, так как в вопросе обжалования заочного приговора их позиции могут различаться.

Таким образом, адекватное решение на нормативном уровне вопросов, связанных с постановлением приговора в отсутствие подсудимого, будет способствовать обеспечению системности уголовно-процессуального права и законодательства, что, в свою очередь, закономерно обусловит долговечность закона [13], а также действенность и эффективность его фактического применения.

Список использованной литературы

1. Воскобитова Л.А. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 130–143.
2. Кукушкин П. Заочное судебное разбирательство / П. Кукушкин, В. Курченко // Законность. – 2007. – № 7. – С. 16–18.
3. Сероштан В.В. Заочный приговор / В.В. Сероштан // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 28–30.
4. Марасанов П.Н. Заочное рассмотрение дел в уголовном судопроизводстве: кризис правового регулирования / П.Н. Марасанов // Российский судья. – 2010. – № 7. – С. 27–32.
5. Великая Е.В. Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого: правовое регулирование, проблемы / Е.В. Великая // Мировой судья. – 2011. – № 1. – С. 19–22.
6. Карякин Е.А. Проблематика заочного судебного производства по уголовному делу / Е.А. Карякин // Уголовный процесс. – 2015. – № 6. – С. 75–79.
7. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Г. Стойко. – СПб., 2007. – 50 с.
8. Казначей И.В. Неизбежная парадигма уголовно-процессуальных отношений в применении современных технологий связи при производстве следственных действий / И.В. Казначей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 1. – С. 12–18.
9. Великая Е.В. Соблюдение права подсудимого на защиту при рассмотрении дела в его отсутствие / Е.В. Великая // Уголовный процесс. – 2015. – № 1. – С. 18–24.

10. Желтобрюхов С.П. Продолжение реформирования уголовного судопроизводства – необходимый шаг к быстрому рассмотрению дел / С.П. Желтобрюхов // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 44–47.

11. Андреева О.И. Проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого: проблемы правоприменения / О.И. Андреева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2006. – № 292-2. – С. 250–252.

12. Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Бендерская. – М., 2010. – 221 с.

13. Рарог А.И. Актуальные проблемы уголовного права / А.И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 90–95.

Информация об авторах

Попова Ирина Павлова – председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irinabaikal@mail.ru.

Протасевич Александр Алексеевич – директор Юридического института БГУ, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: ProtasevichAA@bgu.ru.

Смирнова Ирина Георгиевна – заместитель директора Юридического института по научной работе, заведующая кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Information about the authors

Popova, Irina P. – the Chairman of the Ust-Ilim city court of the Irkutsk region, in Honorable Resignation, Teacher of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irinabaikal@mail.ru.

Protasevich, Alexander A. – Director of Legal Institute of Baikal State University, head of the Department of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Doctor of Jurisprudence, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: ProtasevichAA@bgu.ru.

Smirnova, Irina G. – Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, dr Sc (law), Associate Professor, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ

Статья посвящена анализу случаев привлечения судей к уголовной ответственности, которые закончились вынесением приговора. Автором приводятся сведения об общем числе и характеристике этих дел, рассматриваются особенности подсудности данной категории. Особое внимание уделено проблемным моментам, связанным с назначением справедливого наказания за преступные деяния, совершенные судьями, во взаимосвязи со спецификой их статуса. В частности, анализируются случаи назначения наказания в виде реального лишения свободы, в виде условного осуждения, в виде штрафа. Автор акцентирует проблему истечения давностных сроков и ее влияние на исполнение назначенного судьей по приговору наказания. При этом подчеркивается, что вследствие истечения сроков давности уголовного преследования судьи, совершившие преступление, несправедливо избегают негативных последствий, связанных с вынесением в отношении них обвинительного приговора.

Ключевые слова: привлечение к уголовной ответственности, статус судьи, неприкосновенность, истечение сроков давности уголовного преследования, справедливость приговора.

N.V. Romanenko

SENTENCING IN RESPECT OF JUDGES

This article analyzes the cases of bringing the judges to criminal liability, which resulted in the sentencing. The author provides information on the total number and characteristics of these situations, the features of the jurisdiction of this category of cases. Particular attention is paid to the problem moments connected with the appointment of a just punishment for criminal acts committed by judges in relation to the size of the damage caused. In particular, cases of sentencing are analyzed in the form of imprisonment, a suspended sentence, a fine. The author emphasizes the problem of the expiry of limitation period and its impact on the performance of the designated judge by the sentence of punishment. It is emphasized that

due to the expiration of the statute of limitations of criminal prosecution judges who have committed crimes, unfair avoid the negative consequences associated with the imposition of them against conviction.

Keywords: criminal prosecution, the status of judges, immunity, expiration of limitation of criminal prosecution, sentencing justice.

Совершение преступлений представителями судебной власти – явление противоестественное, однако имеющее место в современной российской действительности. Как показало исследование, проведенное по фактам привлечения судей к уголовной ответственности, в среднем ежегодно около 15 судей становятся лицами, в отношении которых инициируется или осуществляется уголовное преследование. До судебных стадий доходит около 80 % всех возбужденных дел, однако 44 % дел прекращается на досудебных или судебных стадиях без вынесения приговора. Соответственно, вынесением приговора заканчивается 56 % от всех возбужденных против судей уголовных дел, или 68 % дел, дошедших до суда.

Общественное мнение, высказываемое по этому поводу, не только всегда негативно, но также и не совсем объективно, и проведенный анализ позволяет «развенчать» его отдельные «мифы». В частности, ошибочным является утверждение о том, что «случаи вынесения обвинительных приговоров судьям уникальны»¹, что «очень мало приговоров, которые были вынесены по итогам рассмотрения данных категорий дел. Если вы обратитесь к судебной практике, то вы практически не найдете такие судебные акты» [1, с. 914]. Обратившись к практике последних 15 лет, мы нашли 95 приговоров, вынесенных в отношении судей и вступивших в законную силу. При этом каждый десятый приговор оправдательный, что существенно выше, чем среднестатистический показатель общего количества оправдательных приговоров, не превышающий 1 %².

Также следует опровергнуть еще одно стереотипное мнение: «уголовная норма статьи 305 УК РФ (вынесение заведомо неправо-

¹ Сайт Российской общественной инициативы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.roi.ru/8637/> (дата обращения: 12.11.2016).

² Обзоры судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 20.10.2016).

судных приговора, решения или иного судебного акта) остаётся пустой декларацией и согласно официальной уголовной статистике не применяется в РФ практически никогда»¹, «приговоры по статье 305 выносятся крайне редко» [2], «Институт ст. 305 УК РФ ... является преимущественно «мертвым» институтом российского уголовного права... случаи осуждения по данной статье судей, вынесших произвольные решения, единичны и преимущественно носят политически-конъюнктурный характер»[3], и т.п. Отметим, что более 80 % приговоров по должностным преступлениям судей выносятся именно по ст. 305 УК РФ, которые часто совершаются в совокупности со ст. 159, 285, 286, 290, 292 УК РФ.

Полагаем, что приведенные выше предубеждения связаны с тем, что возбудить уголовное дело в отношении судьи действительно трудно, что обусловлено гарантиями его публично-правовой неприкосновенности. Однако после преодоления всех препятствий, установленных ею на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия, уголовное преследование судьи осуществляется в обычном порядке (п. 7 ст. 16 Закона о статусе судей²). Следует согласиться, что «регулятивное воздействие положений гл. 52 УПК РФ распространяется только на досудебные процедуры привлечения судьи к уголовной ответственности. Они не влияют на судебное рассмотрение, на реализацию принципа неприкосновенности судей в самом суде в ходе судебного процесса» [4].

Особенностью производства в отношении судьи является, пожалуй, лишь персональная подсудность таких дел: в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 31, ст. 451 УПК РФ по ходатайству судьи, заявленному до начала судебного разбирательства, уголовное дело в отношении него рассматривается областным и соответствующим ему судом. Заметим, что до 1 января 2013 г.³ такие дела рассматривались Верховным Су-

¹ Сайт Российской общественной инициативы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.roi.ru/8637/> (дата обращения: 12.11.2016).

² О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. №3132-1 (в ред. от 3.07.2016) // Российская газета. 1992. 29 июля.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (в ред. от 31.12.2014) // Российская газета. 2010. 31 дек.

дом РФ: полагаем отмену этой нормы правильной, поскольку она, во-первых, обременяла производство затратной по времени передачей материалов уголовного дела в высший судебный орган, а во-вторых, предоставляла такую гарантию лишь федеральным судьям, не позволяя ходатайствовать о передаче дела в ВС РФ мировым судьям и судьям конституционных (уставных) судов субъекта РФ, что нарушало принцип единства статуса судей и их равенства.

Судьи заявляют ходатайства о рассмотрении уголовного дела звеном более высокого уровня не всегда, зачастую выбирая преимущества территориальной, а не родовой подсудности. В таком случае дело рассматривается в соответствии с общими правилами подсудности. Обобщение практики показало, что около 40 % уголовных дел в отношении судей рассматривается по первой инстанции районными (городскими) судами, 45 % – областными и соответствующими им судами, 15 % рассматривались Верховным Судом РФ. Около 8 % дел в отношении судей рассматривалось с участием присяжных заседателей.

Однако в случае рассмотрения дела по месту совершения преступления (которое зачастую является местом жительства или работы судьи) возникает необходимость и в смене территориальной подсудности. В одном из дел, которое было передано на рассмотрение в однозвенный суд из суда, где работала подсудимая, было указано: *«...обстоятельства дела, а именно: ... место совершения преступлений, круг лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, свидетельствуют о наличии существенных оснований, препятствующих рассмотрению уголовного дела в отношении Хохловой по общему правилу его территориальной подсудности, поскольку ограничивают беспристрастность и независимость судей Октябрьского районного суда г. Владимира при дальнейшем производстве по делу и постановлении приговора или иного решения. ...Принимая во внимание предусмотренные ст. 31 УПК РФ требования о подсудности для данной категории преступлений, место проживания большинства свидетелей, выводы суда о необходимости направления дела в Ленинский районный суд г. Владимира в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения уголовного дела, судебная коллегия находит правильными и убедительными»¹.*

¹ Апелляционное определение Владимирского областного суда от 13 января 2016 г. № 22-188/2016.

Однако даже эта мера не всегда позволяет судьям, судящим своих коллег, особенно по ст. 305 УК РФ, избавиться от естественного опасения оказаться на его месте, которое нарастает по ходу углубления в ситуацию в результате поэтапного ознакомления со всеми деталями произошедшего, по мере исследования всех доказательств по делу: ведь каждый судья ежедневно оказывается в подобной ситуации вынесения судебных актов, любой из которых может оказаться неправосудным вследствие его отмены вышестоящей инстанцией. Доказать же отсутствие «заведомой неправосудности», т.е. умысла на вынесение неправосудного акта, бывает непросто: «во многих случаях сам факт вынесения явно незаконного акта и правильная оценка сопутствующих объективных обстоятельств позволяет сделать верный вывод об умышленной вине судьи» [5].

Испытываемое к подсудимым – прежде всего как к своим бывшим коллегам – сочувствие усиливается принципиальной гуманностью российских судей: как отмечается исследователями, «гуманитарный стандарт российских судей несколько выше, чем это предполагает текущее законодательство: они воспринимают предписанные законом меры, там, где это касается реального лишения свободы, как чрезмерно жесткие (в частности, потому что в отличие от законодателя учитывают реальные условия содержания в местах заключения), что ведет к массовому назначению более мягких наказаний и избеганию реальных сроков» [6, с. 125].

Справедливость данного утверждения отчасти подтверждается проведенным анализом назначаемых судьям видов наказания. Как показало обобщение практики, к реальному лишению свободы осуждаются не более 20% судей, чьи дела рассматривались в суде – и лишь в тех случаях, когда совершенные ими преступления повлекли наступление тяжких последствий (смерть потерпевших, причинение вреда в особо крупных размерах и пр., причем многие из них не связаны с выполнением должностных полномочий)¹.

Эти же данные вынуждают согласиться с еще одним устоявшимся мнением, что «приговоры по статье 305... почти никогда не

¹ Приговор ВС РФ от 31 мая 2010 г. № УКПИ10-1 в отношении В. Глейкина; Уголовное дело № 2-6/11 // Архив Верховного суда Республики Татарстан за 2011 г.; Уголовное дело № 2-8/2013 // Архив Ульяновского областного суда за 2013 г.; Уголовное дело № 1-5/2015 // Архив Нижегородского районного суда за 2015 г.

бывают связаны с реальным лишением свободы» [2]: реальное лишение свободы по ст. 305 УК РФ получили лишь 4 % судей, чьи дела рассматривались в суде¹.

В большинстве же случаев судьи осуждаются условно (25 %) или же им назначается наказание в виде штрафа (8 %). Значительную часть составляют приговоры, хотя и осуждающие судью за совершение преступления, но одновременно освобождающие его от назначенного наказания вследствие истечения сроков давности или применения акта амнистии (12 %). В совокупности с тем обстоятельством, что еще порядка 40 % уголовных дел прекращаются по нереабилитирующим основаниям без вынесения приговора на досудебных и судебных стадиях производства по уголовному делу, можно утверждать, что большинство судей за совершенные ими преступные деяния не претерпевают мер ответственности со всей строгостью, предусмотренной уголовным законом.

Полагаем, не только гуманность «судящих судей» является тому причиной. Нельзя сказать, что при вынесении приговоров в отношении судей нарушается закон: наказание назначается на общих основаниях, суды не выходят за рамки условий, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ и УПК РФ. Формальных нарушений не допускается, в мотивировочных частях приговоров, содержащих обоснование выбора вида и размера наказания, используются стандартные формулировки (подсудимый «ранее не судим», «на учете у врачей нарколога и психиатра не состоит, по месту жительства и прежней работы характеризуется исключительно положительно» и т.п.).

Однако при этом не учитывается ряд факторов, которые придают специфику осуществления правосудия по уголовным делам в отношении судей: во-первых, не принимается во внимание, что сама категория преступников в силу своей «избранности» и «элитарности» не допускает иных характеристик, кроме положительных; во-вторых, не учитывается, как правило, существенный, размер ущерба от преступлений судей в силу властного характера их полномочий; в-третьих, не принимается во внимание потенциальный вред, размер которого не-

¹ Уголовное дело № 2-65/2009 // Архив Алтайского краевого суда за 2009 г.; приговор Московского городского суда от 27 января 2003 г. № 401к-8/03 в отношении Н. Мишиной, Н. Ивченко, В. Савелюка; Уголовное дело № 2-107/07 // Архив Свердловского областного суда за 2007 г.

возможно определить в момент вынесения приговора, однако который наступит впоследствии (например, в результате получения судьей взятки, вынесения заведомо неправосудного решения без участия сторон и пр.); в-четвертых, не учитывается безвозмездный характер освобождения от наказания по таким основаниям, как истечение сроков давности или применение акта амнистии. В частности, суды вышестоящих инстанций соглашались с тем, что «назначенное осужденному наказание, как и освобождение его от наказания в связи с истечением сроков давности, соответствует требованиям закона».

Однако впоследствии такие формально законные приговоры нередко критикуются обществом и не считаются им справедливыми. Объяснить это можно, на наш взгляд, односторонним, ограниченным подходом к представителям судебной власти, не учитывающим их повышенной ответственности перед обществом, о которой говорил Конституционный Суд РФ¹. Не менее категоричным выглядит мнение Г.Т. Ермошина: «Парадоксальным является само по себе явление судебного разбирательства, в котором бывший судья судится с государством, чьей власти он был носителем» [7, с. 6].

Полагаем, что при вынесении приговоров в отношении своих бывших коллег судьям следует руководствоваться специальными критериями справедливости правосудия, которые учитывали бы искупление вины и восстановление справедливости более высокого порядка – перед обществом и государством, авторитету которого их преступлениями наносится непоправимый ущерб.

Список использованной литературы

1. Манкевич И.С. Теоретические и практические аспекты привлечения судей к уголовной ответственности / И.С. Манкевич // Молодой ученый. – 2015. – № 10. – С. 914–916.

2. Шмараева Е. 305: Судья всегда прав [Электронный ресурс] / Е. Шмараева // Режим доступа: <https://zona.media/article/2015/22/07/codex-305> (дата обращения: 12.11.2016).

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко : Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. №19-П // Российская газета. 2011. 3 авг.

3. Пузанов И. Неподсудные: судья, прокурор, следователь... / И. Пузанов // ЭЖ-юрист. – 2011. – июль.

4. Автамонов А.Я. Роль суда с участием присяжных заседателей в реализации принципа неприкосновенности судьи / А.Я. Автамонов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 7. – С. 58–64.

5. Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения / Ю.В. Романец. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2012. – 400 с.

6. Панеях Э. Практическая логика принятия судебных решений: дискреция под давлением и компромиссы за счет подсудимого / Э. Панеях // Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. – М. : Статут, 2012. – 368 с.

7. Ермошин Т.Г. Судья в отставке. Проблемы дефиниции / Т.Г. Ермошин // Российский судья. – 2012. – № 2. – С. 6–10.

Информация об авторе

Романенко Наталья Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности, Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, Российская Федерация, ул. Комсомольская, 21, e-mail: bvm@ekbobsud.ru.

Information about the author

Romanenko, Natalia V. – PhD In Law, Associate Professor, Department of Judicial Activity, Ural State Law University, 21 Komsomolskaya St., 620137, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: bvm@ekbobsud.ru.

ДОСТАТОЧНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ПРИГОВОРА СУДА

В статье рассматривается важный для уголовного процесса вопрос, связанный с влиянием достаточности доказательств при вынесении приговора суда, обосновывается авторское мнение о влиянии достаточности доказательств на «внутреннее убеждение» судьи, отмечается, что достоверность представляет собой исключительно оценочную категорию, которая требует от субъекта процесса надлежащего уровня правового сознания и высокой культуры правоприменения.

Ключевые слова: суд, доказательства, проверка достоверности доказательств, уголовный процесс, приговор суда.

A.V. Rudin

SUFFICIENCY OF EVIDENCE IN REACHING THE VERDICT

The article discusses the importance for criminal proceedings issue related to the sufficiency of evidence influence in reaching the verdict, is justified author opinion about the impact of sufficiency of the evidence on the "inner conviction" the judge noted that the accuracy is only rating category, which requires the subject process the appropriate level of legal awareness and enforcement of high culture.

Keywords: court, evidence, verification of authenticity of evidence, criminal procedure, the court verdict.

Приговор суда выступает завершающей стадией уголовного судопроизводства, которая оценивает и реализует всю деятельность уголовного процесса путем принятия решения от имени Российской Федерации.

Согласно п. 28 ст. 5 УПК РФ «Приговором суда называется решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное

судом первой или апелляционной инстанции»¹. Так же следует отметить что приговор – это единственный процессуальный документ, который выносится именем Российской Федерации.

Лицом, принимающим решение о завершении уголовного судопроизводства и вынесении приговора, выступает судья. В соответствии с п. 3 статьи 1 Федерального Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» № 3132-І от 26 июня 1992 г. «Судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе»². Таким образом на судей возлагается осуществление весьма ответственных обязанностей: принятие общеобязательных решений, затрагивающих существенные права и законные интересы граждан, государственных и иных организаций, от них могут зависеть судьбы людей и их благополучие, поддержание законности и правопорядка.

Согласно ч. 1 ст. 71 АПК РФ, «Арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств»³. Рассматривая словосочетание «внутреннее убеждение», следует отметить, что в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой слово «Убеждение» означает «прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-н., точка зрения»⁴. Таким образом точка зрения судьи формируется на основе изучения собранных по делу доказательств, и является мыслительной деятельностью, направленной на получение достоверных сведений, а именно деятельностью, направленной на установление истины по делу.

Согласно ст. 10 АПК РФ, «Арбитражный суд при разбирательстве дела обязан непосредственно исследовать все доказательства по

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174 (в ред. 07.03.2017) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Российская газета. 1992. 29 июля.

³ Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95 (в ред. 19.12.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://ozhegov.info/slovar>.

делу. Доказательства, которые не были предметом исследования в судебном заседании, не могут быть положены арбитражным судом в основу принимаемого судебного акта»¹.

Основой «внутреннего убеждения» судьи будет выступать доказывание в уголовном процессе, которое реализуется посредством доказательств, которые должны отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Как отмечается в литературе, «результатом уголовно-процессуального доказывания должно быть доказанное (значит, достоверное) знание, полученное в результате собирания, проверки и оценки доказательств в точном соответствии с установленными законом правилами и не вызывающее сомнения в своей обоснованности. Гарантией достоверности знаний является выполнение требования всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств события преступления, поскольку единственными средствами установления истины по делу являются доказательства» [1, с. 14].

Согласно традиционным представлениям, достоверным является доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений. В отличие от истинного, достоверное знание предполагает наличие обоснования своей истинности. Поэтому достоверность должна рассматриваться, как обоснованное знание, соответствие которого действительности не вызывает сомнений.

Целью проверки достоверности доказательств является получение обоснованного знания о том, что имеющиеся сведения соответствуют объективной действительности [2, с. 8–9].

Положительная оценка достаточности доказательств всегда указывает на достижение наиболее высокой степени достоверного знания об обстоятельствах и фактах, необходимых для принятия решений. В каждом конкретном случае вопрос о достаточности доказательств разрешается компетентным должностным лицом по своему внутреннему убеждению с учётом всей совокупности материалов дела.

В ходе проверки достоверности материалов дела, судом, должны быть тщательно рассмотрены, внимательно изучены, проанализированы, сопоставлены между собой сами указанные сведения. Пределы

¹ Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95 (в ред. 19.12.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

проверки достоверности доказательств ограничены только теми сведениями, которые получены на стадии уголовного процесса, до вынесения приговора.

На стадии назначения судебного заседания суд при обнаружении существенных противоречий между доказательствами должен выяснить причины таких противоречий. Лишь установив причины, можно правильно оценить сведения, содержащиеся в материалах дела. Как считает Ю.К. Орлова, при существенных противоречиях между доказательствами те и другие подлежат тщательной проверке и оценке, в результате чего одни из них могут быть подтверждены и положены в основу обвинения, а другие отвергнуты [3, с. 111]. Как следует из практики по уголовным делам, не представляющим сложности, лицо подробно допрашивается следователем только в качестве подозреваемого, а впоследствии при допросе в качестве обвиняемого лицо ссылается на показания, данные им ранее в качестве подозреваемого. Малозначительное расхождение не обязательно утверждает, что такое доказательство недостоверно и необходимо учитывать другое. Возможно, что оба доказательства уточняют и дополняют друг друга. Немаловажным для судьи является проверка источников получения доказательств, что также позволяет оценить их достоверность. В ходе данного способа необходимо изучить источники получения доказательств, сопоставив их с иными доказательствами по уголовному делу и отдать предпочтение наиболее «достоверному». Так же следует отметить логичность и полноту имеющихся у суда материалов дела, которые определяются путем анализа и сопоставления их с иными доказательствами, имеющимися в распоряжении судьи. Установив логические противоречия, суд приходит к мнению, о недостоверности таких доказательств. В.Е. Богинский считает, что по полноте сведения могут быть двоякого характера, в зависимости от совокупности информации, которой располагает субъект доказывания: 1) информация может выходить за рамки осведомленности субъекта доказывания; 2) информация не выходит за пределы осведомленности субъекта доказывания [4, с. 70]. Эффективность оценки достоверности доказательств в стадии назначения судебного заседания может достигаться лишь в том случае, если сведения в материалах уголовного дела отражены достаточно подробно и полно. Совпадение сведений, содержащихся во всех доказательствах подтверждает соответствие их действительности [5, с. 182–183]. Еще один не малозначи-

тельным способом оценки достоверности доказательств является получение и использование новых доказательств по делу. В этом случае может потребоваться проведение отдельных судебных действий. Но в данной стадии уголовного процесса проведение судебных действий ограничено. Осуществление судебных действий связывается законодателем с предварительным слушанием, в рамках которого суд вправе допросить свидетеля и приобщить к уголовному делу документы, а также огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле и (или) представленные сторонами. Поэтому судья на стадии назначения судебного заседания не вправе, при наличии различных показаний по поводу одних и тех же событий, и обстоятельств допросить эксперта об оценке каждого из них с точки зрения специальных познаний [6, с. 117–118].

В итоге можно констатировать, что достаточность доказательств представляет собой исключительно оценочную категорию, которая требует от субъекта процесса надлежащего уровня правового сознания и высокой культуры правоприменения [7, с. 313].

Рассматривая достаточность доказательств следует отметить, что она способствует вынесению обоснованного приговора, поскольку обоснованность прежде всего зависит от правильности приговора суда, выводы которого должны соответствовать действительности и полностью подтверждаться исследованными в суде доказательствами.

Проанализировав мнения научных деятелей и действующие законодательство, автор приходит к выводу, что при вынесении приговора «достаточность доказательств» можно рассматривать, как некий обособленный инструмент, с помощью которого у суда формируется «внутреннее убеждение» о невиновности или виновности подсудимого и влияет на вынесение обоснованного приговора, т.е. выступает своего рода методом установления истины на заключительном этапе уголовного процесса.

Список использованной литературы

1. Корнакова С.В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Корнакова. – Иркутск, 2008. – 22 с.

2. Петров А.В. Достаточные данные – необходимое условие для возбуждения уголовного дела / А.В. Петров // Законность. – 2011. – № 2. – С. 8–9.

3. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : научно-практическое пособие / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2001. – 144 с.

4. Богинский В.Е. Проверка показаний подозреваемого / В.Е. Богинский // Проблемы социалистической законности : республ. междуведом. науч. сб. —Харьков, 1986. – Вып. 17. – С. 70–74.

5. Теория доказательств в советском уголовном процессе : часть особенная. – М. : Юрид. лит, 1967. – 415 с.

6. Корневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) / Ю.В. Корневский // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М. : Юристъ, 2000. – 272 с.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М. : Экзамен ХП, 2002. – 864 с.

Информация об авторе

Рудин Артем Владимирович – адъюнкт кафедры уголовного процесса, Краснодарский университет МВД РФ, старший лейтенант полиции, 350005, г. Краснодар, Российская Федерация, Ярославская, 128, e-mail: sledstv@rambler.ru.

Information about the author

Rudin, Artem V.– Adjunct of Department of Criminal Proceedings, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Police Lieutenant, 128 Yaroslavl St., 350005, Krasnodar, Russian Federation, e-mail: sledstv@rambler.ru.

**ПРИЗНАКИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА,
ПРЕДНАЗНАЧЕННОГО ДЛЯ ПРОВЕРКИ
ОКОНЧАТЕЛЬНОГО СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ,
СФОРМУЛИРОВАННЫЕ В РЕШЕНИЯХ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

В статье отмечается, что согласно решениям Европейского Суда по правам человека с момента, когда решение стало окончательным, оно может быть проверено только в рамках исключительных процедур. В связи с чем анализируются отраженные в решениях Европейского суда по правам человека признаки исключительного (экстраординарного) производства в рамках которого могут быть проверены решения, которые приобрели статус окончательных судебных решений. Отмечается, что преодоление устойчивости (стабильности) как одного из признаков окончательности решения допустимо и обосновано только в качестве исключительной ситуации, которая предопределяет существование специфических (экстраординарных) признаков самого такого производства. Исходя из решений Европейского Суда по правам человека, к ним можно отнести: особость самой инстанции, особость процедуры, особость предмета проверки, реализация при проверке приоритета защиты интересов частных лиц.

Ключевые слова: система проверки судебных решений, окончательное судебное решение, исключительное производство и его признаки, решения Европейского Суда по правам человека.

A.A. Rukavishnikova

**CHARACTERISTICS OF PARTICULAR PROCEDURE, AIMED
TO EXAMINE FINAL JUDGMENT, FORMULATED
IN THE JUDGMENTS OF THE EUROPEAN COURT
OF HUMAN RIGHTS**

In this article the author emphasizes that according to the judgments of the European Court of Human Rights when the decision becomes final, it can be revised only under the frame of particular procedures. Considering that, the author analyses characteristics of particular (extraordinary)

procedure, reflected in judgments of the European Court of Human Rights, within the frame of which judgments, acquired the status of final court decisions, can be revised. The author observed that overruling of stability as one of characteristics of decision finality is admissible and reasonable only as particular situation, which predetermines existence of specific (extraordinary) characteristics. Based upon judgments of the European Court of Human Rights these characteristics are: peculiarity of the instance itself, peculiarity of the procedure, peculiarity of the revised subject, realization of priority of protection the interest of private persons during the revision.

Keywords: System of verification of court judgments, final judgment, particular judicial procedure and its characteristics, judgments of the European Court of Human Rights.

Европейский Суд по правам человека связывает возникновение состояния правовой определенности как естественного и необходимого условия существования и развития любого человека, общества и государства, с появлением и обеспечением на уровне национального законодательства и правоприменительной практики окончательного судебного решения.

В своих решениях Европейский Суд по правам человека использует два подхода к пониманию окончательного судебного решения. Первый подход – для оценки допущенного государством нарушения принципа правовой определенности и такого его признака как устойчивость судебного решения; второй – для оценки эффективности конкретного национального способа обжалования судебного решения, который необходимо исчерпать перед обращением в Европейский Суд по правам человека и от даты вынесения решения, в рамках которого должен исчисляться 6-месячный срок как одно из условий приемлемости жалобы [1, с. 53].

В одном из последних решений о приемлемости жалобы Европейский Суд по правам человека впервые оценил современное кассационное производство в уголовном процессе и признал и его неэффективным (для оценки эффективности того или иного способа обжалования используется совокупность критериев, к каковым относится то, что конкретный внутринациональный способ обжалования судебного решения должен быть доступен, что не исключает усложненности исключительной процедуры проверки, обеспечивать получение возмещения в отношении жалоб заявителя и позволять разумно рас-

считывать на успех). В решении Европейского Суда по правам человека отмечено, что вследствие отмены ранее существовавших в УПК РФ сроков для подачи кассационных жалоб окончательные и вступившие в законную силу судебные решения на практике отныне могут быть обжалованы в течении неопределенного срока, и это сближает новую систему обжалования с ранее действующей системой надзорного производства, которая была признана порождающей неприемлемую неопределенность в определении применения правила о шестимесячном сроке. Данный судебный орган отметил, что тот положительный эффект, что по истечении более чем одного года жалоба может быть подана лишь в интересах осужденного не уменьшает негативный эффект, создаваемый вышеупомянутой неопределенностью относительно сроков¹.

В связи с чем применительно к уголовному судопроизводству окончательным судебным решением (следуя логике Европейского суда по правам человека) во всех смыслах является решение суда апелляционной инстанции. Хотя утверждение о том, что современное апелляционное производство способно обеспечить существование окончательного судебного решения, является весьма спорным. В связи с чем в уголовно-процессуальной литературе отмечается, что «экстраординарность кассационного и надзорного производств самоценна в условиях, когда в полной мере реализуется принцип осуществления правосудия в двух инстанциях: первой и апелляционной. В условиях же, когда воссозданное в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве апелляционное производство существенно усечено, имеются признаки снижения общего уровня судебной защиты граждан в сравнении с дореформенным» [2, с. 69]. В процессуальной литературе совершенно справедливо отмечается нежелание апелляционной инстанции на практике в полном объеме использовать даже тот потенциал полномочий (как суда второй инстанции), который заложен в действующем процессуальном законе [3, с. 559]. В связи с чем неоднозначно оценивается возможность и допустимость существования кассационного производства именно в форме исключительного (экстраординарного) [4, с. 129–128].

¹ Кашлан против Российской Федерации от 19 апреля 2016 года (Жалоба № 60189/15) : решение Европейского Суда по правам человека о приемлемости жалобы. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

При реализации первого подхода понимания окончательного судебного решения Европейский суд по правам человека дает следующие его признаки: должно приобрести силу дела, разрешенного судом; стать неотменяемым – иными словами, когда не существует других обычных способов правовой защиты (тех, которые могут быть использованы до вступления решения в законную силу), или когда стороны исчерпали эти средства защиты, или пропустили установленные сроки, или не воспользовались ими¹.

Европейский суд не раскрывает понимание такого признака как дело, разрешенное судом. Однако, исходя из содержания тех нарушений, которые он в своих решениях относит к ошибкам, которые могут обосновывать отмену окончательного судебного решения, можно сделать вывод, что данное понимание означает разрешенность фактической стороны правового спора в итоговой, неизменной форме.

Рассматривая второй признак окончательного судебного решения – неотменяемость, Европейский Суд по правам человека исходит из того, что он не является абсолютным. Однако, анализируя возможные границы колебания окончательного судебного решения, Европейский Суд по правам человека формулирует ряд требований, которые, по его мнению, способны обеспечить разумный баланс между неотменяемостью окончательного судебного решения и необходимостью устранения обстоятельств в виде фундаментальных ошибок и злоупотребления правосудием и оправдать его отмену. Такая процедура должна носить исключительный (экстраординарный характер). Такой характер ей придает совокупность специфических признаков (требований), которые делает ее действительно исключением из системы обычных способов проверки, но в то же время обосновывают ее допустимость.

К числу таких требований Европейский Суд по правам человека относит: особость самой инстанции, способной отменить окончательное судебное решение, ее места в системе способов проверки судебного решения; особость предмета и оснований проверки (только с позиции законности); особость самой процедуры проверки (существование усложненной процедуры подачи и рассмотрения обращения по отмене окончательного решения, существование института приемлемости жалобы и более сложные требования к последней, существование

¹ Никитин против Российской Федерации от 20 июля 2004 г. (Жалоба № 50178/99) : постановление Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

условности возникновения права на отмену окончательного решения, детальная с позиции сроков урегулированность каждого этапа производства по проверке окончательного решения); приоритет защиты частных интересов при отмене окончательного судебного решения.

Рассматривая характеристики инстанции и место производства по проверке окончательного судебного решения, Европейский Суд по правам человека отмечает, что отмена окончательного решения происходит в форме возобновления, которое может быть осуществлено в двух целях: в целях собственного возобновления (аналогично гл. 49 УПК РФ) и в целях проверки и исправления особого рода ошибок. Применительно к тематике данной статьи будет анализироваться именно возобновление в целях исправления особой группы ошибок как экстраординарное производство. Судебный орган не уточняет, должна ли в этих целях существовать одна инстанция или несколько, одно или несколько производств, но при этом разъясняет, что желательно, чтобы ситуация, связанная с отменой окончательного судебного решения, сводилась к разовой. Неоднократная отмена окончательных решений в рамках одного производства в связи ошибками, допущенными нижестоящими судами свидетельствует о серьезных недостатках судебной системы¹. Если же и допускать существование нескольких производств в рамках которых допускается отмена окончательного судебного решения, то они должны отличаться своим предназначением: для следующего производства должен быть установлен самостоятельный круг оснований проверки или предметом проверки должно служить исключительно предыдущее производство по проверке окончательного судебного решения и его процессуальный акт.

Сама инстанция по уровню профессиональности (что определяется и местом, которое она занимает в системе национальных судов) должна быть способна правильно оценить уровень нарушения, который предопределяет необходимость лишения решения статуса окончательного, и устранить его. Кроме того, из решений Европейского Суда по правам человека можно сделать вывод, что инстанция должна быть такой по уровню, чтобы на ней лежала обязанность обеспечения единства судебной практики.

¹ Засурцев против Российской Федерации от 27 апреля 2006 г. (Жалоба № 67051/01) : постановление Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Европейский Суд по правам человека, анализируя особенность возможного предмета проверки окончательного решения, отмечает, что таковым является нарушение законности, так как с момента, когда решение стало окончательным (после его разрешения и проверки разрешения в двух инстанциях, если вторая инстанция предусмотрена национальным законодательством), фактическая сторона уголовного дела считается разрешенной в итоговой форме и не подлежащей изменению (что не исключает возобновления по делу при наличии новых и вновь открывшихся обстоятельств).

Исходя из этого, Европейский Суд по правам человека формулирует признаки оснований проверки окончательных судебных решений: такие основания должны быть отличны от оснований проверки неокончателного судебного решения; такие основания должны представлять собой всегда нарушения закона (следует отметить, что позиция Европейского Суда по правам человека относительно того, нарушения какого закона могут выступать в качестве таких оснований, не является последовательной. Первоначально в решениях отрицалась возможность в качестве таких выступать нарушениям материального закона, так как их выявление и исправление всегда предполагает вторжение в фактическую сторону дела. Однако в последующих постановлениях нарушения материального закона признавались основаниями возможной отмены окончательного решения)¹; такие основания должны носить характер существенных и непреодолимых (неопровержимого), например, ошибки фундаментального характера (нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод) или злоупотребление правосудием (судебные ошибки, существенные процессуальные нарушения, злоупотребления полномочиями); такие основания должны оказать влияние на результаты внутригосударственного разбирательства, т.е. должны повлечь негативные последствия². В связи с чем таковыми не могут признаваться неправильная оценка доказательств, неправильное

¹ Собелин и другие против Российской Федерации от 3 мая 2007 г. (Жалобы №№30672/03, 30673/03, 30678/03, 30682/03, 30692/03, 30707/03, 30713/03, 30734/03, 30736/03, 30779/03, 32080/03 и 34952/03) : постановление Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Рекомендация Совета Министров № R (2000) 2 по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека от 19 января 2000 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

толкование нормы права, подлежащей применению в конкретном деле, и если оно осуществилось в пользу частных лиц, вынесение окончательного решения в соответствии с обеспечением права на справедливое судебное разбирательство частных лиц, но с нарушением правил подведомственности и т.д.

Оценивая процедуру исключительного производства, в рамках которой проверяется окончательное судебное решение Европейский Суд по правам человека отмечает, что признаками, такой исключительности является существования усложненной (по сравнению с обычным обжалованием) процедуры подачи и рассмотрения обращения, что является в то же время гарантией от злоупотребления сторонами правом на отмену окончательного судебного решения. Так, на национальном уровне должен быть закреплен институт приемлемости жалобы, но при условии, что право на обращение для отмены окончательного судебного решения не будет ограничено таким образом и до такой степени, чтобы оказалось затронутым само его существование. Условия приемлемости жалобы должны быть более строгими, чем для обычной жалобы.

Кроме того, право на подачу жалобы об отмене окончательного судебного решения должно быть условным и возникать только при условии использования способов проверки судебного решения в рамках второй инстанции, с тем чтобы суд, проверяющий окончательное решение, исходил из правильности установленной фактической стороны дела. Неиспользование обычного способа обжалования должно быть обусловлено исключительными обстоятельствами, которые должны быть доказаны при обращении с просьбой об отмене окончательного судебного решения¹. К исключительным обстоятельствам относятся чрезвычайные обстоятельства, мешавшие представить свои доводы в суд второй инстанции или своевременно подать кассационную жалобу.

Признаком исключительности производства является также то, что каждый его этап должен быть четко урегулирован с позиции сроков. Это касается любого производства и вытекает из требования правовой определенности процессуального закона, но для исключительного производства является необходимым условием, так любой человек должен иметь возможность определить по времени, когда за-

¹ Борщевский против Российской Федерации от 21 сентября 2006 г. (Жалоба №14853/03) : постановление Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

кончится ситуация, связанная с отменой окончательного решения, т.е. финальную точку в производстве по делу. Отмена окончательного судебного решения должна быть незамедлительным шагом, не создающим длящейся ситуации неопределенности.

Исключительность производства по проверке судебного решения заключается еще и в том, что ситуация, связанная с отказом от приобретенной окончательным судебным решением состоянием правовой определенности, должна быть основана не просто на волеизъявлении сторон, а на учете интереса частных лиц. Так как состояние, связанное с отменой окончательного решения, в преобладающем числе случаев затрагивает именно их права, а не права должностных лиц, участвующих на той или иной стороне, и эти права определяют их статус как человека и гражданина, что является основой их существования и развития в обществе и государстве, отмена окончательного судебного решения должна осуществляться прежде всего в интересах частных лиц.

В связи с этим, осуществление обеспечения единства судебной практики за счет отмены окончательного решения не может осуществляться в ущерб интересам частных лиц, так как эта задача может быть решена за счет других законодательных и судебных средств, и не может оправдать пренебрежение законной уверенностью, которая создается окончательным судебным решением.

Кроме того, учет интереса частных лиц проявляется еще и в том, что основаниями отмены окончательного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного (оправданного) не могут выступать ошибки государства в лице органов предварительного расследования, так как в этом случае последним создается ничем не обоснованная дополнительная возможность по отстаиванию своего интереса, и бремя допущенной ошибки возлагалось на частных лиц¹ [10]. Можно предположить, что с учетом ранее высказанных Европейским Судом по правам человека положений, субъектом, инициирующим отмену окончательного решения в сторону ухудшения положения осужденного (оправданного) должен выступать именно потерпевший, законный представитель потерпевшего, гражданский истец и их представители.

¹ Радчиков против Российской Федерации от 24 мая 2007 г. (Жалоба №14853/03) : постановление Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс».

В своей совокупности эти признаки, согласно решениям Европейского Суда по правам человека, определяют исключительную природу такого производства. Способ проверки, будучи соответствующим этим признакам, может допускаться национальным законодательством как исключаящий (на определенный срок) состояние правовой определенности, обеспеченного окончательным судебным решением в пользу необходимого устранения неправомерности приговора.

Список использованной литературы

1. Рукавишникова А.А. Вариативность понимания окончательного судебного решения в решениях Европейского суда по правам человека / А.А. Рукавишникова // Уголовная юстиция. – 2016. – № 2 (6). – С. 53–57.

2. Кальницкий В.В. Стадия кассационного (надзорного) производства в уголовном процессе : учеб. пособие / В.В. Кальницкий. – Омск : Омская Академия МВД России, 2016. – 72 с.

3. Андреева О.И. Право на возвращение уголовного дела судом апелляционной инстанции в суд первой инстанции: возможность злоупотребления полномочиями / О.И. Андреева [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 554–557.

4. Ковтун Н.Н. Res judicata реформированной российской кассации / Н.Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 121–130.

Информация об авторе

Рукавишникова Анастасия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический Институт, Национально-исследовательский Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, Московский тракт, 8, e-mail: satsana@yandex.ru.

Information about the author

Rukavishnikova, Anastasia A. – the Master of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Proceedings and the Prosecutor's Supervision and Enforcement of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, 8 Moscovskii, 634050, Tomsk, Russian Federation, e-mail: satsana@yandex.ru.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УЧАСТИЕ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, КАК ОСНОВАНИЕ ВЫНЕСЕНИЯ ЗАКОННОГО ПРИГОВОРА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обстоятельствами, исключающими участие судьи в уголовном судопроизводстве. Определяется их понятийное содержание, дается классификация, выявляется их роль в обеспечении объективности и беспристрастности суда, и как следствие в вынесении законного решения. Рассматриваются вопросы заявления самоотводов и отводов судье, а также анализируются проблемы порядка их рассмотрения.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве, отводы, самоотводы беспристрастность, независимость суда, законное решение.

Е.Т. Rybinskaya

CIRCUMSTANCES EXCLUDING PARTICIPATION OF JUDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS, AS GROUNDS FOR THE LAW, WAS SENENCED

The article deals with issues relating to circumstances precluding participation of a judge in criminal proceedings. Determined by their conceptual content, classifies, identifies their role in ensuring the objectivity and impartiality of the court, and as a consequence in making legal decisions. The questions and statements recusals taps judge, and also analyzes the order of their consideration of the problem.

Keywords: circumstances which preclude participation in criminal proceedings, bends, recused impartiality, independence of the judiciary, the legal decision.

В целях защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, назначения виновным справедливого наказания УПК РФ установлены правила, согласно которым при наличии обстоятельств, дающих основание полагать, что субъект лично, прямо или косвенно заинтересован в

исходе деле, он подлежит отводу. Институт отводов в уголовном судопроизводстве является гарантией осуществления независимого и беспристрастного правосудия, необходимой предпосылкой соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Неразрывная и органичная связь терминов «беспристрастный» и «справедливый» очевидна. Беспристрастный – совершающий что-либо без предвзятости, предубеждения [1, с. 36], следовательно, беспристрастность является важной предпосылкой справедливости.

Системное и целенаправленное закрепление в российском уголовно-процессуальном законодательстве норм, гарантирующих объективность и беспристрастность профессиональных участников уголовного процесса, получило отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Анализ данного нормативно-правового документа показывает, что законодатель придавал объективности и беспристрастности уголовного судопроизводства важное и принципиальное значение. В нем впервые была сформулирована система оснований, исключающих участие субъектов в уголовном судопроизводстве. Особое внимание акцентировалось на процессуальных гарантиях беспристрастности судей. Данная законодательная конструкция была воспринята и уголовно-процессуальными кодексами РСФСР, а также нашла отражение и в УПК РФ 2001 года.

Объективность уголовного судопроизводства является одним из обязательных условий, без которых реализация назначения уголовного судопроизводства невозможна. Немаловажную роль в системе гарантий обеспечения объективности уголовного судопроизводства играют процессуальные гарантии обеспечения объективности и беспристрастности участников уголовного судопроизводства, в первую очередь, суда. Только объективный и беспристрастный суд способен вынести объективное, законное и справедливое решение по делу. Таким образом, объективность и беспристрастность суда являются основой обеспечения справедливости и качества правосудия. В ряде международно-правовых актов (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и др.) не случайно получило отражение требование объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного процесса.

Суд, как основной участник уголовного судопроизводства, наделен функциональной возможностью существенно и принципиально влиять на законность и обоснованность принимаемых решений. По-

этому уголовно-процессуальное законодательство определяет обстоятельства, наличие которых вызывает сомнение в объективности и беспристрастности суда, рассматривающего уголовное дело. Указанные обстоятельства позволяют с достаточной степенью вероятности предположить, что данный судья не сможет выполнить свои процессуальные обязанности в точном соответствии с возложенной на него функцией. Это обусловлено тем, что в этом случае у судьи еще до исполнения своей процессуальной обязанности сложилось мнение по существу уголовного дела или он прямо либо косвенно заинтересован в определенном результате разрешения дела. Как следствие, законодатель исключает его участие в судопроизводстве по данному уголовному делу.

Большинство авторов единодушно сходятся во мнении о том, что отвод (самоотвод) – комплексный институт процессуального права, определяя основания и порядок отстранения субъектов уголовного процесса от участия в нем, играет ведущую роль в определении процессуального статуса и обеспечении прав участников уголовного судопроизводства [2, с. 162; 3, с. 50; 4, с. 78; 5, с. 108; 6, с. 72]. Частью данного института выступают нормы, определяющие обстоятельства, исключающие участие в уголовном деле – внешние факторы, наличие которых делает невозможным осуществление участником уголовного судопроизводства своих процессуальных функций в силу необъективности и пристрастности, и которые являются основаниями заявления отводов и самоотводов таким участникам.

В целях систематизации по существенным признакам данные обстоятельства, можно классифицировать по различным основаниям. Рассмотрим одну из них, предложенную С.Б. Россинским, в основу которой заложен сущностный критерий обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. По данному основанию они подразделяются на две группы:

- обстоятельства, исключающие объективность участия в уголовном деле;
- обстоятельства, исключающие беспристрастность участия в уголовном деле [7, с. 132].

Первая группа обстоятельств не связана с личными интересами участника уголовного судопроизводства, а обусловлена объективными реалиями. При этом категория «объективность» определяется через понятие «непредвзятость», указывает В.Е. Федорин, а термин непредвзятость (не предубеждение) обозначает отсутствие у професси-

онального участника уголовного процесса установки на одностороннее исследование обстоятельств уголовного дела [8, с. 25].

Законодателем определена презумпция отсутствия объективности в случаях, если субъект уголовного судопроизводства принимал участие по данному уголовному делу в ином процессуальном статусе, не связанном с его личным интересом.

Так, согласно п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу.

Для судей, кроме вышеуказанных оснований законодатель определяет дополнительные основания, связанные с недопустимостью повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела, предусмотренные ст. 63 УПК РФ.

Вторая группа обстоятельств связана с личной заинтересованностью участника уголовного судопроизводства в исходе уголовного дела и свидетельствует об отсутствии у него беспристрастности. Не имеет правового значения, является данная заинтересованность прямой или косвенной.

Законодатель в качестве оснований, исключающих участие в производстве по уголовному делу любого участника уголовного судопроизводства, в том числе и судьи, предусматривает наличие обстоятельств, при которых он:

- является по данному уголовному делу потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и свидетелем (п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ);

- является родственником любого участника производства по данному уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ);

- имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично или косвенно заинтересован в исходе уголовного дела (ч. 2 ст. 61 УПК РФ).

Как видно, перечень предусмотренный ст. 61 УПК РФ, является открытым, так как в качестве оснований для отвода предусматриваются и иные обстоятельства, дающие основание полагать наличие прямой или косвенной заинтересованности в исходе данного уголов-

ного дела. Такой подход обусловлен тем, что обстоятельства, перечисленные в ст. 61 УПК РФ, выступают в качестве юридических оснований, лишь детализирующих возможную прямую или косвенную заинтересованность должностных лиц в исходе дела, и безусловно исключающих их участие в уголовном судопроизводстве.

К иным обстоятельствам А.С. Шаталов относит, например, дружеские или неприязненные отношения с лицами, участвующими в деле, служебную, материальную или иную зависимость, предвзятость суждения судьи, высказанную им до вынесения приговора и иные обстоятельства [9, с. 54].

Вместе с тем предмет заинтересованности лиц, подлежащих отводу, согласно указанной статье, слишком узок. Чтобы исключить их участие в производстве по конкретному делу, необходимо установить их заинтересованность в исходе уголовного дела. Более справедливо решался этот вопрос в УПК РСФСР, в котором основанием для отвода считалась личная, прямая или косвенная заинтересованность названных лиц в любых элементах уголовного дела, а не только в его исходе (ст. 23 УПК РСФСР).

В судебной практике личная заинтересованность по-прежнему понимается расширительно. В этой связи Конституционный суд РФ неоднократно указывал, что ч. 2 ст. 61 УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня обстоятельств, могущих свидетельствовать о личной, прямой или косвенной, заинтересованности указанных в ней участников уголовного судопроизводства в исходе уголовного дела, и тем самым не исключает возможность заявления отвода в связи с выявлением в ходе судебного разбирательства обстоятельств, свидетельствующих о проявившихся в тех или иных действиях и решениях по делу предвзятости и необъективности¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РФ при наличии оснований для отвода, предусмотренных главой 9 УПК РФ, судья обязан устранить-

¹Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Андреевского В.К. на нарушение его конституционных прав положениями ст. 61, 64, 65 и 355 УПК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 46-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Посохина Д.В. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 66 УПК РФ : Определение Конституционного суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1627-0-0; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Марочкина В. А. на нарушение его конституционных прав ч. 1, 2 ст. 61 УПК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1855-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

ся от участия в производстве по уголовному делу. Данное обстоятельство, по мнению М.С. Гафарова, обусловлено, в том числе, и нравственным долгом судьи [10, с. 135]. То есть, наличие обстоятельств, препятствующих принимать участие в уголовном деле, возлагает на судью процессуальную обязанность заявить самоотвод, при этом предполагается, что судья осведомлен о таких обстоятельствах и своевременное устранение его из судопроизводства по конкретному делу предупреждает вынесение незаконного решения, а также способствует более быстрому рассмотрению дела в полном соответствии с требованиями закона.

Значимость самоотвода обусловлена необходимостью формирования уважения к профессиональным участникам судопроизводства, целью сохранения их личного и профессионального авторитета. Судья должен отказаться от участия в деле, если в отношении него имеется или даже может возникнуть объективно обоснованное сомнение в беспристрастности. В случае, если при наличии данных обстоятельств судья не устранился от участия в производстве по уголовному делу, то стороны могут заявить ему отвод.

Таким образом, самоотвод – это обязанность судей – субъектов отвода, а заявление об отводе судьи – право юридически заинтересованных лиц, участвующих в уголовном деле.

В российских судах практически ежедневно лицами, участвующими в деле, инициируются ходатайства об отводе судей, и всякий раз они наталкиваются на нелогичный и неэффективный механизм реализации их данного права, поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность рассмотрения и разрешения заявления об отводе тем же лицом, которое отводу и подлежит.

Частями 3 и 4 ст. 65 УПК РФ предусмотрено, что отвод, заявленный несколькими судьям или всему составу суда, разрешается тем же судом в полном составе большинством голосов. Отвод, заявленный судьей, единолично рассматривающему уголовное дело, либо ходатайство о применении меры пресечения или производстве следственных действий, либо жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, разрешается этим же судьей.

Данную норму можно назвать «мертвой», поскольку процедура разрешения заявленного отвода носит формальный характер и, как правило, заявителю отказывается в удовлетворении его ходатайства.

Несмотря на отсутствие официальной статистики по количеству удовлетворенных отводов, заявленных судьей (суду), основываясь на личном практическом опыте и опыте коллег, можно утверждать, что подобные ходатайства заявляются очень часто, однако не известно ни одного случая, чтобы суд удовлетворил заявление об отводе, признав свою заинтересованность в исходе дела.

Встает вопрос, насколько подобная ситуация соответствует принципу беспристрастности, включенному в «Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов», утвержденные Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 6 сентября 1985 г., предусматривающие обязанность судебных органов решать переданные им дела на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы то ни было стороны и по каким-бы то ни было причинам¹.

Во Всеобщей декларации прав человека также провозглашено право каждого на справедливое и гласное судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом².

Если судья действительно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, свидетельствующие о проявившихся в тех или иных его действиях и решениях по делу предвзятости и необъективности, то очевидно, что он не сможет беспристрастно разрешить и вопрос о своей беспристрастности. По сути, удовлетворение такого отвода будет равносильно признанию в совершении проступка, позорящего честь и достоинство судьи, умалившего авторитет судебной власти. Ведь удовлетворив подобное заявление, судья автоматически признает себя несовместимым с занимаемой должностью, так как одним из требований, предъявляемых к судье является недопущение всего, что могло бы вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности (ч. 2 ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»)³.

¹ Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов. Приняты седьмым Конгрессом ООН в г. Милане 26.08.1985–06.09.1985 // Права человека : сб. междунар. док. Варшава, 2002.

² Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 // Международные акты о правах человека.

³ Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 223.

Также существует общеправовой запрет, сформулированный еще древнеримскими юристами, о том, что никто не может быть судьей в собственном деле. При рассмотрении отвода самому себе судья перестает быть независимым арбитром, объективно и отстраненно оценивающим доводы спорящих сторон. Он вынужден оценивать доводы, ставящие под сомнение объективность, обоснованность и правомерность его собственных действий, следовательно, совмещать в одном лице две процессуальные функции защиты правомерности собственных действий и разрешения поставленного перед ним вопроса о наличии оснований для отвода, что ведет к попранию принципа состязательности и равноправия сторон.

Может ли судья сохранять независимость и беспристрастность, если основанием для отвода являются не очевидные факты (например, участие в предыдущем рассмотрении дела или наличие родственных связей), а если речь идет об оценке собственных действий? Это достаточно сложно осуществить и с точки зрения психологии. Человек по своей природе склонен к самооправданию своих поступков. Бесспорно, что каждый человек, и судья не исключение, не может быть беспристрастным в оценке своих собственных действий. Направление жалобы для разрешения по существу тому лицу, чьи действия обжалуются, делает обжалование бессмысленным. При таком подходе участник судебного процесса, заявивший об отводе судьи, может быть уверен, что его заявление останется без удовлетворения.

Однако Конституционный Суд РФ такую позицию не разделяет и разъясняет, что исходя из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти, а также из того обстоятельства, что в демократическом обществе участники судебного разбирательства должны испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном, законодатель предусмотрел такой порядок разрешения вопроса об отводе, заявленном судье, рассматривающему дело единолично, который снижает вероятность затягивания рассмотрения дела вследствие недобросовестного заявления кем-либо из лиц, участвующих в деле, необоснованного отвода судье.

Гарантией соблюдения принципа беспристрастности судьи, рассматривающего дело единолично, при разрешении вопроса о заявленном ему отводе является вынесение мотивированного определения,

подтверждающего отсутствие обстоятельств, которые позволили бы усомниться в его беспристрастности при рассмотрении данного дела. Кроме того, гарантией являются процедуры проверки вынесенных судебных постановлений вышестоящими судебными инстанциями¹.

Подобная позиция Конституционного суда не может не вызвать нареканий и разногласий, поскольку последующая проверка судебного решения в вышестоящих инстанциях на предмет соблюдения принципа объективности и беспристрастности, не устраняет данную проблему. Право на рассмотрение дела объективным и беспристрастным судом должно быть гарантировано на всех стадиях уголовного судопроизводства. Контроль за соблюдением в суде первой инстанции положений ст. 120, 123 Конституции РФ на следующем этапе судебного производства не является эффективным средством их реализации и не гарантирует их соблюдения.

Несостоятельным является и довод о предотвращении затягивания рассмотрения дела. Так, если решение отменяется высшей инстанцией, в том числе по основаниям нарушения принципов независимости, объективности и беспристрастности суда, и дело направляется на новое рассмотрение, то процесс разрешения дела будет затянут на значительный период времени.

Таким образом, механизм отвода судьи, предусмотренный ст. 65 УПК РФ, носит декларативный характер и требует существенной модификации. Власть судьи относительно решения вопроса об отводе самого себя не является оправданной, так как не учитывается субъективный фактор. Представляется, что в российском уголовно-процессуальном праве необходимо закрепить норму о запрете судье рассматривать любые вопросы в отношении себя, для чего следует изменить процедуру разрешения заявленного отвода. Отвод, заявленный судье, не должен рассматриваться тем же судьей, которому он заявлен, а должен разрешаться другими вышестоящими судьями после тщательного и всестороннего расследования заявленных в обоснование отвода доводов.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Абакумова Е.М. на нарушение его конституционных прав п. 3 ч. 1 ст. 16, ч. 2, 3, 4 ст. 17, ч. 1 ст. 19 и ч. 1, абз. 1 ч. 2 ст. 20 ГПК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 1364-О-О [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».

Список использованной литературы

1. Ефремова Т. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ефремова : в 3 т. – М. : АСТ, 2005. – Т. 1. А-Л. – 1168 с.
2. Уголовный процесс : учеб. / А.В. Смирнов, В.Б. Калиновский. – М. : КНОРУСС, 2008. – 704 с.
3. Безлепкин Б.П. Уголовный процесс России : учеб. пособие. М. : КНОРУСС, 2008. – 472 с.
4. Уголовный процесс : учеб. / О.А. Андреева и др. – Ростов н/Д : Феникс, 2015. – 445 с.
5. Гельдибаев М.Х. Уголовный процесс : учебник / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. – М. : Юнити-Дана, 2012. – 722 с.
6. Уголовный процесс России : курс лекций / С.Б. Россинский. – М. : Эксмо, 2008. – 576 с.
7. Рукавишников П.П. О допустимом сроке отвода судьи в уголовном деле / П.П. Рукавишников // Глаголь правосудия. – 2016. – № 1 (11). – С. 72–75.
8. Федорин В.Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Е. Федорин. – Воронеж, 2007. – 27 с.
9. Шаталов А.С. Участники уголовного судопроизводства : учеб.-метод. пособие / А.С. Шаталов. – М. : Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 177 с.
10. Гафаров М.С. Нравственные начала уголовного процесса и положение личности в уголовном судопроизводстве Азербайджанской республики / М.С. Гафаров // Право на судебную защиту в уголовном процессе : Европейские стандарты и российская практика : сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. —Томск, – 2007. – С. 134–140.

Информация об авторе

Рыбинская Елена Тимофеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: 7ret7@mail.ru.

Information about the author

Rybinskaya, Elena T. – PhD in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Theory of Law and Socio-Legal Disciplines, Baikal State University, 11, Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: 7ret7@mail.ru.

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРИГОВОРА

Статья посвящена вопросам, связанным не только с правовыми гарантиями вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора, но и нравственными. Закон и нравственность – основа правосудия. Авторитет судебной власти зависит от того, насколько полно в принципах судебной деятельности заключен нравственный смысл и как он реализуется на практике. Современная Россия предпринимает попытки построить правовое демократическое государство, важнейшим элементом которого является справедливое, гуманное правосудие по уголовным делам, основанное на принципах состязательности и максимального благоприятствования личности. Лишь при реализации этих принципов и создаются условия для вынесения приговора, отвечающего не только требованиям, предусмотренным законом, но и запросам общества.

Ключевые слова: приговор, справедливость, тайна совещания судей, особое мнение.

T.K. Ryabinina

MORAL ASPECTS DECISIONS OF SENTENCE

The article is devoted to issues connected with legal guarantees, making a lawful, reasonable and fair judgment, but a moral one. Law and morality – the basis of justice. The authority of the judiciary depends on how fully the principles of judicial activities of imprisoned moral sense and how it is implemented in practice. Modern Russia is making efforts to build a democratic state, the most important element of which is fair, humane, criminal justice, based on the principles of competition and most-favored identity. Implementation of these principles and the conditions for sentencing that meets not only the requirements stipulated by the law, but also the needs of society.

Keywords: judgment, justice, secret meeting of judges, dissent.

Немаловажную роль при постановлении приговора играют проблемы нравственного характера. Одна из них – обеспечение равноправия судей в коллегиальном составе суда, создание такой моральной обстановки, в которой каждый мог бы свободно высказать свое мнение, основанное на внутреннем убеждении. Нельзя признать нравственно оправданными действия председательствующего, оказывающего давление на других членов судебной коллегии. Обсуждение вопросов в совещательной комнате должно быть свободным и равным. Хотя не секрет, что, чем выше авторитет и профессионализм председательствующего, тем больше другие судьи доверяют ему, прислушиваются к его доводам и в итоге могут отказаться от своего собственного мнения и совсем устраниваться от участия в обсуждении важных вопросов. На данную проблему как на одну из ключевых во всей судейской этике справедливо указывал А.С. Кобликов [1, с. 119]. Вполне обоснованной, нравственно оправданной в связи с этим следует признать как традиционную норму закона о том, что председательствующий в суде при обсуждении всех вопросов в совещательной комнате должен подавать свой голос последним (ч. 2 ст. 301 УПК РФ), так и новеллу УПК РФ, запрещающую судье воздержаться от голосования, за исключением случая, когда судья голосовал за оправдание подсудимого и остался в меньшинстве, получая возможность отказаться от голосования по вопросам применения уголовного закона (ч. 2 и 3 ст. 301 УПК РФ).

Главную роль на этапе постановления приговора играет совесть судьи, оценивающего доказательства по внутреннему убеждению и принимающего решение об осуждении или оправдании, о наказании в случае признания подсудимого виновным. В этой деятельности должны аккумулироваться лучшие нравственные качества судьи: понимание социального значения принимаемого решения и повышенное чувство собственного долга, объективность, беспристрастность, справедливость, честность, гуманность, принципиальность [1, с. 119].

Особую значимость процедуре совещания судей и постановления приговора придает тот факт, что многие процессуальные нормы, регулирующие этот порядок, имеют ярко выраженный моральный характер. Прежде всего, это касается тайны совещания судей. Тайна совещания судей является одной из гарантий независимости суда, свободы внутреннего судейского убеждения и подчинения судей только закону, исключает постороннее влияние на них при вынесении

приговора. Во время совещания в комнате не могут находиться никакие другие лица, кроме судей, участвовавших в рассмотрении дела. Тайна совещания обеспечивается отсутствием протокола и неоглашением результатов голосования. Нарушение тайны совещания судей является в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ безусловным основанием отмены приговора.

Несомненно, положение о тайне совещания судей наполнено глубоким нравственным содержанием, но не всегда оно может быть реализовано – причем порой в силу недооценки самими судьями этого правила, приводящей к его нарушению: в комнату заходит секретарь судебного заседания, судьи беседуют по телефону и т.п.

Приговор составляется на основе принятых составом суда решений по обсужденным вопросам и подписывается всеми судьями. Судья, оставшийся в меньшинстве, вправе изложить в письменном виде особое мнение (ч. 5 ст. 301 УПК РФ), которое приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). Особое мнение судьи имеет важное значение, как правовое, так и нравственное: во-первых, оно необходимо для самого судьи, не согласившегося с остальными судьями и испытывающего часто моральную потребность изложить свое собственное мнение по существу рассмотренного дела; во-вторых, оно может быть учтено вышестоящим судом при проверке дела в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. Долгое время признавалось справедливым и высоконравственным правило о том, что особое мнение судьи не объявляется при провозглашении приговора во избежание того, чтобы у сторон и присутствующих в зале лиц не сложилось впечатление о неправосудности вынесенного приговора.

Вместе с тем, Федеральным законом № 272-ФЗ от 21 октября 2013 г. была введена новелла о том, что при провозглашении приговора председательствующий объявляет о наличии особого мнения судьи (при этом не ясно, указывается ли фамилия этого судьи) и разъясняет участникам судебного разбирательства право в течение 3 суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). В литературе и так не затихали споры по поводу возможности ознакомления с особым мнением судьи – о круге субъектов и условиях ознакомления с ним, теперь же дискуссия приобрела еще более острый характер.

Так, по мнению одних авторов, особое мнение судьи – элемент тайны совещания судей, и о его содержании никто не должен знать, кроме судей вышестоящих судов. Все остальные участники процесса могут ознакомиться с особым мнением судьи лишь с разрешения председателя суда после вступления приговора в законную силу [2, с. 479]. С точки зрения Л.Д. Кокорева, закон охраняет тайну совещания судей, тех суждений, которые были высказаны при этом, а не тайну убеждения каждого из судей, к которому он окончательно пришел по делу, тем более, что часто именно судья, оставшийся при особом мнении и будучи убежденным в своей правоте и ошибочности принятого судом решения, желает, чтобы о его мнении знали другие [3, с. 142]. Такой подход нашел отражение и в УПК РФ, установившем, что судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора (ч. 2 ст. 298), что не исключает, таким образом, возможности по провозглашении приговора довести до сведения участников уголовного судопроизводства и иных лиц тот факт, что один из судей остался при особом мнении, что и было закреплено Федеральным законом № 272-ФЗ.

Другая проблема, связанная с особым мнением судьи, широко обсуждается в литературе – каковы его правовые последствия. Так, ряд авторов считают, что особое мнение судьи должно стать безусловным поводом для пересмотра приговора вышестоящими судебными инстанциями, что явилось бы действенной гарантией устранения любых нарушений закона, любых сомнений в правосудности приговоров и иных решений, вынесенных судами [4, с. 85–86; 5, с. 29; 6, с. 81; 7, с. 49, 50]. На наш взгляд, законодатель ввел достаточно гибкий механизм учета мнения судьи, оставшегося в меньшинстве, как сторонами, так и вышестоящими судами, поэтому нам ближе позиция И.С. Дикарева: наделение особого мнения значением повода для проверки приговора вышестоящим судом придаст судейской деятельности инициативность, которая совсем не «к лицу» органу правосудия; такая организация процесса противоречила бы принципам состязательности сторон, равенства всех перед законом и судом, поскольку приводила бы к различиям в правовом положении участников судопроизводства в зависимости от того, имеется по делу особое мнение судьи или нет; предположение о наличии нарушения закона в случае составления судьей особого мнения не может служить основа-

нием для преодоления законной силы приговора, поскольку это несовместимо с принципом правовой определенности [8, с. 56–59].

Спорный характер, с точки зрения нравственности, имеет еще одна проблема, связанная с оглашением позиции судьи при принятии решения по делу. Так, в литературе было высказано мнение, что исключение из правила о тайне совещания судей допускается, когда по делу ведется производство по обвинению судьи в преступных злоупотреблениях, допущенных при рассмотрении дела, то есть ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [9, с. 336–337; 10, с. 456], в связи с чем «следователь вправе задавать вопросы судьям, участвовавшим в вынесении приговора, чтобы выяснить, кто из них какую позицию занимал» [2, с. 473].

С такими утверждениями никак нельзя согласиться, в первую очередь в силу самого закона. Так, согласно п. 2 ст. 10 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», а также п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в его производстве дел.

Высоким правовым и нравственным требованиям должен соответствовать и сам приговор. Закон (ст. 297 УПК РФ) выделяет следующие его свойства: законность, обоснованность и справедливость. Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» приговор признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона, и более того – приговор может быть признан законным только в том случае, если он постановлен по результатам справедливого судебного разбирательства (п. 1)¹.

С точки зрения нравственности особое внимание процессуалистами постоянно уделялось исследованию такого свойства приговора, долгое время прямо не предусматривавшегося законодателем среди требований, предъявляемых к приговору, – как справедливость [9, с. 325–326; 11, с. 44; 12, с. 224–229]. Примечательно, что закон не раскрывает содержание этого свойства, и это понятно, поскольку справедливость – категория философская, этическая, которую трудно

¹ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда России от 29.11.2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

облечь в правовую норму, поэтому именно ученые пытаются дать каждый свое видение этого морально-правового феномена.

Так, М.С. Строгович отмечал, что приговор «должен быть справедлив – это значит, что он должен устанавливать действительную вину или невиновность подсудимого и наказывать его в соответствии с его виной» [9, с. 325]. Ф.М. Кудин уточнил, что справедливость выражает моральное требование в том числе о том, чтобы «в приговоре было правильно квалифицировано деяние лица и определено наказание в соответствии с тяжестью преступления и личностью виновного» [13, с. 423]. А.С. Кобликов к этому добавлял, что справедливость – характеристика приговора более широкого плана, выходящая далеко за пределы его юридической сущности, опирающаяся на ценности гуманизма [1, с. 122]. Однако глубже всех вникла в суть этого свойства приговора П.А. Лупинская, которая выделила его узкое и широкое понимание. В узком смысле справедливость приговора сводится к справедливости назначенного судом наказания (ст. 60 УК РФ). Широкое понимание справедливости приговора, хотя и основывается на его законности и обоснованности и означает правильное разрешение дела и по существу, и по форме, есть еще и соответствие не только правовым, но и нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им деянию. Справедливость приговора – это отражение социальной справедливости. Более того, и уголовный закон, и судебное разбирательство должны соответствовать социальным потребностям, требованиям справедливости [14, с. 665].

Справедливость приговора в широком смысле особенно проявляет себя в суде присяжных, где «нравственно-правовое сознание народа может выступать как мерило справедливости по отношению к закону или его пригодности для оценки конкретного случая» [15, с. 80].

Важность этого свойства находит свое выражение в том, что несправедливость приговора является основанием его отмены или изменения (п. 4 ст. 389.15 УПК РФ). Так, по приговору Белохолуницкого районного суда Кировской области от 10 марта 2011 г. Ш. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 6 годам 6 месяцам лишения свободы без ограничения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. Судебная коллегия по уголовным делам Кировской областного суда отменила приговор районного суда ввиду несправедливости назначенного осужденному наказания вследствие его чрезмерной

мягкости, указав, что суд при назначении наказания не в достаточной мере учел характер и повышенную общественную опасность данного преступления, конкретные обстоятельства его совершения, в частности тот факт, что Ш. ранее не был знаком с потерпевшим, беспричинно вошел в его дом, вел себя агрессивно; данные о личности Ш., который нигде не работал, жил на средства своей матери и родителей жены, злоупотреблял спиртными напитками, неоднократно привлекался к административной ответственности¹.

Тем самым справедливость приговора нельзя рассматривать в отрыве от правовых требований к акту правосудия, но в то же время эта характеристика занимает самостоятельное место по сравнению с законностью, обоснованностью, а также и мотивированностью.

Вместе с тем, не все согласны с выделением справедливости в качестве свойства приговора. Так, Ю.М. Грошевой доказывал, что «правильное применение требований закона при постановлении приговора и достоверность всех судебных констатаций ... означают справедливое, т.е. отвечающее требованиям нравственности, разрешение уголовного дела» [16, с. 125]. Верной, однако, представляется позиция, что при таком решении вопроса сущность всех требований к приговору можно свести лишь к одной его законности [17, с. 216].

Подытоживая, необходимо заметить, что верхом справедливости вынесенного приговора следует считать оправдание невиновного лица и его реабилитацию в тех случаях, когда имеются неустранимые сомнения в его виновности, противоречия и пробелы в доказательствах его вины, а не поиск под разными предлогами возможности для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Видимо, еще сложно судьям преодолеть укоренившиеся в них обвинительные установки, но это тема уже для другого исследования.

Список использованной литературы

1. Кобликов А.С. Юридическая этика : учебник / А.С. Кобликов. – 3-е изд., изм. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. – 165 с.

¹ Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда за 2011 год [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

2. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу РСФСР. – изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Спарк, 1997. – 788 с.
3. Кокорев Л.Д. Этика уголовного процесса : учеб. пособие / Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. – 224 с.
4. Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав : учебное пособие / М.М. Выдря. – Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1979. – 101 с.
5. Зусь Л. Особое мнение судьи / Л. Зусь, И. Резниченко // Советская юстиция. – 1989. – № 11. – С. 29.
6. Мерзлякова М.В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора / М.В. Мерзляков, А.Д. Прошляков. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
7. Быков В.М., Манова Н.С. Особое мнение судьи: закон новый, а проблемы старые / В.М. Быков, Н.С. Манова // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 48–50.
8. Дикарев И.С. Особое мнение судьи: вопрос о правовых последствиях / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 56–59.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – Т. 2. – 470 с.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : Юристъ, 1998. – 552 с.
11. Лупинская П.А. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве / П.А. Лупинская. – М. : Юрид. лит., 1972. – 79 с.
12. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе / Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. – 270 с.
13. Уголовный процесс / под ред. П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. – М. : Манускрипт, 1992. – 423 с.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. – 1008 с.
15. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – М. : Республика, 1992. – 111 с.

16. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков : Вища школа, 1979. – 144 с.

17. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 252 с.

Информация об авторе

Рябинина Татьяна Кимовна – кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, 305040, Российская Федерация, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru.

Information about the author

Ryabinina, Tatyana K. – PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of Kafedral Criminal Process and Criminalistics, Southwest State University, 94 50 years of October St., 305040, Kursk, Russian Federation, e-mail: tatyanakimovna-r@yandex.ru.

ОСНОВАНИЯ И ПРИЧИНЫ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье раскрывается правовая природа оправдания в уголовном процессе, понятие и свойства оправдательного приговора как важнейшего акта правосудия. Рассматриваются основания постановления оправдательного приговора с позиции их эволюционирования и закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь. Анализируется динамика постановления оправдательных приговоров во времени и причины постановления оправдательных приговоров в практике судов всех уровней Республики Беларусь.

Ключевые слова: обвиняемый, оправдание, оправданный, оправдательный приговор, правосудие, уголовный процесс.

T.A. Savchuk

THE BASES AND THE REASONS OF THE RESOLUTION OF VERDICTS OF NOT GUILTY IN CRIMINAL PROCEDURE OF REPUBLIC OF BELARUS

In article the legal nature of a justification in criminal procedure, a concept and properties of the verdict of not guilty as most important act of justice reveals. The bases of the resolution of the verdict of not guilty from a position of their evolving and fixing in the criminal procedure legislation of Republic of Belarus are considered. Dynamics of the resolution of verdicts of not guilty in time and the reasons of the resolution of verdicts of not guilty in practice of courts of all levels of Republic of Belarus is analyzed.

Keywords: defendant, justification, justified, verdict of not guilty, justice, criminal procedure.

Принципиальное значение и неотъемлемое свойство уголовно-процессуальной деятельности на всех этапах ее развития заключалось в сочетании функций по изобличению виновных и недопущению наказания невинных, оправдание всегда сопутствовало осуждению, его призванием было служить защите интересов личности от необос-

нованного уголовного преследования. Осуждение и оправдание неразрывно связаны между собой в процессе реализации задач уголовного процесса и забвение любой из этих функций неотвратимо породит ущербность всей уголовно-процессуальной деятельности [1].

Значительный вклад в разработку вопросов, связанных с оправданием в уголовном процессе, внесли российские ученые, в то же время проблемы института оправдания не находят широкого отклика среди белорусских правоведов. Это отчасти связано с незначительной долей оправдательных приговоров в системе актов правосудия и устоявшимся законодательным подходом в определении оснований для их постановления, которые не вызывают дискуссий в их интерпретации. Между тем анализ судебной практики демонстрирует ряд проблем, связанных с оправданием лиц не по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, а по причинам некачественной работы следствия, государственного обвинения и судов. Сложившаяся ситуация требует внимания со стороны законодателя в части определения направлений развития института оправдания, повышения качества работы правоприменительных органов с целью обеспечения эффективности постановления оправдательных приговоров.

Ю.Ю. Чурилов справедливо указывает на двухаспектный характер оправдания как правового института: 1) оправдание – это совокупность процессуальных норм, регламентирующих основания, порядок и последствия вынесения оправдательного приговора; 2) оправдание включает вынесение и иных уголовно-процессуальных решений о невиновности лица [2]. Развивая эту мысль, А.В. Абрамов отмечает, что оправдание – это судебный порядок установления оправдательных оснований и вынесения оправдательного приговора, которым признается невиновность лица и закрепляется право оправданного на реабилитацию [1]. Приговор как управленческое решение государственных органов правосудия имеет колоссальное значение в общественной и государственной жизни [3, с. 205], является важным социально-политическим, правовым, воспитательно-нравственным элементом правосудия.

Для Республики Беларусь постановление оправдательных приговоров не является распространенной практикой: в 2008 г. был оправдан 191 чел.¹, в 2010 г. – 217 чел.¹, в 2011 г. было вынесено

¹ URL: <http://www.aif.by/ru/social/item/20364-prig.html>.

382 оправдательных приговора², в 2012 г. – 184 таких приговоров в отношении 241 лица³, в 2013 г. судами были оправданы 172 обвиняемых (0,44 % от общего числа приговоров)⁴, в 2014 г. – 99⁵, а в первом полугодии 2016 г. – 44⁶. В России доля оправданных в сравнении с общим количеством лиц, подвергнутых уголовному преследованию, не превышает 0,3–1,3 % а в европейских странах и США такие показатели составляют 10–20 % [1]. Наиболее активны в вынесении таких приговоров суды присяжных, которые, например, в 2008 г. оправдали 20,5 % лиц (по сравнению с профессиональным судом, оправдавшим по остальным уголовным делам 4,8 % лиц) [4, с. 146]. Приведенные данные показывают низкий удельный вес оправдательных приговоров в белорусской и российской практике уголовного правосудия.

УПК Республики Беларусь основаниями постановления оправдательного приговора называет случаи, когда: отсутствует общественное опасное деяние, предусмотренное уголовным законом; в деянии обвиняемого отсутствует состав преступления; не доказано участие обвиняемого в совершении преступления. Основания оправдания имеют историческую предопределенность, отчасти были заимствованы из Устава уголовного судопроизводства 1864 г., предписывавшего суду оправдать лицо, когда деяние, в котором оно обвинялось, признавалось недоказанным, но такие случаи были «редким или чрезвычайным явлением» [5, с. 226].

¹ Оправдательный приговор не всегда обусловлен недостатками предварительного расследования уголовных дел [Электронный ресурс] // URL: <http://prokuratura.gov.by> (дата обращения: 21.11.2016).

² URL: <http://www.aif.by/ru/social/item/20364-prig.html>.

³ Практика прокурорского надзора: Поддержание государственного обвинения и надзор за законностью судебных решений по уголовным делам : сб. норм. актов и документов / сост. А.К. Стук [и др.] ; под общ. ред. А.В. Конюка. Минск, 2013. С. 268.

⁴ Оправдательный приговор – как игра в лотерею [Электронный ресурс] // URL: <http://protivpytok.org/opravdatelnyj-prigovor-kak-igra-v-lotereyu.html> (дата обращения: 20.11.2016)

⁵ По материалам пресс-конференции заместителя Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В.Л. Калинковича.

⁶ Информация о статистических данных за первое полугодие 2016 года по лицам, оправданным судами [Электронный ресурс] // URL: http://www.court.by/justice/press_office/ (дата обращения: 22.11.2016).

Анализ судебной практики показывает, что среди оснований постановления белорусскими судами оправдательных приговоров доминирует недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (в 2012 г. этот показатель составил 69 %). При этом по 48 % таких дел судами ранее постановлялись обвинительные приговоры, т.е. в отношении каждого второго оправданного ранее принималось противоположное решение, что указывает на изменение подходов судами к оценке доказательств¹. Причинами постановления оправдательных приговоров по данному основанию являются некачественно проведенное следствие, низкий уровень государственного обвинения (это характерно и для российской судебной практики [6]), ошибки судов в результате одностороннего исследования материалов дел.

Одной из ключевых причин оправдания выступает нарушение процедуры проведения следственных и процессуальных действий, в результате которых доказательства признавались судом недопустимыми. Современная доктрина уголовно-процессуального доказывания строится на классическом понимании доказательств и их свойств, одним из которых является их допустимость, традиционно излагаемая законодателем в виде предписания о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут использоваться для доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Поэтому справедливо мнение П.А. Лупинской, что доказательства, полученные с нарушением закона, не могут использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, в том числе обстоятельств, исключających вину обвиняемого или смягчающих его вину [7, с. 2], а также позиция М.А. Сильнова о признании недопустимыми доказательств, полученных на основании незаконно ранее собранных доказательств [8, с. 6–7].

Для белорусской судебной практики характерными являются нарушения, связанные с получением доказательств в ходе незаконной процессуальной деятельности, либо в ходе законной, но ненадлежащей для данного случая процедуры. Например, в одном случае суд постановил оправдательный приговор в отношении М. и признал не-

¹ Практика прокурорского надзора: Поддержание государственного обвинения и надзор за законностью судебных решений по уголовным делам : сб. норм. актов и документов / сост. А.К. Стук [и др.] ; под общ. ред. А.В. Конюка. Минск, 2013. С. 269.

допустимым доказательством протокол допроса свидетеля по данному делу, поскольку он датирован до возбуждения уголовного дела и до принятия следователем дела к своему производству, а других доказательств сторона обвинения не представила. В другом случае суд справедливо признал недопустимым доказательством протокол следственного эксперимента с участием несовершеннолетней понятой, что повлекло признание недопустимым заключения эксперта, основанного на результатах этого следственного действия¹.

Непринятие мер к закреплению доказательств, особенно в тех случаях, когда можно было предвидеть изменение или отказ от показаний участниками процесса, также является причиной постановления оправдательных приговоров. Наиболее показательны факты проведения поверхностных допросов, получения фрагментарных признательных показаний обвиняемых, допросов лиц в качестве свидетелей, которые по закону не могут быть таковыми. Несмотря на данный запрет, в практике судов имеются случаи его нарушения, что приводит не только к постановлению незаконных обвинительных, но и незаконных оправдательных приговоров. Например, суд постановил оправдательный приговор в отношении С., обвиняемого в незаконном приобретении, хранении и сбыте марихуаны, на основании отказа свидетелей Б. и К. от показаний, на которых строилось обвинение. Их отказ от показаний объяснялся тем, что они были стороной преступной сделки: Б. присутствовала при купле-продаже марихуаны между обвиняемым С. и свидетелем К., а также на заявлении Б. о ее близких отношениях с К. Суд принял их отказ от дачи показаний, считая недопустимым оглашение ранее данных ими показаний в силу неразъяснения им права не свидетельствовать против себя. Однако в ходе следствия им было разъяснено такое право, но они им не воспользовались, дав показания по изобличению С. в совершении преступления, подтвердив их в ходе очной ставки с обвиняемым. Поэтому по отношению к обвиняемому Б. и К. свидетельским иммунитетом изначально не обладали, значит, их показания в ходе следствия должны были получить оценку судом как допустимые доказательства, что не повлекло бы незаконного вынесения оправдательного приговора [9]. Рассмотренные выше недостатки

¹ Методические рекомендации по обеспечению допустимости доказательств на предварительном следствии / Управление организации расследования преступлений Следственного комитета Респ. Беларусь. Минск, 2012. С. 8–9.

относятся не только к некачественному следствию, но и к непрофессиональному прокурорскому надзору. Ведь именно прокурор является связующим звеном между следствием и судом, поэтому такая причина оправдания как некачественное следствие является упреком и для прокурора, осуществляющего надзор за расследованием. Кроме того, посыл М.К. Свиридова [10, с. 88] об ограничении российским законодателем самостоятельности суда в решении ряда существенных вопросов, применима и к белорусскому законодателю, в том числе и при исследовании доказательств, где судебное усмотрение ограничено только теми доказательствами, на которые указывает прокурор.

В белорусской практике имеется немало примеров принятия судами ошибочных суждений о признании доказательств недопустимыми и постановлении по этой причине оправдательных приговоров. В связи с этим представляет интерес инициатива российских ученых, предложивших доктринальную модель уголовно-процессуального доказательственного права¹, в числе идей которой актуальным является введение в уголовно-процессуальный закон нормы, закрепляющей критерии признания доказательств, не имеющими юридической силы. Изложение в законе списочного перечня критериев недопустимости доказательств устранил их произвольное толкование судами, повысит эффективность принятия решений в уголовном процессе и законное постановление судебных приговоров.

Список использованной литературы

1. Абрамов А.В. Оправдание в уголовном процессе [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Абрамов. – Нижний Новгород, 2005. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com>.

2. Чурилов Ю.Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.Ю. Чурилов. – Воронеж, 2009. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com>.

3. Ольков С.Г. О справедливом приговоре / С.Г. Ольков // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 203–209.

¹ Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: www.Kalinovskiy-k.narod.ru (дата обращения: 22.11.2016).

4. Рубачева Е.Л. О некоторых причинах необоснованно большого количества оправдательных приговоров с участием суда присяжных / Е.Л. Рубачева, Н.М. Новик // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2012. – № 2. – С. 146–150.

5. Миронова М.А. Сущность и правовая регламентация оправдания в российском уголовном судопроизводстве (исторический очерк) / М.А. Миронова // Вестник Омского университета. – 2016. – № 3. – С. 224–232.

6. Степанова Н.А. Причины возникновения ошибок в суде, допускаемых при предварительном следствии [Электронный ресурс] / Н.А. Степанова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – № 3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru>.

7. Лупинская П.А. Основания и порядок принятия решения о недопустимости доказательств / П.А. Лупинская // Российская юстиция. —1994. – №11. – С. 2–3.

8. Сильнов М.А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии) / М.А. Сильнов. – М. : МЗ-Пресс, 2001. —112 с.

9. Хомич В.М. Некоторые вопросы допустимости принятия судом отказа свидетеля от дачи показаний на основании статьи 27 Конституции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / В.М. Хомич, Е.В. Куница // СПС «КонсультантПлюс».

10. Свиридов М.К. Самостоятельность суда при постановлении приговора / М.К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 88–95.

Информация об авторе

Савчук Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17; e-mail: tamerlan75@mail.ru.

Information about the author

Savchuk, Tatsiana A. —PhD in Law, Associate Professor of the Constitutional and Administrative Law Academy of management at the President of Republic of Belarus, 17 Moskovskay St., 220007, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: tamerlan75@mail.ru.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются проблемы и особенности процессуального представительства прав и законных интересов гражданского истца в уголовном судопроизводстве. Речь идет о видах представительства в уголовном процессе. Анализируются полномочия законного представителя гражданского истца и представителя по соглашению, исследуется процессуальный статус названных субъектов. Кроме того, в статье рассматриваются основания для допуска представителей к участию в уголовном судопроизводстве. Соотносятся процессуальные возможности гражданского истца и гражданского ответчика воспользоваться услугами представителя в уголовном судопроизводстве, обозначается проблема ущемления прав гражданского истца по сравнению с процессуальными правами ответчика в части представительства. Представлены данные обобщения судебной практики относительно представления прав и законных интересов гражданских истцов в уголовном процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: процессуальное представительство, договорное представительство гражданского истца, законный представитель гражданского истца, полномочия представителя.

Z.V. Samoilo

THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF A REPRESENTATIVE OF THE CIVIL PARTY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article takes a look at the problem and especially procedural representation of the rights and legitimate interests of complainants in criminal proceedings. We are talking about the kinds of representation in criminal proceedings. Examines the credentials of a legitimate representative of a civil plaintiff and representative for the agreement, explores the procedural status of named entities. In addition, this article discusses the basis for the admission of representatives to participate in criminal proceedings.

Relate the procedural capacity of civil plaintiffs and civil defendants use the services of a representative in the criminal proceedings is the problem of infringement of the rights of the plaintiff compared to the procedural rights of the defendant in the part of the mission. Presents data generalization of jurisprudence concerning the submission of the rights and legitimate interests of civil plaintiffs in criminal procedure of the Russian Federation.

Keywords: procedural representation, contract-representation of the civil plaintiff, the civil plaintiff, the legal representative of the authority of the representative.

Под процессуальным представительством в теории уголовного процесса принято понимать обеспечение прав и законных интересов (в том числе и права на судебную защиту) представляемых в случаях, когда они сами не могут реализовать принадлежащие им права в силу недееспособности, малолетства, болезни или других причин, а также нуждаются в квалифицированной юридической помощи [1, с. 181–182].

Представительство в уголовном судопроизводстве, как правило, не исключает, а, наоборот, предполагает одновременное участие и представителя и представляемого – потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и др. Исключение составляют случаи, когда представляемый является не физическим, а юридическим лицом, которое целиком персонифицируется через своего представителя [2, с. 96].

Гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, может быть предъявлен их законными представителями или прокурором. В плане представительства несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве для нас интересен опыт развитых зарубежных стран, в судебной системе которых учреждены специализированные суды для несовершеннолетних (малолетних). Образование, компетенция и процессуальные формы деятельности судов для несовершеннолетних предусмотрены специальными комплексными законами. Например, в США действует федеральный Закон о юстиции по делам несовершеннолетних 1974 г.; в Англии – За-

кон о детях и подростках 1933г.; в Италии – Закон о судах по делам о несовершеннолетних 1977 г. [3, с. 43].

Принцип разделения представительства на законное и договорное применим как в гражданском, так и в уголовном процессе. Соответственно, в деле могут участвовать представитель и законный представитель, в правовом положении которых есть существенная разница.

Согласно ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом РФ представлять его интересы.

У гражданского истца может быть и несколько представителей, если, по мнению представляемого, это необходимо для обеспечения его интересов. Иное являлось бы неправомерным ограничением права на юридическую помощь в уголовном процессе по сравнению с процессом гражданским, справедливо отмечает Д.П. Чекулаев [4, с. 343].

Согласно ч. 1 ст. 45 УПК РФ, по постановлению мирового судьи в качестве представителя гражданского истца могут быть допущены один из близких родственников гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует гражданский истец. Однако закон не дает ответа о том, в каких стадиях уголовного процесса осуществляется этот допуск. Если считать, что указанные лица допускаются в ходе производства предварительного расследования, то дознаватель или следователь обязаны возбудить соответствующее ходатайство перед мировым судьей, форма которого УПК РФ не предусмотрена. Если законодатель имел в виду судебное разбирательство, то налицо еще большие пробелы в регламентации данной процедуры, справедливо отмечают Н. Башкирева, И. Воскобойник [5, с.16]. В этом случае из приведенной посылки следует, что данное допущение возможно лишь при производстве у мирового судьи, однако в гл. 41 УПК РФ об этом не упоминается. Кроме того, неясно, вследствие чего ограничено право гражданского истца выступать с указанным ходатайством в судах общей юрисдикции.

Эта же правовая позиция прокомментирована в Определении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 25-0 «По жалобе гражданки Ивкиной В.О. на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального ко-

декса РФ», в котором указано, что лишение гражданского истца права обратиться к другим лицам за юридической помощью, фактически привело бы к понуждению гражданского истца использовать только один способ защиты, что не согласуется со ст. 45 Конституции РФ. Такое ограничение, вопреки ст. 48 Конституции РФ, значительно сузило бы возможность гражданского истца свободно выбирать способ защиты своих интересов, а также право на доступ к правосудию, что гарантировано ст. 46 Конституции РФ¹.

Представитель обладает только теми правами, которыми его наделил потерпевший или гражданский истец. Таким образом, его полномочия жестко связаны волей этих участников процесса, и возможность расхождения в их позициях должна быть исключена. Потерпевший и гражданский истец не могут наделить своих представителей таким правом, как право давать показания, поскольку это право неотделимо от них самих. В УПК РФ не предусмотрен допрос представителей данных участников процесса в качестве свидетелей.

Вместе с тем, участие в уголовном деле лица в качестве законного представителя не исключает его допрос в качестве свидетеля в случае его осведомленности об обстоятельствах причинения преступлением вреда. Следовательно, законный представитель потерпевшего (гражданского истца) может выступать также как носитель информации, относящейся к предмету доказывания гражданского иска в уголовном деле.

Однако в ч. 2 ст. 74 УПК РФ такой вид доказательств, как показания представителя потерпевшего (гражданского истца), не предусмотрен, что затрудняет использование такой информации в доказывании обстоятельств гражданского иска: процессуальный статус свидетеля, в качестве показаний которого предлагается вводить подобную информацию в процесс доказывания по уголовному делу, и процессуальный статус представителя потерпевшего (гражданского истца) не совпадают.

Более того, как представитель потерпевшего (гражданского истца), такое лицо совершенно определенно относится к стороне обвинения, что влияет и на доказывание обстоятельств гражданского иска, свидетель же отнесен законом к иным участникам уголовного судопроизводства.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 № 25-0 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

производства. В связи с этим Т.Р. Галимов совершенно справедливо считает целесообразным устранить отмеченное противоречие в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, предусматривая, что «в качестве доказательств допускаются: 2) показания потерпевшего, гражданского истца, их представителей; ...» [6, с. 22].

Допуск представителя к участию в деле осуществляется на основании письменной доверенности, либо ходатайства потерпевшего или гражданского истца. Адвокат представляет ордер юридической консультации.

В связи с этим Д.Б. Разумовский обоснованно замечает, что добровольный представитель обладает только общими правами, пользоваться специальными правами (то есть по распоряжению материальным правом представляемого, а именно: заключать мировое соглашение, признать иск, отказаться от иска или уменьшить размер исковых требований, изменить предмет иска, передать свои полномочия другому лицу и получить присужденное имущество или деньги) он может только при указании об этом в доверенности [7, с. 106].

Законное представительство основано не на соглашении, а на законе и является не добровольным, а обязательным, если потерпевший или гражданский истец являются недееспособными в силу возраста или своего состояния. Перечень законных представителей указан в п. 12 ст. 5 УПК РФ – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший.

Законный представитель допускается к участию в деле при наличии документа, удостоверяющего факт его законного представительства: паспорта, свидетельства о рождении лица, чьи интересы он представляет, документа об опеке и попечительстве.

И хотя ст. 45 УПК РФ регламентирует, что законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица, анализ норм закона позволяет прийти к выводу, что законный представитель имеет больший объем прав, чем представитель, поскольку последний связан и ограничен волеизъявлением потерпевшего, гражданского истца. Обладая всеми правами потерпевшего, гражданского истца, он вправе изменить сумму иска, предмет иска, отказаться от исковых

требований. Он вправе также иметь своего представителя, если ему нужна помощь. Личное участие в уголовном деле потерпевшего, гражданского истца не лишает его права иметь по этому уголовному делу представителя.

В.Н. Авдеев отмечает, что практика признания законных представителей гражданских истцов содержит грубейшие нарушения. Так, изучение материалов уголовных дел показывает, что зачастую гражданскими истцами признаются не лица, которым был причинен материальный вред, а именно их законные представители. Так, при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 157 УК РФ, в ряде случаев гражданским истцом признается один из родителей ребенка. В свою очередь, ребенок, который и должен в соответствии с УПК РФ признаваться гражданским истцом, вопреки здравому смыслу приобретает статус свидетеля [8, с. 108].

Исследуя правовой статус гражданского истца в части представительства, нельзя не оставить без внимания тот факт, что гражданскому ответчику предоставляются более широкие возможности воспользоваться услугами представителя, чем гражданскому истцу. Так, п. 1 ст. 55 УПК РФ предусматривает, что по определению суда или постановлению судьи, прокурора, следователя, дознавателя в качестве представителя гражданского ответчика могут быть также допущены один из близких родственников гражданского ответчика или иное лицо, о допуске которого ходатайствует гражданский ответчик. Относительно представительства истца п. 1 ст. 45 УПК РФ закрепляет правило о том, что представители гражданского истца допускаются для участия в уголовном деле только по постановлению мирового судьи. Налицо некое ущемление прав гражданского истца по сравнению с процессуальными правами ответчика.

Следует отметить еще один немаловажный фактор, характеризующий неравенство правового положения лица, пострадавшего от преступления, и лица, совершившего его. Уголовно-процессуальный закон (ст. 45 УПК) не препятствует участию адвоката в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца в уголовном деле. Однако на практике, как правило, к услугам адвокатов прибегает преимущественно лицо, совершившее преступление. Такое положение дел не свидетельствует о нежелании воспользоваться профессиональной помощью, скорее, о неспособности оплатить недешевые на

сегодняшний день услуги адвоката для стороны, которая уже понесла вред от преступления.

Уполномоченный по правам человека РФ В. Лукин в своем специальном докладе отметил, что сложившийся дисбаланс прав потерпевших и обвиняемых начал постепенно изменяться лишь в последние десятилетия [9].

В настоящее время считается общепризнанным, что процесс отправления уголовного судопроизводства должен быть справедливым не только в отношении правонарушителей, но и жертв. Для этого законодательство должно регулировать отношения не только между государством и обвиняемым, но и между обвиняемым и потерпевшим, а так же между государством и потерпевшим. Иными словами, уголовному правосудию необходимо решать задачу достижения равновесия между законными интересами трех сторон – государства, обвиняемого и потерпевшего. При этом нельзя не отметить, что интересы государства защищаются органами прокуратуры, интересы обвиняемого – адвокатом, в то время как потерпевшие имеют возможность отстаивать свои права и законные интересы с помощью адвоката лишь в редких случаях.

Категория представительства в уголовном судопроизводстве в целом и процессуальный статус представителя гражданского истца в частности нуждается в более четкой регламентации со стороны законодателя для более эффективной защиты прав и законных интересов гражданских истцов в уголовном деле.

Однако, несмотря на все сложности, связанные с представительством гражданских истцов в уголовном судопроизводстве, данные обобщения судебной практики показывают что, гражданские истцы довольно часто пользуются услугами представителей. Из 400 случаев рассмотрения судом гражданского иска, в каждом 4 случае (25 %) на стороне гражданского истца участвовал представитель.

Список использованной литературы

1. Радченко В.И. Комментарий к УПК РФ / В.И. Радченко, В.Т. Томин, М.П. Поляков. – М. : ЮРАЙТ, 2004. – 1363 с.
2. Смирнов А.В. Уголовный процесс / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский. – СПб. : Питер, 2005. – 272 с.

3. Булатов Б.Б. Уголовный процесс зарубежных стран / Б.Б. Булатов, В.В. Николюк. – Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1999. – 52 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – М. : Статут, 2016. – 1278 с.
5. Башкирева Н. Проблемы правового регулирования представительства гражданского истца в уголовном судопроизводстве России / Н. Башкирева, И. Воскобойников // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 68–71.
6. Галимов Т.Р. Субъекты доказывания гражданского иска в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.Р. Галимов. – Ижевск, 2006. – 27 с.
7. Разумовский Д.Б. Гражданский иск в уголовном деле : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.Б. Разумовский. – М., 2004. – 183 с.
8. Авдеев В.Н. Некоторые аспекты участия представителей потерпевшего и гражданского истца в производстве по уголовным делам / В.Н. Авдеев, И.О. Воскобойник // Журнал российского права. – 2007. – № 5. С. 107–113.
9. Лукин В. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ // Российская газета. – 2008. – 14 марта.

Информация об авторе

Самойлова Жанна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: zhannaiv@mail.ru.

Information about the author

Samoilova, Zhanna V. – PhD, Assistant Professor of the Department of theory of State and law and socio-legal disciplines, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: zhannaiv@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье освещаются некоторые проблемные аспекты участия специалиста в уголовном судопроизводстве. Отмечаются недостатки правового регулирования процессуальных полномочий указанного участника уголовного процесса, которые не позволяют в полной мере использовать возможности таких видов доказательств, как заключение и показания специалиста. Указывается на необходимость внесения изменений в статьи уголовно-процессуального закона с целью конкретизации процессуального статуса специалиста. Делается вывод о том, что, несмотря на положительные тенденции, институт участия специалиста в уголовном судопроизводстве нуждается в тщательном исследовании и требует дальнейших научных разработок и обсуждений.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, специалист, специальные знания, доказательства, заключение специалиста.

O.S. Sergeeva

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article highlights some of the problematic aspects of the specialist's participation in criminal proceedings. Shortcomings of legal regulation of the procedural powers of the said party of the criminal process that do not allow full use of the possibility of such types of evidence as the conclusion and testimony of a specialist. Points to the need for amendments to the articles of the criminal procedure law to concretize the procedural status of a specialist. It is concluded that, despite positive developments, the Institute of the specialist's participation in criminal proceedings needs careful study and requires further research and discussion.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, expert, expertise, evidence, conclusion of a specialist.

В УПК РФ в главе 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» закреплено понятие и процессуальный статус специалиста. Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист – лицо, обладающее специ-

альными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Исходя из законодательной дефиниции, основной задачей специалиста в ходе уголовного судопроизводства является содействие в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления при производстве процессуальных действий, дача консультаций и заключений по специальным вопросам, относящимся к его компетенции.

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ¹ в УПК РФ были внесены изменения, позволяющие использовать в доказывании показания и заключение специалиста. Часть 2 ст. 74 УПК РФ, содержащая исчерпывающий перечень источников доказательств, была дополнена п. 3¹, впервые закрепившим заключение специалиста в качестве самостоятельного вида доказательств. Изменения внесены и в ст. 80 УПК РФ, в содержание которой были включены ч. ч. 3 и 4 (заключение и показания специалиста), что не только повысило роль специалиста, но и способствовало расширению формы и возможностей использования данных разного рода наук в уголовном судопроизводстве. По мнению В. Степанова и Л. Шапиро, благодаря этому система доказательств пополнилась эффективным средством собирания необходимых сведений, используемых в доказывании в ходе предварительного расследования и судебного следствия [1, с. 81].

Одной из целей дополнения УПК РФ данным видом доказательства, практически не вызвавшей дискуссии в научном сообществе, является необходимость расширения возможностей стороны защиты в состязательном процессе, в частности, предоставление ей права на собирание доказательств посредством привлечения специалистов. Учеными в связи с этим отмечается, что введение нового вида доказательства – «заключение специалиста» в уголовное судопроизводство является попыткой разрушить сформировавшийся стереотипный подход в оценке заключения экспертов как доказательству большей

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

силы. В этом отношении заслуживает поддержки позиция В.А. Лазаревой, с точки зрения которой представленное стороной защиты заключение специалиста позволяет увидеть неполноту произведенных экспертом исследований, ненаучность применяемых им методик, необоснованность либо противоречивость экспертных выводов, поэтому существование заключения специалиста как вида доказательства обоснованно [2, с. 304; 3, с. 16].

Часть 1 ст. 58 УПК РФ предусматривает положение, согласно которому специалист привлекается в уголовное судопроизводство для «разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию», другими словами для разъяснения возможностей использования специальных знаний в расследовании преступлений. Консультирующий специалист может внести ощутимый вклад в процесс доказывания по уголовному делу, особенно при осуществлении проверки и оценки доказательств. Получение от специалистов письменных консультаций, в том числе в адвокатской практике, становится достаточно распространенной формой использования специальных знаний, при этом разъяснения специалиста могут фиксироваться в протоколе соответствующего следственного действия, в котором участвовал специалист либо посредством оформления нового доказательства – заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Таким образом, УПК РФ, закрепив научно-консультационную форму участия специалиста в уголовном судопроизводстве, придал ей процессуально-правовой статус.

Между тем, некоторые авторы иначе видят роль специалиста в уголовном судопроизводстве, высказываясь за наделение специалиста правом проводить исследования и считая такую возможность реальным шансом для участников процесса, имеющих в деле самостоятельный правовой интерес, или их представителей самостоятельно получить заключение от сведущего лица [4, с. 33].

На наш взгляд, наделение специалиста правом проводить исследование противоречит положениям УПК РФ. Если в ходе досудебного и судебного производства допустить возможность производства исследований специалистами, то следователи и судьи, думается, перестанут назначать экспертизы, а когда возникнет необходимость в использовании специальных знаний, будут обращаться к специалисту. В свою очередь, назначение экспертизы будет производиться властными участниками уголовного судопроизводства лишь в случа-

ях, прямо предусмотренных законом (ст. 196 УПК РФ), поскольку процедура назначения экспертизы предусматривает выполнение целого комплекса процессуальных действий, что, отнюдь, не требуется при привлечении специалиста.

Совершенно очевидно, что специалист привлекается к участию в уголовном судопроизводстве не с целью проведения исследований, поскольку именно для этого предусмотрено назначение разного рода экспертиз, а с целью дачи компетентных суждений об известных ему в связи с профессиональной деятельностью объектах. Выводы специалиста представляют собой, прежде всего, суждения лица, обладающего необходимыми специальными знаниями, а суждение в логике – это «форма мышления, в которой утверждается или отрицается связь предмета и его признака» [5, с. 31]. Например, специалист-искусствовед может установить, представляет ли предмет культурную или историческую ценность, специалист-автомеханик может определить возможные причины неисправности автотранспортного средства, специалист-химик – сообщить о технологии получения или химических свойствах какого-либо вещества и т. д.

Из этого следует, что специалист составляет выводы о предмете на основании уже имеющихся у него специальных знаний об этом предмете, но не получает новые данные в результате проведения каких-либо исследований с ним. С учетом того, что и специалист, и эксперт обладают специальными знаниями, важно четко представлять различие в целях их привлечения в уголовное судопроизводство и не допускать смешение их функций.

Серьезность полемики среди ученых относительно придания законодателем заключению и показаниям специалиста статуса доказательств обусловлена, в первую очередь, сложностью разграничения компетенции эксперта и специалиста в связи с недостаточно четкой определенностью процессуальных полномочий последнего. Причины сложившейся ситуации видятся, во-первых, в значительном сходстве содержащихся в УПК РФ признаков, характеризующих деятельность специалиста и эксперта и, во-вторых, в недостаточно развернутой законодательной регламентации порядка привлечения специалиста к участию в производстве следственных действий и закреплению их результатов.

В частности, правильной оценке достоверности заключения специалиста, в отличие от заключения эксперта, в определенной мере

препятствует отсутствие в УПК РФ требования не только о необходимости, но даже о возможности предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В этой связи в уголовно-процессуальной литературе отмечается существование различного подхода судей к оценке доказательственного значения заключения специалиста. Если одни судьи оценивают заключение специалиста наряду с другими доказательствами, собранными по делу, в их совокупности, то другие – рассматриваемое доказательство зачастую признают недопустимым [6, с. 93]. При этом основаниями для признания заключения специалиста недопустимым являются, во-первых, несоответствие заключения специалиста требованиям, предъявляемым ст. 58, 168, 270 УПК РФ, и во-вторых, отсутствие предупреждения специалиста об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ. В этой связи нельзя не вспомнить о пресловутой «презумпции доверия» со стороны суда к доказательствам, представляемым стороной обвинения, а, значит, и об отсутствии равенства сторон в отстаивании своих позиций. Следовательно, можно с сомнением отнести как к процедуре судебного разбирательства, так и к его результату – итоговому выводу суда по уголовному делу. Исходя из этого, представляется целесообразным внесение в статьи, регулирующие полномочия специалиста, дополнения соответствующего содержания.

Таким образом, введение процессуальной фигуры специалиста, как предполагалось, должно было способствовать о расширении состязательных начал в уголовном судопроизводстве, поскольку у стороны защиты появилась реальная возможность получения доказательств посредством привлечения к участию к производству по уголовному делу специалиста. Тем не менее, несмотря на отмеченные выше положительные стремления действующего закона, УПК РФ еще далек от урегулирования правового статуса специалиста в уголовном судопроизводстве в полном объеме, как это предлагалось заинтересованными представителями экспертных учреждений, зачастую выполняющих обязанности специалистов в расследовании и в судебном рассмотрении уголовных дел. Попытка разрешить этот вопрос путем введения норм о заключении и допросе специалиста (ч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ), по мнению некоторых ученых, усложнило правоприменение, вызвало споры, как и где они возможны, а указанные нормы не отвечают правилам законодательной техники. Из этого следует, что институт

привлечения и участия сведущих лиц в производстве по уголовному делу на современном этапе развития российского уголовного судопроизводства не лишен отдельных процессуальных недостатков, которые, безусловно, нуждаются в тщательном исследовании и требуют дальнейших научных разработок и обсуждений.

Список использованной литературы

1. Степанов В. Показания специалиста в уголовном судопроизводстве / В. Степанов, Л. Шапиро // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 81–84
2. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В.А Лазарева. – М. : Высшее образование, 2009. – 344 с.
3. Маркова Т.Ю. Заключение специалиста – доказательство в уголовном судопроизводстве? / Т.Ю. Маркова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 13–16.
4. Овсянников И.В. Заключение и показание специалиста / И.В. Овсянников // Законность. – 2005. – № 7. – С. 32–35.
5. Корнакова С.В. Логика для юристов : учеб. / С.В. Корнакова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. – 122 с.
6. Семенцов Е.А. Специалист не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания: упущение законодателя или вызванная необходимость? / Е.А. Семенцов // Наука и практика. – 2014. – № 3 (60). – С. 92–94.
7. Шамонова Т.Н. Использование специальных познаний при расследовании взяточничества / Т.Н. Шамонова // Теория доказательств и практика расследования экономических и иных преступлений : материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Н. Новгород, 22 мая 2012 г. / под ред. А.Ф. Лубина. – Н. Новгород, 2013. – С. 110–114.

Информация об авторе

Сергеева Олеся Сергеевна – ассистент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: sergeevaos1805@yandex.ru.

Information about the author

Sergeeva, Olesya S. – Assistant Chair of Criminal law, Criminology and criminal process, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sergeevaos1805@yandex.ru.

ТАЙНА СОВЕЩАНИЯ СУДЕЙ КАК ГАРАНТИЯ ЗАКОННОСТИ, ОБОСНОВАННОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА

Статья посвящена одной из остро дискуссионных проблем науки уголовно-процессуального права и правоприменительной судебной практики, связанной с тайной совещания судей, а также содержанием, формой и значением особого мнения судьи. Автор отстаивает мнение о том, что из тайны совещания судей нет никаких исключений, а особое мнение судьи не входит в ее содержание.

Ключевые слова: приговор, тайна совещания судей, совещательная комната, особое мнение судьи.

I.V. Smolkova

MYSTERY OF THE MEETING OF JUDGES AS GUARANTEE LEGALITY, VALIDITY AND JUSTICE OF THE SENTENCE

The article is devoted to one of the sharply debated problems of the science of criminal procedural law and law-enforcement jurisprudence related to the secret meeting of judges, as well as the content, form and meaning of the judge's special opinion. The author defends the opinion that there are no exceptions from the secret of the judges meeting, and the judge's special opinion is not included in its content.

Keywords: sentence, mystery of a meeting of judges, consultative room, dissenting opinion of the judge.

Без тайны совещания нет правосудия
Н.Н. Розин

Статья 298 УПК РФ устанавливает в качестве одного из условий постановления приговора тайну совещания судей. В уголовно-процессуальной литературе для обозначения тайны совещания судей в качестве синонимов используются такие словосочетания: «тайна совещательной комнаты» [1, с. 334], «судейская тайна», «тайна

внутреннего убеждения» [2, с. 17], «тайна порядка постановления приговора» [3, с. 633]. Представляется, что законодательный термин «тайна совещания судей» достаточно четко отражает содержание рассматриваемого понятия, а именно конфиденциальность совещания судей. Что же касается термина «тайна совещательной комнаты», то он существенно искажает смысл анализируемого понятия, поскольку судьи работают «в режиме тайны» не потому, что они вошли в совещательную комнату, а потому что в ней они совещаются. Это тайна именно совещания судей и она не определяется стенами помещения. Другие термины, скорее всего, носят образный характер, они неконкретны и не соответствуют тому понятию, о котором идет речь в законе.

Тайна совещания судей является одной из гарантий реализации конституционного требования независимости судей. Она имеет важнейшее значение для принятия судом решений по своему внутреннему убеждению и призвана исключить постороннее влияние на судей при постановлении приговора. Тайна совещания позволяет судьям свободно выражать свое мнение по любому из рассматриваемых вопросов, отстаивать его, приводить аргументы для его подтверждения, голосовать за то решение, которое судья считает единственно правильным. Постановление приговора судом в совещательной комнате при условии тайны совещания служит одной из гарантий его законности, обоснованности и справедливости.

В совещательной комнате могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному уголовному делу. С момента появления судей в совещательной комнате и до момента возвращения их в зал судебного заседания ни одно постороннее лицо, в том числе помощник судьи и секретарь судебного заседания, не вправе находиться в этой комнате. Справедливо отмечал в этой связи И.В. Михайлов, что «общение судей из совещательной комнаты с внешним миром либо оставление ее до оглашения приговора, а также воздействие на них извне, порождает сомнение в законности приговора, и в силу известного правила *in dubio pro reo* (всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого) он отменяется» [4, с. 137].

Тайна совещания судей обеспечивается отсутствием протокола совещания и запретом разглашения суждений, имевших место при обсуждении и постановлении приговора, или иным способом раскрытия данной тайны (ч. 2 ст. 298 УПК РФ). Судьи не могут быть до-

прошены в качестве свидетелей об обстоятельствах уголовного дела, которые им стали известны в связи с их участием в производстве по данному уголовному делу (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ), а, следовательно, и о том, что происходило в совещательной комнате. Невыполнение требования тайны совещания судей при постановлении приговора относится к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора (п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

Совещательная комната – специальное помещение в суде, оборудованное для обеспечения тайны совещания судей (наличие одного входа, отсутствие телефона и других средств связи), она должна быть изолирована от всех других помещений суда. Во время совещания недопустим разговор судей по телефону по любым вопросам, как связанным с рассматриваемым делом, так и не относящимся к нему. Соблюдение этих правил регулируется требованиями профессиональной этики.

Тайна совещания судей должна соблюдаться не только при постановлении приговора, но и при постановлении иных судебных решений (постановлений и определений). В ч. 2 ст. 256 УПК РФ перечислены решения судей, которые должны выноситься в совещательной комнате: о возвращении уголовного дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК, о прекращении уголовного дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, о судебном разбирательстве в отсутствие подсудимого, о продлении срока содержания его под стражей, об отводах, о назначении судебной экспертизы.

Судья, оставшийся в меньшинстве при голосовании по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, вправе остаться при особом мнении. Согласно ч. 5 ст. 301 УПК РФ судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате.

Однако приговор подписывается всеми судьями, в том числе и оставшимся при особом мнении (ч. 2 ст. 303 УПК РФ). Обязав судью подписывать приговор, с которым он в той или иной части не согласен, закон не мог не предоставить судье возможности отразить свое несогласие с решением большинства и привести его мотивы в особом мнении.

О форме изложения особого мнения в литературе высказаны различные мнения. Одни авторы считают, что оно может быть выра-

жено как в письменной, так и в устной форме [5, с. 646], другие полагают, что оно должно быть зафиксировано только письменной форме [7, с. 81; 8, с. 561]. Безусловно, особое мнение должно быть зафиксировано в письменной форме, поскольку оно может породить определенные процессуальные последствия. В ч. 5 ст. 310 УПК РФ установлено, что особое мнение должно быть изготовлено не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора. Из этого следует, что форма особого мнения – только письменная.

В отличие от приговора, особое мнение не содержит судебного решения, поэтому оно не может быть предметом обжалования и опротестования и не подлежит отмене или изменению вышестоящим судом.

Особое мнение само по себе не является свидетельством необоснованности, незаконности или несправедливости приговора, поэтому вышестоящий суд не обязан, оставляя приговор без изменения, опровергать особое мнение судьи. Особое мнение доказывает другое, а именно, что приговор по тому или иному вопросу отражает мнение не всего состава суда, а большинства, и, что один из трех судей придерживается иной позиции.

В уголовно-процессуальной литературе высказывались мнения о том, что никто из участников судебного разбирательства не должен знать, что при вынесении приговора один из судей остался при особом мнении, поскольку оно также относится к тайне совещания судей [8, с. 59], что особое мнение судьи должно приобщаться к делу в закрытом конверте, чтобы исключить возможность ознакомления с ним других участников процесса [5, с. 646].

З.В. Макарова более 20 лет назад вполне обоснованно отмечала, что особое мнение должно быть известно не только участникам судебного разбирательства, но и всем присутствующим в зале судебного заседания [10, с. 150]. И.Л. Петрухин справедливо в этой связи отметил, что «престиж правосудия и законная сила приговора от этого не страдают» [11, с. 115].

В данном случае речь идет об официальном процессуальном документе, который подтверждает спорность принятого решения. Вышестоящий суд может оценить доводы судьи, оставшегося в меньшинстве, и использовать их в своем решении. Вполне возможно, что мотивы особого мнения судьи более убедительны, чем мотивы приговора.

Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 272-ФЗ¹ внес принципиальные изменения в содержание ст. 310 УПК РФ, которые, в принципе, подвели черту под дискуссиями о форме особого мнения и допустимости ознакомления с ним участников уголовного судопроизводства, дополнив ее частью 5, в соответствии с которой при провозглашении приговора председательствующий объявляет о наличии особого мнения судьи и разъясняет участникам судебного разбирательства право в течение 3 суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления (ч. 5 ст. 310 УПК РФ). Заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи вправе осужденный, оправданный, их защитники, законные представители, прокурор, потерпевший, его представитель, а в случае, если особое мнение судьи связано с разрешением гражданского иска, – гражданский ответчик, гражданский истец и их представители (ч. 6 ст. 310 УПК РФ).

На мой взгляд, необходимо раскрыть понятие особого мнения судьи в самом уголовно-процессуальном законе. В этой связи предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ п. 24¹ следующего содержания: «особое мнение судьи – это письменно выраженное мнение судьи при разрешении одного из вопросов, предусмотренных ст. 299 УПК РФ, во время постановления судебного решения по уголовному делу».

Никаких исключений из правила о тайне совещания судей в УПК РФ не предусмотрено. Между тем, в процессуальной литературе были высказаны мнения о наличии таких исключений. Так, М.С. Строгович допускал единственное исключение из правила о тайне совещания судей – случай, когда ведется производство по обвинению одного из судей в злоупотреблении при постановлении приговора [9, с. 336–337]. С.Ю. Никитин полагает, что в этом случае «следователь вправе задавать вопросы судьям, участвовавшим в вынесении приговора, чтобы выяснить, кто из них какую позицию занимал» [12, с. 426].

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка ознакомления с особым мнением судьи : федер. закон от 21 октября 2013 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5442.

С этими суждениями трудно согласиться, так как согласно п. 2 ст. 10 Закона РФ от 26 июня 1992 г.¹ «судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в его производстве дел». Кроме того, необходимо заметить, что особое мнение судьи не может быть исключением из тайны совещания судей, поскольку речь о нем идет не в ст. 298, а в других статьях УПК РФ (ч. 5 ст. 301, ч. 5,6 ст. 310).

В ч. 2 ст. 298 УПК РФ установлено право судей на перерыв для отдыха с выходом из совещательной комнаты «по окончании рабочего времени, а также в течение рабочего дня». Думается, что не следует включать в правовую норму о тайне совещания судей вопросы организационного характера – отдых судей. Тем более, нет необходимости в закреплении в УПК РФ правила, предлагаемого В.В. Вандышевым, что при выходе из совещательной комнаты судьи не имеют права на общение не только с участниками уголовного процесса, но и с другими лицами [4, с. 633]. Представляется, что не следует исходить из презумпции недобросовестности судей и доводить простую проблему до абсурда. Недобросовестный судья даже при самых жестких требованиях закона найдет возможность их обойти. Подобные проблемы должны решаться, исходя из профессиональной этики судей.

Список использованной литературы

1. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России : учеб. пособие / Б.Т. Безлепкин. – 6-е изд. перераб. и доп. – М. : КноРус, 2010. – 490 с.
2. Бойков А.Д. Гласность и правосудие / А.Д. Бойков // Советское государство и право. – 1989. – № 8. – С. 10–18.
3. Вандышев В.В. Уголовный процесс: курс лекций / В.В. Вандышев. – СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2004. – 997 с.
4. Михайлов И.В. Тайна совещания судей – важнейшая гарантия социалистического правосудия / И.В. Михайлов // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 136–142.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко ; науч. ред. В.Т. Томин,

¹ О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 1124 с.

6. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства / А.В. Бунина. – Оренбург : Издат центр. Оренбург. гос. аграр. ун-та, 2006. – 168 с.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. – 8-е изд. перераб и доп. – М. : Проспект, 2011. – 912 с.

8. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе / Ю.М. Грошевой. – Харьков : Вища школа, 1979. – 144 с.

9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 2. – 470 с.

10. Макарова З.В. Гласность уголовного процесса / З.В. Макарова. – Челябинск : Изд-во Челябинск. гос. техн. ун-та, 1993. – 234 с.

11. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России : в 2 ч. / И.Л. Петрухин. – М. : Проспект, 2005. – Ч. 2. – 192 с.

12. Никитин С.Ю. Свидетельский иммунитет в Российской Федерации / С.Ю. Никитин // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве : в 2 ч. – Челябинск : Южно-Урал. гос. ун-т, 2003. – Ч. 2. – 426 с.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova, Iraida V. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kupik@isea.ru.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ПОНИМАНИЯ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В статье анализируется законодательное установление, теоретическое понимание пределов судебного разбирательства. Обращается внимание на процессуальную адекватность понимания пределов судебного разбирательства посредством категорий «обвиняемый», «обвинение», «предъявление». Формируется предложение о придании пределам судебного разбирательства автономного места в основных понятиях уголовного судопроизводства. Рассматривается проблематика имеющегося подхода, не позволяющая обеспечить качество процесса защиты прав и законных интересов лица, в отношении которого выдвинуто обвинение при его трансформации из обвиняемого в подсудимого. Определяется необходимость уточнения момента «запуска механизма защиты» подсудимого от досудебного обвинения.

Ключевые слова: обвиняемый, обвинение, предъявление, пределы судебного разбирательства, закон, теория, практика

E.V. Sopneva

TO THE QUESTION OF UNDERSTANDING CRITERIA OF JUDICIAL PROCEEDINGS LIMITS

In the article legislative establishment, theoretical understanding of limits of judicial proceedings is analyzed. The attention to procedural adequacy of understanding of limits of judicial proceedings by means of categories «defendant», «charge», «presentation» is paid. The offer on giving to judicial proceedings limits of the autonomous place in the basic concepts of criminal trial is formed. The perspective of the available approach which is not allowing to provide quality of process of protection of the rights and legitimate interests of the person concerning which charge at its transformation from the accused into the defendant is considered. Need of specification of the moment of «start of the mechanism of protection» of the defendant against pre-judicial charge is determined.

Keywords: defendant, charge, presentation, limits of judicial proceedings, law, theory, practice.

На протяжении всего уголовного судопроизводства формируется ответ на вопрос о причастности лица к преступлению, который отражается в подозрении, обвинении, легализованных, как в досудебном, так и судебном производствах. Однако судебная деятельность ограничена пределами, заложенными в рамках досудебного производства. Пределы судебного разбирательства установлены в ст. 252 УПК РФ: «Судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению...». Таким образом, заложено три параметра процессуальной границы суда: обвиняемый, обвинение и его предъявление. Уголовно-процессуальный закон содержит некоторое представление названных терминов.

Согласно ст. 47 УПК РФ обвиняемым признается лицо, в отношении которого составлен один из трех документов (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление). Такой подход позволяет предположить, что обвинение как основание создания статуса обвиняемого, фиксируется в соответствующих документах. Вместе с тем обвинение отражается и в обвинительном заключении как итоговом документе предварительного следствия. Тогда уголовно-процессуальный закон содержит информацию, позволяющую выделить первичное и вторичное обвинение. Речь идет о формировании обвинения первоначально в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, и о его трансформации во вторичное обвинение в итоговых документах досудебного производства (обвинительное заключение, обвинительный акт). Их соотношение проявляется в использовании разных форм расследования преступлений, временных промежутках инициирования, инструментариях установления необходимых обстоятельств. Тем не менее, сущность указанных документов едина – легализация обвинения. Однако только три из названных документов «доводят обвинение» до судебных органов (обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение), которое и является предметом анализа.

При этом согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» обвинение, изложенное в обвинительном акте или обвинительном заключении должно соответствовать обвинению, изложенному в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого. Определение обвинения

(п. 22 ст. 5 УПК РФ) содержит характеристики этого явления: утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, и соблюдение определенного законом порядка. При этом такое деяние должно быть описано с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1–4 части первой ст. 73 УПК РФ, что предусмотрено в п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ. Переход от обвинения, сформулированного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, к обвинению, подлежащему указанию в обвинительном заключении или обвинительном акте, влечет необходимость установления и иных обстоятельств (пп. 5–8), прописанных в ст. 73 УПК РФ. Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Обращение к положениям ст. 220 и 225 УПК РФ, устанавливающим содержание обвинительного заключения и обвинительного акта, показывает корректировку обстоятельств, подлежащих отражению в названных актах, по сравнению со ст. 73 УПК РФ. Например, в обвинительном заключении и обвинительном акте необходимо отразить цели преступления (соответственно п. 3 ч. 1 ст. 220 и п. 4 ч. 1 ст. 225 УПК РФ). В обвинительном постановлении указываются обстоятельства, перечисленные в пп. 1–8 части первой ст. 225 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). Таким образом, содержание обвинительного постановления приравнивается к содержанию обвинительного акта.

При переходе от досудебного к судебному производству возможно изменение обвинения:

– при согласии суда с обвинением, которое было предъявлено обвиняемому, он назначает заседание и переводит статус обвиняемого в статус подсудимого;

– при изменении прокурором обвинения в ходе предварительного слушания судья отражает это в постановлении и в случаях, предусмотренных УПК РФ, направляет уголовное дело по подсудности (ч. 5 ст. 236 УПК РФ);

– при наличии различного рода претензий в адрес реализации обвинения в досудебном производстве, судья обращается к ст. 237 УПК РФ и возвращает уголовное дело прокурору;

– при наличии фактических оснований суд прекращает уголовное дело согласно ст. 239 УПК РФ, что означает отказ от предъявленного обвинения;

– при необходимости изменения обвинения, суд принимает соответствующее решение, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ч. 2 ст. 252 УПК РФ).

Акт предъявления обвинения прописан в ст. 172 УПК РФ в части реализации постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Однако этот документ можно назвать лишь промежуточным на этапе формирования обвинения. При этом он не доводится до сведения суда и вызывает существенную критику со стороны ученых [1]. В. Кальницкий отмечает, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого можно и нужно рассматривать всего лишь в качестве уведомления о возникшем подозрении [2]. Б. Ургалкин считает, что нелогично выделять институт привлечения в качестве обвиняемого и предъявления обвинения. Более оптимальным и эффективным представляется совмещение институтов окончания предварительного следствия и привлечения лица в качестве обвиняемого, когда произведены все необходимые следственные действия, собраны доказательства [3]. Б. Гаврилов указывает, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого нуждается в переосмыслении, а сами правовые нормы – в существенной реконструкции. Он формулирует предположение об исключении из УПК РФ института предъявления обвинения (ст. 171–175 УПК РФ) и замены его на уведомление о подозрении в совершении преступления [4].

Применительно к иным последующим документам, содержащим формулировку обвинения, которые и закладывают пределы судебного разбирательства, имеются следующие законодательные положения:

– копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому (ст. 222 УПК РФ);

– копия обвинительного акта с приложениями вручается обвиняемому, его защитнику и потерпевшему в порядке, установленном ст. 222 УПК РФ (ст. 226 УПК РФ);

– не позднее 3 суток со дня составления обвинительного постановления обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела (ст. 226.7 УПК РФ).

В приведенных положениях закона не усматривается процедура предъявления обвинения в полноценном процессуальном смысле.

С точки зрения русского языка предъявить означает показать в подтверждение чего-нибудь, заявить (о какой-нибудь претензии по

отношению к кому-нибудь официально) [5, с. 472]. Предъявление обвинения можно определить, как комплекс последовательных и обязательных действий, обеспечивающих устное и письменное доведение до сведения обвиняемого сущности обвинения, его объяснение и аргументирование.

Законодатель же использует глаголы «вручить», «ознакомить», которые не подразумевают разъяснение его сущности, комплекса возникающих прав и гарантий. Тогда акт предъявления обвинения вряд ли можно назвать состоявшимся, что, в свою очередь, позволяет усомниться в наличии такой составляющей пределов судебного разбирательства, как предъявленное обвинение. Обращение к учебной литературе показывает установление связи пределов судебного разбирательства с обвинением, сформулированным в обвинительном заключении или обвинительном акте. Так, П. Кондратов пишет: «разбирательство уголовного дела в суде может осуществляться в пределах, принятых судом к рассмотрению обвинительного заключения или обвинительного акта» [6, с. 472]. Однако справедливо отмечает С. Соловьев: «довод, что обвинительное заключение определяет пределы судебного разбирательства, малоубедителен, так как в ч. 1 ст. 252 УПК РФ говорится о предъявленном конкретному лицу обвинении, а не об обвинительном заключении» [7].

Обратимся к положениям ч. 3 ст. 47 УПК РФ, согласно которым обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Полагаем, что у обвиняемого при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, как итоговых документов соответственно предварительного следствия и дознания, не возникает возможности защищать себя в таком статусе от сформулированного обвинения, ибо при принятии судом решения о назначении судебного разбирательства он становится подсудимым. Кроме того, фактическое отсутствие акта предъявления обвинения влечет отсутствие у обвиняемого понимания его сущности и соответственно способов защиты. При принудительном вовлечении обвиняемого в уголовное судопроизводство органы предварительного расследования должны обеспечить реализацию его прав, и возложить такую обязанность только на адвоката, полагаем неприемлемым. Названные документы в большей степени необходимы обвинителю, а не обвиняемому, поскольку закладывают

границы деятельности как для себя (выдвинутое обвинение), так и для суда (пределы исследования).

Согласно действующему законодательству трансформация обвиняемого в подсудимого осуществляется при назначении судебного разбирательства по уголовному делу. В таком случае суд, придавая обвиняемому, статус подсудимого, показывает готовность рассмотреть претензии государственного обвинителя. В противном случае, при возвращении уголовного дела прокурору, суд демонстрирует несогласие с осуществленной процедурой легализации обвинения. Однако для принятия такого решения у суда 14 или 30 суток, в пределах которых действует статус обвиняемого, а судья индивидуально работает с уголовным делом. При этом срок начала судебного разбирательства – 14 или 30 суток. И только в начале судебного заседания судья разъясняет права подсудимого в судебном заседании, то есть при максимальном подсчете спустя один или два месяца. Полагаем, наблюдается отказ от публичного начала обеспечения реализации прав лиц, принудительно вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Пределы судебного разбирательства в уголовно-процессуальном законе не определены, что оставляет простор для правового усмотрения конкретного суда. Ю. Орлов писал: «Пределы судебного разбирательства – это установленные уголовно-процессуальным законом границы, определяющие предмет судебного разбирательства по уголовному делу» [8, с. 358]. Обращение к истории вопроса и анализ ст. 751–753 УУС, а также разъяснений Сената позволяет сделать вывод, что пределы судебного разбирательства определялись событием преступления (*in rem*) и обвиняемым (*in personam*) [9]. С. Романов указывает на пределы судебного разбирательства, связывая их с категориями «*in rem*» и «*in personam*» [10, с. 568].

Итак, в УПК РФ пределам судебного разбирательства уделяется одна статья в четыре строчки. Теоретическая и практическая востребованность рассматриваемой категории влечет необходимость прописывания соответствующего определения в основных понятиях уголовного судопроизводства. Пределы судебного разбирательства связаны с предъявленным обвинением, что установлено в ст. 252 УПК РФ. Полагаем, что такое действие в полном процессуальном смысле этого слова не проводится при окончании досудебного производства обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением. Можно говорить о передаче третьим лицом (проку-

рором) перечисленных документов обвиняемому. Тогда представляется проблематичным осуществить защиту от такого обвинения. В течение длительного времени лицо лишено возможности осуществить защиту от сформулированного обвинения. Можно предположить возникновение такой возможности в суде, но здесь наблюдается иной процессуальный уровень и возможно иное обвинение, большой разрыв во времени.

Список использованной литературы

1. Сопнева Е.В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве / Е.В. Сопнева // Журнал российского права. — 2015. — № 7. — С. 105–113.

2. Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования / В.В. Кальницкий // Уголовное судопроизводство. — 2007. — № 3. — С. 23–30.

3. Ургалкин А.С. Предъявление обвинения в уголовном процессе / А.С. ургалкин // Военно-юридический журнал. — 2009. — № 12. — С. 15–19.

4. Гаврилов Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Российский следователь. — 2011. — № 16. — С. 10–13.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой / С.И. Ожегов. — М. : Рус. яз., 1989. — 924 с.

6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. — М. : Проспект, 2013. — 685 с.

7. Соловьев С.А. Процессуальная ценность обвинительного заключения на современном этапе (практический аспект) / С.А. Соловьев // Адвокатская практика. — 2016. — № 1. — С. 28–33.

8. Уголовный процесс : учеб. для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. — М. : Проспект, 2013. — 616 с.

9. Муравьев К.В. Точность предварительной юридической оценки содеянного и пределы судебного разбирательства в Уставе уголовного судопроизводства и современном праве / К.В. Муравьев // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 5. — С. 906–913.

10. Курс уголовного процесса : учебник / под ред. д.ю.н., профессора Л.В. Головки. – М. : Статут, 2016. – 1278 с.

Информация об авторе

Сопнева Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 355035, г. Ставрополь, ул. Кулакова, 43, e-mail: sopneva@mvd.stavedu.ru.

Information about the author

Sopneva, Elena V. – Master of Law, The senior lecturer, Head of the Department of Criminal Procedure Chair, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, 43, Kulakov av., 355035, Stavropol, Russian Federation, e-mail: sopneva@mvd.stavedu.ru.

ПРИГОВОР СУДА: ОБОСНОВАННОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ

В данной статье автор раскрывает особое социальное и правовое значение приговора суда по уголовным делам, как акта правосудия. Автор анализирует понятие одного из требований, предъявляемых к приговору суда, – его обоснованности, приводит точки зрения по данному вопросу. В статье демонстрируется взаимосвязь между обоснованностью приговора и объективностью его содержания. Делается вывод об особом месте обоснованности и объективности приговора суда в числе его свойств в виду презумпции истинности вступившего в законную силу приговора и его преюдициального значения.

Ключевые слова: приговор, суд, уголовный процесс, обоснованность, объективность.

G.V. Starodubova

THE JUDGEMENT: THE VALIDITY AND OBJECTIVITY

In this article, the author reveals a special social and legal significance of the judgement in criminal cases, as an act of justice. The author analyzes the concept of one of the requirements of the sentence of the court, its validity, results point of view on this issue. In the article the relationship between the validity of the judgment and objectivity of its content is shown. The conclusion of the special place of the validity and objectivity of the judgement among his properties because of the presumption of validity of an enforceable judgment and its prejudicial value is done.

Keywords: judgement, court, criminal process, validity, objectivity.

Социальную и правовую важность приговора, как акта правосудия, переоценить, по меньшей мере, сложно.

Значение приговора суда по уголовным делам, как главного показателя правосудности процедуры уголовного судопроизводства и ее результата, определяется конституционным положением о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается не-

виновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Именно ст. 49 Конституции РФ, в первую очередь, указывает на необходимость неукоснительного соблюдения предъявляемых к данному процессуальному акту требований.

Как справедливо отмечает И.П. Попова, вынесение необоснованного приговора влечет не только нарушение законных интересов и прав участников судебного разбирательства, но и в целом подрывает авторитет правосудия и формирует негативное отношение к закону [1, с. 201].

Об особом месте приговора суда в числе других уголовно-процессуальных актов говорят и, в некотором роде, «ритуальные» моменты: это единственный акт, который постановляется судом от имени Российской Федерации; специфичной является процедура его провозглашения.

Приговор после его вступления в законную силу приобретает свойство обязательности для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, организациями и гражданами. При необходимости его исполнение обеспечивается силой государственного принуждения.

В легальном определении приговора (п. 28 ст. 5 УПК РФ) законодатель отразил его правовую сущность, указав, что именно в этом решении содержится ответ на вопрос о виновности человека в совершении преступления на основании исследованных в судебном заседании по правилам УПК РФ доказательств.

Одним из требований, одноименных свойствам [2, с. 12], предъявляемых ст. 297 УПК РФ к приговору, является его обоснованность, наряду с требованиями законности и справедливости. Эта же статья УПК РФ кратко определяет данные понятия – приговор признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона. Думается, что мы будем абсолютно правы, указав в очередной раз на недопустимую неполноту такого определения.

В научной литературе требование обоснованности раскрывается более подробно.

Еще В.К. Случевский отмечал, что содержание приговора складывается из оснований, принятых судом для его постановки. Эти основа-

ния должны служить разъяснением, а вместе с тем и оправданием приговора; только через них можно видеть, почему суд остановился на том, а не на ином убеждении. Они ... выясняют тот путь, которым шел суд, постановляя приговор [3, с. 388].

Обоснованность, по мнению Г.И. Загорского, означает, что выводы, изложенные в приговоре, к которым пришел суд в результате проведенного им судебного разбирательства, соответствуют действительности и основаны на непосредственно исследованных судом в условиях состязательности сторон при обеспечении их равенства доказательств, которые установлены, исследованы и оценены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке [4, с. 128].

Как отмечает Ю.К. Якимович, обоснованность приговора сводится к тому, что изложенные в нем выводы суда подтверждаются исследованными в ходе судебного разбирательства дела доказательствами; несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела является основанием отмены или изменения приговора судом вышестоящей инстанции (ст. 389.16 УПК РФ) [5, с. 118].

З.Ф. Коврига указывает на взаимную связь требований обоснованности и законности, поскольку законность акта означает его обоснованность [6, с. 27]. Однако эти понятия нельзя полагать тождественными, поскольку полностью обоснованный приговор может быть незаконным, если, к примеру, он был постановлен недопустимым составом суда.

Обоснованность, в первую очередь, обвинительного приговора показывает, что содержащиеся в нем выводы и утверждения вытекают из фактических обстоятельств дела и полностью им соответствуют. Оценивая обоснованность оправдательного приговора, следует помнить, что УПК РФ ставит знак равенства между доказанной невиновностью и недоказанной виновностью обвиняемого в совершении преступления. Но, тем не менее, оправдательный приговор не может быть постановлен произвольно, не может быть необоснованным в части недоказанности обвинения.

Независимо от вида приговора обоснованность означает, что он соответствует доказательствам, имеющимся в уголовном деле. Отдельные авторы отмечают, что одним из условий постановления обоснованного приговора является установление обстоятельств, под-

лежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, при помощи доказательств [7, с. 741; 8, с. 20].

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» подчеркивает, что доказательства, могут быть положены в основу выводов суда лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным ст. 87 и 88 УПК РФ¹, в том числе с точки зрения достоверности сведений, составляющих их содержание.

Обоснованность приговора достоверными доказательствами обеспечивает истинность содержащихся в нем выводов по основному вопросу уголовного дела – о виновности подсудимого в совершении преступления, инкриминируемого ему. Именно обоснованность приговора достоверными сведениями указывает на его объективность, на ретроспективное отражение в нем обстоятельств преступления в соответствии с действительностью.

Обоснованность приговора показывает соответствие выводов, изложенных в нем, фактическим обстоятельствам уголовного дела и исследованным в ходе судебного следствия доказательствам, их логическую непротиворечивость и согласованность.

Рассматриваемое свойство приговора выражает объективные связи между закрепленными результатами познания, когда дальнейшее познание невозможно или нецелесообразно, и решением по делу, т.е. между основанием и выводом [9, с. 8].

Помимо установленности обстоятельств, входящих в предмет доказывания, достоверными доказательствами, обоснованность приговора обеспечивается требованием оценки всей совокупности доказательств, которая исключает иное решение по делу.

Кроме того, обоснованность приговора означает, что суд при его постановлении глубоко проанализировал состав преступления и его квалифицирующие признаки [10, с. 538].

После вступления в законную силу приговора начинает действовать презумпция его истинности. Кроме этого, приговор суда обладает еще и преюдициальной силой в виду того, что содержащиеся в нем выводы об обстоятельствах совершения преступления, о фактах, уста-

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. 2016. 7 дек.

новленных при рассмотрении уголовного дела, носят обязательный характер для судов, которые исследуют те же обстоятельства независимо от того, в каком порядке осуществляется правосудие: уголовного либо же гражданского судопроизводства. В этой связи обоснованность и объективность приговора приобретают особое место среди прочих требований к приговору, его свойств и условий постановления.

Список использованной литературы

1. Попова И.П. Обоснованность как одно из свойств обвинительного приговора / И.П. Попова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – № 11. – С. 198–203.
2. Ивенский А.И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядке судебного разбирательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 26 с.
3. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II: Судопроизводство / В.К. Случевский ; под ред. В.А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – 488 с.
4. Загорский Г.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учеб.-практ. пособие / Г.И. Загорский. – М. : Проспект, 2013. – 312 с.
5. Якимович Ю.К. Рассмотрение уголовных дел судом первой инстанции в обычном порядке : учебное пособие / Ю.К. Якимович. – СПб. : Юрид. центр, 2015. – 124 с.
6. Коврига З.Ф. Понятие и значение уголовно-процессуальных актов. Основные требования, предъявляемые к ним / З.Ф. Коврига // Уголовно-процессуальные акты. – Воронеж, 2011. – 380 с.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 1254 с.
8. Блинова О.Г. Законность и обоснованность – основные свойства правосудного приговора / О.Г. Блинова // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 5-5. – С. 18–20.
9. Козина Т.В. Судебное следствие и обоснованность приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Козина. – М., 1992. – 23 с.
10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Спарк, 2004. – 1151 с.

Информация об авторе

Стародубова Галина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Воронежский государственный университет. 394036, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., 1, e-mail: gv_starodubova@ mail.ru.

Information about the author

Starodubova, Galina V. – PhD in Law, Associate Professor of the Criminal Process Department, Voronezh State University, 1, University sq., 394036, Voronezh, Russian Federation, e-mail: gv_starodubova@ mail.ru.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

В статье проводится анализ теории и практики применения привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение уголовно-наказуемых деяний против правосудия на примере конкретных уголовных дел о преступлениях, подследственных Федеральной службе судебных приставов, с учетом судебной практики и прокурорского надзора. В частности, подробно рассмотрены проблемные вопросы практики применения ст. 315 УК РФ, 294 УК РФ и 297 УК РФ. Автором предлагаются пути законодательного урегулирования возникающих вопросов с учетом мнения ученых-юристов, судебной-следственной и прокурорско-надзорной практики.

Ключевые слова: преступление; правосудие; уголовное дело; дознаватель; суд; наказание.

CRIMES AGAINST JUDGEMENT: THEORY AND PRACTICE

This article addresses theoretical and practical problems, related to applying the Russian Criminal Code's articles providing criminal liability for crimes against judgement under Russian Bailiff's Service's jurisdiction. In particular, the author rises up problems of the Articles № 315, 294, 297 practical using, proposes legislative ways of solving such questions based on the legal science and law enforcement practice.

Keywords: crime; judgement; criminal case; investigator; court; punishment.

Под правосудием понимается одна из форм правоприменительной процессуальной деятельности судебных органов по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, дел об административных правонарушениях в строго установленной законом

процессуальной форме. В связи с этим преступления против правосудия имеют своей целью посягательство в первую очередь на интересы правосудия, а именно на правоотношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда и иных государственных органов и лиц по реализации задач и целей правосудия.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит гл. 31 «Преступления против правосудия», которая состоит из 24 ст. (294–316), 3 из которых подследственны органам дознания Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России). Это ст. 294 («Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования»), 297 («Неуважение к суду»), 315 УК РФ («Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта»).

Практика организации расследования уголовных дел анализируемой категории показывает, что одним из наиболее распространенных преступлений, выявляемых и расследуемых органами дознания ФССП России, является преступление, предусмотренное ст. 315 УК РФ. Так, за 11 месяцев 2016 г. дознавателями Управления ФССП России по Иркутской области возбуждено и расследовано 77 уголовных дел по данной статье УК РФ. За период 12 месяцев 2015 г. выявлено всего 16 таких преступлений.

Данная статья УК РФ предусматривает уголовную ответственность за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению.

С точки зрения теории уголовного права, данный состав преступления является формальным, т.е. закон в данном случае не требует обязательного наступления каких-либо последствий, и в этом смысле значительных практических сложностей у правоприменителей в ходе расследования и рассмотрения дел по существу не возникало. Однако нередко возникают проблемы сугубо практического характера о наличии либо отсутствии признака «злостность» при квалификации действий подозреваемого (обвиняемого) в конкретных правовых ситуациях.

Ввиду отсутствия законодательного определения понятия «злостность» позиции как различных практиков, так и ученых-юристов относительно данной правовой категории существенно отличаются друг от друга. Соответственно, данное обстоятельство неизбежно привело к отсутствию единообразной правоприменительной практики и единства мнений в юридической науке.

Согласно пп. 38 и 46 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ злостность определяется как неисполнение каких-либо обязанностей после сделанного контролирующим органом предупреждения в письменной форме о недопустимости повторного нарушения.

Как отмечается в Обзоре практики привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 315 УК РФ, утвержденным заместителем Генерального прокурора Российской Федерации В.Я. Гринем и Директором Федеральной службы судебных приставов А.О. Парфенчиковым, «невозможно сформулировать универсальные признаки (критерии) злостности неисполнения решения суда. Тем не менее можно обозначить примерный перечень действий (бездействия) должника, которые характеризовали бы злостность применительно к отдельным видам неисполнения судебного решения. Для этого важно установить:

- реальную (объективную) возможность исполнить решение суда или наличие обстоятельств, препятствующих исполнению обязательств либо делающих невозможным их исполнение;
- наличие или отсутствие действий, предпринимаемых для исполнения обязанности и доказывающих намерение исполнить решение суда либо доказывающих намерение отказаться полностью или в существенной части от исполнения решения суда;
- наличие фиксированных сроков, до истечения которых должно быть исполнено обязательство, достаточность времени на его исполнение;

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 янв. 2007 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 2.

– объем неисполненной обязанности (при наличии возможности такого измерения) в пропорциональном отношении к исполненной ее части;

– выносилось ли письменное предупреждение должнику, сделанное уполномоченным органом»¹ [3, с. 2–3].

Неоднозначно складывается и прокурорская практика при осуществлении надзора за расследованием уголовных дел данной категории и поддержании государственного обвинения в судах по таким делам. Так, прокуратурой г. Москвы указывается на то, что «минимальный срок неисполнения решения суда, необходимый для привлечения должника к уголовной ответственности по ст. 177, 315 УК РФ, должен быть разумным, достаточным для исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, но не может быть менее трех месяцев. Неоднозначная позиция наблюдается в вопросе определения начала и окончания периода злостного неисполнения решения суда. Так, началом указанного периода предлагается считать момент ознакомления должника с постановлением о возбуждении исполнительного производства, вынесенного судебным приставом-исполнителем... Окончанием периода злостного неисполнения судебного решения предлагается считать дату, предшествующую вынесению постановления о возбуждении уголовного дела, поскольку с момента возбуждения уголовного дела лицо приобретает статус подозреваемого...»².

При описании объективной стороны преступления в итоговых процессуальных документах органам расследования и судам необходимо указывать на конкретные действия (бездействие) независимо от количества и характера (в том числе однородного) эпизодов преступной деятельности подозреваемого (обвиняемого). Положительным практическим примером является уголовное дело в отношении главы администрации муниципального образования «Город Саратов» А.Л. Прокопенко.

¹ Обзор практики привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 315 Уголовного кодекса Российской Федерации // Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ : Письмо Федеральной службы судебных приставов от 16.06.2014 г. № 00040/14/34207-АП.

² Информационное письмо прокуратуры г. Москвы от 05.04.2013 г. № 16/5-38-2013/41592.

Так, в отношении А.Л. Прокопенко Саратовским межрайонным городским отделом судебных приставов по особым исполнительным производствам Управления Федеральной службы судебных приставов по Саратовской области возбуждено девять уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ, в дальнейшем соединенных в одно производство на основании п. 2 ч. 1 ст. 153 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Дознанием установлено, что А.Л. Прокопенко, невзирая на то, что ему судебным приставом-исполнителем неоднократно вручались требования об исполнении судебных решений, а также выносились предупреждения об уголовной ответственности, злостно не исполнял девять судебных решений Волжского районного суда г. Саратова о предоставлении вне очереди по договорам социального найма благоустроенных жилых помещений в г. Саратове гражданам, проживавшим в ветхих и аварийных домах, несмотря на наличие реальной возможности обеспечить их жильем.

По результатам расследования уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу, впоследствии А.Л. Прокопенко признан судом виновным в совершении инкриминируемого деяния, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 200 тыс. р.¹

Важным аспектом при рассмотрении возможности привлечения руководителей организаций-должников к уголовной ответственности по данной статье УК РФ является частичное исполнение (в том числе в целях создания видимости исполнения) требований судебного акта при внесении нерегулярных и незначительных платежей, не соразмерных с сумой общей задолженности. Необходимо учитывать, что частичное исполнение судебного акта (в том числе в целях создания видимости такого исполнения) не исключает возможности привлечения к уголовной ответственности.

Так, приговором мирового судьи судебного участка № 2 Калининского района г. Чебоксары директор ООО «Савва+» С.Ю. Данилова признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 315 УК РФ. Дознанием и судьей установлено, что при имеющейся задолженности организации перед работниками по заработной плате на сумму свыше 100 тыс. р., установленной

¹ Архив Волжского районного суда Саратовской области за 2013 г.

судебным решением, С.Ю. Данилова направила на ее погашение только 10 тыс. р., несмотря на имевшуюся возможность исполнить требования судебного акта в полном объеме (на счет организации поступило более 4 млн р.)¹.

Аналогичная правовая оценка должна даваться и при установлении признаков злостного неисполнения судебных решений неимущественного характера (к примеру, о понуждении администраций муниципальных образований устранить нарушения требований экологического и санитарно-эпидемиологического законодательства при размещении твердых и жидких бытовых отходов, пожарной безопасности и пр.) даже при наличии их частичного исполнения.

Не менее опасными с точки зрения посягательства на правоотношения в сфере отправления правосудия и нарушения нормального порядка деятельности судов являются преступления, предусмотренные статьями 294 УК РФ («Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования») и 297 УК РФ («Неуважение к суду»).

Данные составы преступлений так же, как и преступление, предусмотренное ст. 315 УК РФ, являются формальными и не предусматривают наступление каких-либо общественно-опасных последствий в качестве обязательного их элемента.

Вмешательство в деятельность судов в любой форме является грубым нарушением принципа независимости судов, в связи с чем эффективность отправления правосудия в первую очередь зависит от того, насколько деятельность судов обеспечивается средствами государственной защиты, в том числе уголовно-правового характера.

Так, в 2015 г. органами дознания ФССП России возбуждено 164 уголовных дела по ст. 297 УК РФ, по ст. 294 УК РФ – 16 дел.

Положительным примером выявления и пресечения противоправных действий является уголовное дело в отношении В.А. Зайкова, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, который, будучи обвиняемым по иному уголовному делу, в ходе ознакомления с его материалами в помещении Гагаринского районного суда г. Севастополя предпринял

¹ Архив мирового судьи судебного участка № 2 Калининского района г. Чебоксары Республики Чувашия за 2013 год.

попытку их хищения, но своевременно был задержан судебным приставом по обеспечению установленного порядка деятельности судов Управления ФССП России по Севастополю М. и передан сотрудникам полиции. По результатам расследования уголовное дело в отношении В.А. Зайкова с обвинительным актом направлено в суд для рассмотрения по существу. Приговором Гагаринского районного суда г. Севастополя от 2 июля 2015 г. В.А. Зайков признан виновным в совершении данного преступления, ему назначено наказание в виде одного года лишения свободы¹.

Основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 297 УК РФ является наличие достаточных данных, указывающих на неуважение к суду путем оскорбления конкретного лица (участника судебного разбирательства (часть 1 анализируемой статьи УК РФ), а также судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (часть 2) унижение их чести и достоинства.

Основные проблемы, как показывает анализ правоприменительной практики, связаны с установлением объективной стороны данного преступления, а именно, с определением оскорбления как неотъемлемого элемента состава преступления.

Оскорбление как действие представляет собой унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме и может выражаться в словесной (устной или письменной) форме либо в виде поступков (плевков, нанесения пощечины, неприличных жестов, толчков, обливания жидкостью, срывания одежды, мимики и др.). Оскорбление – это прежде всего унижение чести и достоинства потерпевшего, выражающееся в отрицательной оценке личности, которая подрывает его престиж в глазах окружающих и наносит ущерб уважению к самому себе. Для наличия состава оскорбления не имеет значения – является ли эта оценка ложной или правдивой. Важно, что она выражается в неприличной форме. Например, если о ком-то говорят, что он кретин, хотя бы и при низких его умственных способностях, тем не менее данное высказывание может быть квалифицировано как уголовно наказуемое оскорбление. Также будет являться оскорблением и высказывание о физических недостатках человека, выраженное в неприличной форме. Обязательным условием

¹ Архив Гагаринского районного суда г. Севастополя за 2015 г.

оскорбления в любом случае должна являться отрицательная оценка лица и умышленный характер этой оценки.

Таким образом, оскорбление может выражаться в двух формах:

- словесной (вербальной);
- поведенческой (невербальной).

При этом уголовная ответственность наступает, если оскорбление имело место исключительно в ходе судебного разбирательства в рамках любого вида судопроизводства (гражданского, административного, уголовного, конституционного либо арбитражного).

Положительным примером является уголовное дело в отношении А.И. Сивова, возбужденное на основании рапорта судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов Управления ФССП России по Архангельской области В. об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, который, будучи подсудимым по иному уголовному делу, в ходе судебного разбирательства в помещении Плесецкого районного суда Архангельской области, в грубой неприличной форме оскорбил потерпевшую Д.А. Денисову

О произошедшем незамедлительно был информирован начальник отдела – старший судебный пристав Отдела судебных приставов по Плесецкому району, по поручению которого на место происшествия выехал дознаватель для проверки обстоятельств на месте, которым были отобраны объяснения от участников судебного процесса, произведен осмотр места происшествия.

По результатам расследования уголовное дело в отношении А.И. Сивова с обвинительным актом направлено в суд для рассмотрения по существу¹.

Иные проблемы, возникающие в ходе правоприменения данной статьи УК РФ, связаны с некачественной организацией проверок сообщений о преступлениях данной категории, которые в дальнейшем влекут необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности.

В этой связи в качестве отрицательного примера можно привести уголовное дело в отношении В.Д. Ильчука, возбужденное по ч. 1 ст. 297 УК РФ Отделом судебных приставов по Ольгинскому

¹ Архив Плесецкого районного суда Архангельской области за 2013 г.

району Управления ФССП России по Приморскому краю по факту оскорбления последним в ходе судебного заседания свидетеля И.В. Мельникова.

В ходе доследственной проверки в порядке ст. 143–145 УПК РФ по данному факту дознавателем было назначено судебно-лингвистическое исследование на предмет определения, являлось ли высказывание В.Д. Ильчука в адрес И.В. Мельникова оскорбительным, по результатам которого экспертом дано отрицательное заключение, т. е. фраза не была признана таковой. Однако, несмотря на это органом дознания в нарушение требований ст. 140 УПК РФ было принято незаконное решение о возбуждении уголовного дела. В дальнейшем данное обстоятельство привело к вынесению процессуального решения о прекращении уголовного дела в отношении В.Д. Ильчука на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия в его действиях состава преступления¹ [2, с. 7].

Таким образом, разрешение указанных выше проблем правоприменения при определении признака «злостность» и выработка единообразной судебно-следственной практики возможно путем внесения соответствующих изменений в нормы УК РФ и, как следствие, четкого определение данного понятия. Кроме того, полагаем, возможно устранение в целом данного признака из уголовного законодательства путем замены его на неоднократность, вследствие чего привлечение лица к уголовной ответственности будет возможно в случае установления факта повторного совершения им деяния, за которое он ранее привлекался к административной либо уголовной ответственности. При этом какого-либо предварительного предупреждения обязанного лица об уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ не потребуется.

Для формирования единообразной практики по ст. 294 и 297 УК РФ необходимы, прежде всего, активизация работы судебных органов и должностных лиц ФССП России по выявлению и надлежащему документированию таких преступлений, повышение уровня их профессиональной подготовки в этом направлении, поскольку в настоящее время относительно небольшое количество расследован-

¹ Об организации выявления и расследования преступлений по ч. 1 ст. 294 и ст. 297 УК РФ // Письмо Федеральной службы судебных приставов от 27.07.2016 г. № 00043/16/68200-ВВ.

ных и рассмотренных судами уголовных дел и, как следствие, отсутствие каких-либо серьезных сложностей, вытекающих из законодательного определения указанных составов преступлений не позволяет однозначно говорить о каких-либо значительных проблемах, требующих законодательного урегулирования.

Информация об авторе

Тугутов Булат Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации и безопасности правоохранительной и судебной деятельности, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а, e-mail: boulat-law@mail.ru.

Information about the author

Tugutov, Bulat A. – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization and Security to Judicial and Law Enforcement, the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, 23a, Ivan Franko's St., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: boulat-law@mail.ru.

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КАК ОДНА ИЗ ГАРАНТИЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И ИХ РАВЕНСТВА
ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье дается сравнительный анализ института особого мнения судьи в российском уголовно-процессуальном законодательстве, а также в странах англо-саксонской правовой семьи (Англия, США). Рассматривается история возникновения и развития института особого мнения судьи в отечественном праве в различные исторические периоды. Выявляются проблемы действующего законодательного регулирования института особого мнения судьи в уголовном судопроизводстве и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: особое мнение судьи, постановление приговора, определение Конституционного суда РФ, тайна совещательной комнаты, судебное разбирательство.

I.S. Frolov

**DISSENTING OPINION OF JUDGE AS ONE
OF THE GUARANTEES INDEPENDENCE OF JUDGES AND
THEIR EQUALITY WHEN SETTLING THE AGREEMENT:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

The article gives a comparative analysis of the institution of the judge's special opinion in the Russian criminal procedural law, as well as in the countries of the Anglo-Saxon legal family (England, USA). The history of the origin and development of the institute of the judge's special opinion in the domestic law in different historical periods is considered. The problems of the current legislative regulation of the institute of the judge's special opinion in criminal proceedings are revealed and ways of their solution are suggested.

Keywords: the dissenting opinion, legal resolution, judgments of The Russian Constitutional Court, the secrecy of the retiring room, trial.

Особое мнение судьи – достаточно проблемный институт в уголовном судопроизводстве и постановлении приговора, в частности.

Особое мнение – это право судьи не согласиться с мнением большинства, выразить свою точку зрения, предложить другое решение.

Институт особого мнения судьи в российском праве берет начало с XIX века. Так, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года указывалось: «Независимо от общего журнала, по каждому уголовному и гражданскому делу составляется особый протокол, по правилам, изложенным в Уставах уголовного и гражданского судопроизводства. К сим протоколам приобщаются предлагавшиеся на разрешение суда вопросы, если таковые были изложены письменно, с отмеченными по оным резолюциями суда или присяжных заседателей, а равно и особые мнения членов, если таковые были представлены»¹. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1923 года также предусматривалась возможность изложения особого мнения судьи. Статья 325 УПК РСФСР гласила: «Все вопросы решаются простым большинством голосов. Судья, оставшийся в меньшинстве, вправе изложить в письменном виде свое особое мнение, которое приобщается к приговору, но оглашению не подлежит»². Указанная норма нашла отражение в УПК РСФСР 1960 года, в ст. 307 которого отмечалось: «Председательствующий или народный заседатель, оставшийся при особом мнении, вправе изложить его в совещательной комнате в письменном виде. Особое мнение при провозглашении приговора не объявляется, но приобщается к делу»³.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве особое мнение судьи возможно только при коллегиальном рассмотрении уголовного дела. В составе трех профессиональных судей в РФ действуют суды при рассмотрении в первой инстанции дел о тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 3 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), т.е. дел повышенной сложности.

Именно коллегия из трех судей призвана обеспечить компетентность, беспристрастность, независимости судебного разбирательства, и, следовательно, уменьшить вероятности принятия ошибочного решения. В такой ситуации особое мнение судьи накладывает огромный пласт сомнений на правильность и объективности пригово-

¹ Свод законов Российской империи. Устав уголовного судопроизводства. 1914. Ст. 164.

² Собрание узаконений РСФСР. 1923. Ст. 106.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. Ст. 592.

ра. Ведь как писал А.В. Кононов: «...выражать и отстаивать свое мнение – это эмоционально и психологически тяжелая миссия, всегда серьезный внутренний конфликт. Весьма трудно пересилить сомнения и избежать влияния авторитетов, оставшись в меньшинстве среди своих коллег – судей, каждый из которых по определению специалист высочайшей квалификации. Особое мнение – это, конечно, крайний вариант позиции судьи, когда цена решения заведомо высока, когда внутренний компромисс невозможен, а убежденность в судебной ошибке максимальна» [1, с. 134]. И если судья все-таки решился на это, неужели это должно остаться просто листиком с его мнением, приобщенным к приговору?! Здесь опять вынуждены согласиться с А.В. Кононовым: «...Особые мнения судей выявляют частую скрытые мотивы спора, его подоплеку, дают более широкие представления об уровне сложности и спорности дела, об иных аргументах и точках зрения. Нередко особые мнения существенным образом дополняют правовую материю, которая была подвергнута анализу в итоговом решении» [1, с. 136].

Правовое закрепление особого мнения находится в ст. 301 УПК РФ: «Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате.

Судье, голосовавшему за оправдание подсудимого и оставшемуся в меньшинстве, предоставляется право воздержаться от голосования по вопросам применения уголовного закона (ч. 3 ст. 301 УПК РФ)».

Особое мнение приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит и при провозглашении приговора председательствующий объявляет о наличии особого мнения судьи и разъясняет участникам судебного разбирательства право в течение 3 суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления. (ч. 5 ст. 310 УПК РФ).

Мы считаем, что законодатель достаточно скудно регламентировал институт особого мнения. В недостаточной мере дал разъяснение, что в свою очередь может повлечь к произвольному толкованию, при котором невозможно единообразное применение нормы.

Законодатель оставил без внимания следующие, важные, по нашему мнению, вопросы:

1. Каково правовое значение особого мнения судьи с точки зрения юридической силы этого документа?

2. Необходима ли конкретная процессуальная форма изложения особого мнения, особый порядок написания, бланк документа, обязательная информация, которая должна быть в тексте особого мнения?

И самое главное:

3. Является ли особое мнение судьи основанием для обжалования приговора в последующих инстанциях в случае несогласия осужденного?

Отсутствие ответов на эти вопросы в первую очередь обусловлены слабой правовой проработанностью и правовым регулированием.

Конституционный Суд, объясняя правовую природу особого мнения судьи, указывает не на обязанность, а на право судов кассационной и надзорной инстанций исследовать письменно изложенное особое мнение судьи и учесть приведенные в нём доводы при оценке правильности принятых по уголовному делу решений. Представляется, что такое суждение создаёт условия для возникновения ситуации, когда при рассмотрении кассационной жалобы особое мнение судьи вообще может остаться без внимания. Конституционный Суд указал, что особое мнение судьи не является самостоятельным актом и никаким образом не затрагивает права обвиняемого¹.

И тем не менее судья Конституционного суда Г.А. Гаджиева отмечает, что если особое мнение судьи представляет собой итоговое, а не предварительное суждение по уголовному делу, то стороны должны иметь право ознакомиться с ним по окончании судебного разбирательства. Так же она заявляет, что нужно ограничить особое мнение определенной формой написания и так как особое мнение не раскрывает суждения других судей по этому вопросу, оно никаким образом не ставит под угрозу тайне совещательной комнаты².

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 г. № 174-О-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева : Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 г. № 174-О-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Мы полностью согласны с судьей Гаджиевой, ведь данное положение безнадежно устарело и не отвечает демократическим требованиям современного правосудия, носящего состязательный характер. Так же нам необходимо согласиться с тем, что особое мнение не может быть предметом тайны совещания судей, иначе с особым мнением не смогли бы ознакомиться судьи вышестоящих судов, так как они не вправе нарушить тайну совещания судей в нижестоящих судах.

Наши убеждения подтверждаются и словами Н.Н. Сухановой, которая тоже считает, что особое мнение судьи не является предметом тайны совещания судей. [2, с. 192].

Следует обратить внимание на утверждение Е.Г. Мартынчика, который уже в далеком 1981 году считал вообще безнравственным, сокрытие от граждан, присутствующих в зале судебного заседания сам факт наличия особого мнения судьи под предлогом нарушения тайны совещательной комнаты, а также невозможность ознакомиться с особым мнением [3, с. 89].

Помимо всего прочего, мы согласны и с мнением судьи конституционного суда Г.А. Жилиным, который утверждает, что особое мнение содержит не предварительные суждения судьи, а его окончательный вывод, касаемо постановления приговора и его мотивы несогласия с позицией остальных судей. Маловероятно, что на особое мнение, прикрепленное к приговору, который вынужден в силу закона подписать судья, несогласный с мнением большинства, может распространяться режим тайны совещательной комнаты. Особое мнение содержит аргументированную позицию одного из судей и может повлиять на решение вышестоящей судебной инстанции, в том числе с негативным результатом для того или иного участника процесса¹.

Немаловажно, что институт особого мнения зародился далеко не в романо-германской правовой семье, к которой относится наше государство, а в англо-саксонской. Именно Англия и позднее США стали использовать прецедентное право. И именно в Англии зародилась традиция принимать решение после высказывания всех судей устно,

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилина : Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 г. № 174-О-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

по очереди («seriatim»), без предварительного обсуждения [4, с. 112]. И тем не менее особое мнение судьи в романо-германской правовой семье встречаются гораздо реже. Согласно статистике, с 1931 по 1960 г. количество особых мнений в Верховном суде США составляло 20 %. В период с 1965 по 1995 г. уже 44 %. В период с 1997 по 2003 г., особые мнения имели место в 70 % дел [5, с. 37]. Для сравнения Уголовной коллегией Приморском краевого суда РФ, в первой инстанции коллегиально за период с 2014 по 2015 г., было рассмотрено 8 дел, и ни одного особого мнения не было. В апелляционной коллегии было рассмотрено в 2014 г. – 1339 уголовных дел, а в 2015 – 1293 уголовных дела, из них было всего 2 особых мнения¹.

Из вышеизложенного, на основе анализа правового регулирования института особого мнения в уголовно-процессуальном законодательстве России, стран англо-саксонской правовой семьи (Англия, США), на основе изучения судебной практики, определений Конституционного суда Российской Федерации можно сформулировать следующие проблемы:

1. Сегодня особое мнение судьи не является ни поводом для возбуждения производства в судах вышестоящих инстанций, ни предметом для его рассмотрения ими.

2. Не вытекает из закона обязанность вышестоящего суда уведомлять судью (автора особого мнения) о результатах его рассмотрения.

3. Отсутствует правовой механизм, разрешающий проблемы, возникающие в судебном процессе в ситуации, когда отсутствует единство мнений судей при постановлении приговора, которое на практике ведёт к неограниченному субъективному толкованию и применению в последующем этих норм права.

4. Наблюдается видимое отставание от международных демократических тенденций развития уголовно-процессуального права.

Нельзя не осознавать важность института особого мнения в постановлении приговора и уголовном процессе в целом. Здесь на чаше весов лежит слишком многое и слабое законодательное регулирование данного вопроса влечет за собой нарушения прав человека. И только законодательно грамотная правотворческая деятельность позволит решить многочисленные проблемы, существующие в рос-

¹ URL: <http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=information>.

сийском уголовном процессе. Необходимо преодолеть страх судьи выражать несогласие с мнением большинства, не бояться давления судейского сообщества. Это можно сделать, предусмотрев поощрения тем судьям, чье особое мнение при рассмотрении дела в последующих инстанциях оказалось правильным, в отличие от итогового решения его коллег. Это очень важно, ведь данный институт имеет огромные перспективы развития, связанные с главной целью уголовного судопроизводства – установлению истины. А достижение этой цели невозможно без института особого мнения судьи, так как особое мнение судьи позволяет наиболее полно и всесторонне проанализировать правовую проблему, повышает качество принятого судебного акта, является выражением принципа независимости судей.

Список использованной литературы

1. Кононов А.Л. Право на особое мнение / А.Л. Кононов // Закон. – 2006. – № 11. – С. 134–138.
2. Суханова Н.Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Суханова. – Иркутск, 2008. – 204 с.
3. Мартынчик Е.Г. Особое мнение судьи по уголовному делу / Е.Г. Мартынчик. – Кишинев : Штиинца, 1981. – 130 с.
4. Алексеев С.С. Теория государства и права / С.С. Алексеев, С.И. Архипов. – М. : НОРМА, 2005. – 496 с.
5. Sim R. A level English Law / R. Sim, P. Pace. – L., 1991.

Информация об авторе

Фролов Игнат Сергеевич – студент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, 680014, Российская Федерация, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49, e-mail: ignat.frolov@mail.ru.

Information about the author

Frolov, Ignat S. – Student, Russian State University of Justice, 49 East highway, 680014, Khabarovsk, Russian Federation, e-mail: ignat.frolov@mail.ru.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ

В статье выделяются и рассматриваются причины обвинительного уклона российского правосудия по уголовным делам. Автор называет пути устранения некоторых из исследуемых причин обвинительного уклона в российском уголовном судопроизводстве. Кроме того, отмечается необходимость системного исследования тех сфер жизнедеятельности, которые порождают данные причины.

Ключевые слова: обвинительный уклон, правосудие, суд.

Yu.B. Chupilkin

THE MAIN REASONS ACCUSATORY RUSSIAN JUSTICE

The article discusses the causes of accusatory bias in Russian criminal justice. The author calls ways of elimination of some from the studied reasons of an accusatory bias in the Russian criminal legal proceedings. Besides, need of a system research of those spheres of activity which generate these reasons is noted.

Keywords: accusatory, justice, court.

29 ноября 2016 г. Пленум ВС РФ принял Постановление «О судебном приговоре», которое, как отмечается в самом документе, подготовлено «в целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих постановления судом первой инстанции оправдательного и обвинительного приговоров, повышения качества судебных приговоров, а также в связи с вопросами, возникающими у судов».

Давая оценку проекту указанного постановления, Ю.А. Костанов точно отметил: «...большая часть этих красивых формулировок вовсе не является новацией. Одно из самых важных положений – о недопустимости признания подсудимого виновным только на основании его собственных признаний – совершенно правильная рекомендация. Беда, однако, в том, что эта мелодия звучит в законодательстве и разъяснениях Верховного Суда по меньшей мере с середи-

ны 50-х гг. прошлого века – со времен постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР 1954 г. «О преодолении культа личности Сталина и его последствий». Учили этому и студентов, и судей, и следователей с прокурорами. И Верховные Суды – СССР, РСФСР, РФ и других союзных республик – неоднократно обращали на это внимание. Однако снова потребовалось разъяснить то же самое. Похоже, постановления Пленума Разъясняют судьям, разъясняют, а они все никак не привыкнут» [1].

Диагноз российского правосудия установлен давно, в условиях провозглашенного состязательного уголовного процесса, страдает обвинительным уклоном.

Под обвинительным уклоном принято понимать необъективное, предвзятое отношение судей к обвиняемым (подсудимым, осужденным) в совершении преступлений, которое выражается в нарушении принципов состязательности сторона, презумпции невиновности, в поддержании доказательств стороны обвинения и игнорирования доказательств стороны защиты.

К.Б. Калиновский отмечает, что юридические исследования обвинительного уклона изначально ограничены, так как его причины почти всегда находятся «за пределами права». Глубинные причины этого явления связаны с социальными, политическими, экономическими, а также психологическими закономерностями и особенностями [2].

В качестве причин, способствующих проявлению данного заболевания (обвинительного уклона) в уголовном судопроизводстве представляется возможным выделить основные, которые формируют правосознание и имидж современного успешного судьи, его психологическое отношение к рассматриваемым делам и вынесению приговоров по делу и классифицировать их по следующим группам: 1) организационно-административные, которые определяют вопросы подбора кандидатов и назначения на судейские должности; 2) влияющие на независимое положение судей; 3) формирующие эффективность судейской деятельности; 4) положения уголовно-процессуального законодательства, которые не предусматривают достаточных гарантий права на защиту участников процесса, и способствуют судьям в вынесении обвинительных приговоров; 5) сложившиеся стандарты доказывания; 6) нагрузка на судей.

Процедура отбора и назначения кандидатов на должность судей является закрытой. Основными источниками пополнения судейского

корпуса в Российской Федерации являются аппарат суда и органы прокуратуры. Согласно социологических исследований, на эти органы приходится 51 % ныне действующих судей, а 27,6 % судей приходится на иные правоохранительные органы [3]. Соответственно, закрытый порядок формирования судейского корпуса из числа вышколенных, дисциплинированных работников судебной системы, и бывших государственных обвинителей уже свидетельствует о психологической предрасположенности данных лиц к соблюдению и поддержанию сложившихся правил и традиций обвинительного уголовного правосудия.

В этой связи, представляется правильным мнение авторов, считающих, что процедура отбора и назначения кандидатов на судейские должности должна быть полностью открытой и прозрачной, исключая протекционизм и коррупциогенность, открывающая равные возможности для всех представителей юридического сообщества [4].

На независимость судей влияют административно-управленческие и «системные факторы» корпоративной судебной системы. Наиболее ярко воздействие административного ресурса проявляется в лице председателей судов, которые определяют кадровую политику, индивидуальную нагрузку судей, дают негласные неправосудные рекомендации, вплоть до телефонного права. Последнее находит подтверждение в недавнем решении высшей квалификационной коллегии Верховного Суда РФ о лишении статуса полномочий председателя городского Биробиджанского суда и мирового судьи, в соответствии с которым председатель суда давал незаконные указания по телефону мировому судье [5], и в получивших огласку телефонных переговорах Пермского пранкера, который звонил судьям, представлялся заместителем председателя краевого суда и предлагал принять по различным делам «правильное решение» [6].

Политическая функция областного суда как структуры, ответственной за установление баланса с сильными внешними игроками, интересы которых сложно игнорировать достаточно полно охарактеризована в исследовании М.Л. Позднякова [7].

Среди системных факторов правосудия, порождающих обвинительный уклон, особого внимания заслуживают показатели эффективности и качества работы судей. Главным критерием оценки рассмотрения дел судьей является стабильность судебных актов, которые обжаловались, но не были отменены вышестоящими инстанциями. Негативным показателем является отмена оправдательных приговоров.

Оправдательные приговоры отменяются вышестоящим судом до пяти раз чаще, чем обвинительные приговоры. Подобное положение дел находит отражение в том, что судьи пытаются избежать конфликтных ситуаций и неблагоприятных последствий, которые негативно могут сказаться на их карьере и лишении судейского статуса. Поэтому приговоры стараются выносить строго в соответствии со сложившимися требованиями судебной практики, не выделяться, находится в рамках «золотой середины», пытаются найти компромисс или смягчить наказание, чтобы таким образом удовлетворить интересы сторон.

Самостоятельной группой причин, способствующих обвинительному правосудию, являются отдельные уголовно-процессуальные институты судебного разбирательства. Прежде всего, следует выделить, существующую процедуру протоколирования судебного заседания, которая порождает фальсификацию протоколов. Этим распространенным нарушением в судебной системе способствует корпоративная судебная практика вышестоящих судов, считающих, что аудиозапись судебного заседания, выполненная стороной защиты, является не официальной, и не может позволить усомниться в достоверности текстов протоколов суда.

В УПК РФ четко не регламентирована процедура рассмотрения судом ходатайств, заявляемых сторонами. Это приводит к тому, что в удовлетворении ходатайств, заявленных стороной защиты, отказывают во много раз чаще, чем в удовлетворении ходатайств, заявленных, стороной обвинения. Отказы в удовлетворении ходатайств, в большинстве своем, с позиции состязательного разбирательства, являются надуманными и не логичными, а порой полностью не мотивированными. Имеют место случаи, когда ходатайства, заявленные стороной защиты, остаются судом и вовсе без рассмотрения.

В ходе реформирования уголовного судопроизводства большие надежды возлагались на апелляционную инстанцию, так как только в ходе ее осуществления может происходить переоценка доказательств по существу [8]. Однако, апелляция, по сути, превратилась в кассацию, дела рассматриваются стремительно, отводя на каждое из них, за редкими исключениями, по 10–15 минут [9]. Апелляционная инстанция нуждается в детальной регламентации процедуры рассмотрения дел. В этой связи, представляет интерес идея, высказанная председателем Верховного суда РФ В.М. Лебедевым, о создании отдельных суды в округах для апелляции и кассации. Такая реформа,

будет способствовать объективности рассмотрения дел, а также повышению независимости судов – межрегиональный характер сделает их менее подверженными давлению со стороны административных государственных субъектов [10].

Отдельно необходимо выделить стандарты доказывания, сложившиеся в судебной практике. Вполне распространено явление, когда суды игнорируют и попирают основополагающие принципы уголовного процесса – состязательность сторон и презумпцию невиновности. Нередки случаи, когда в суд направляются дела без достаточных доказательств обвинения, дающих основания только подозревать лицо в совершении преступления, однако судьи используют свое судебское усмотрение, и все неустранимые сомнения по делу трактуют против подсудимого. Имеют место случаи, когда суд прямо нарушает требования закона, в частности, об обязательном допросе свидетелей и специалистов, приглашенных в суд стороной защиты [11, с. 33–35, 12].

Распространенным явлением является игнорирование судьями, при рассмотрении дел стандартов ЕСПЧ и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Перечень рассмотренных причин обвинительного правосудия не является исчерпывающим, и требует системного исследования многих областей жизнедеятельности.

Список использованной литературы

1. Костанов Ю. Никогда такого не было, и вот опять! [Электронный ресурс] / Ю. Костанов // Режим доступа: <http://www.advgazeta.ru/blog/posts/421>.

2. Калиновский К.Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве / К.Б. Калиновский // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. – М. : Норма, 2015. – С. 93–103.

3. Волков В. А судьи кто? [Электронный ресурс] / В. Волков // Ъ-Огонек. – 2015. – 5 окт. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2820307>.

4. Барщевский М. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах [Электронный ресурс] / М. Барщевский, Т. Морщакова. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/24/sud.html>.

5. Анциферова Я. Прослушка ФСБ стоила главе суда пожизненно-го содержания [Электронный ресурс] / Я. Анциферова. – Режим доступа: <https://legal.report/article/25012017/proslushka-fsb-slomala-kareru-sud>.

6. Матлин А. Судьи забанили пермского панкера [Электронный ресурс] / А. Матлин. – Режим доступа: <http://www.rostov.kp.ru/daily/26504/3373275>.

7. Поздняков М.Л. Суд и правоохранительная система – цена компромисса / М.Л. Поздняков // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. – М. : Норма, 2015. – С. 104–130.

8. Смирнов А.В. Закон Парето против обвинительного уклона / А.В. Смирнов // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции : сб. ст. – М. : Норма, 2015. – С. 183–194.

9. Пашин С.А. Национальные гарантии прав участников судопроизводства должны быть выше установленных Конвенцией / С.А. Пашин // Уголовный процесс. – 2014. – № 12. – С. 14–20.

10. Лебедев предлагает создать апелляционные и кассационные суды округов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/135456>.

11. Чупилкин Ю.Б. Пороки российского правосудия XXI века / Ю.Б. Чупилкин // История государства и права. – 2015. – № 4. – С. 32–35.

12. Чупилкин Ю.Б. Как разорвать «обвинительную связку» между судом и правоохранительными органами? / Ю.Б. Чупилкин // Адвокатская практика. – 2016. – № 3. – С. 53–58.

Информация об авторе

Чупилкин Юрий Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70, к. 712, e-mail: chupilkin2011@yandex.ru.

Information about the author

Chupilkin, Yury B. – PhD in Law, Associate Professor of Procedural Law, South Russian Institute of Management (branch) Russian Academy of national economy and public administration under The President of The Russian Federation, 70 Pushkinskaya st., 344002, Rostov-on-don, Russian Federation, e-mail: chupilkin2011@yandex.ru.

ДОКАЗАННОСТЬ ОБВИНЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОГО ПРИГОВОРА

В статье рассматривается вопрос о соотношении категорий «истина» и «справедливость» в контексте влияния характера и содержания знания, получаемого в процессе доказывания по уголовному делу, на принятие итогового решения. На основании анализа имеющихся в юридической литературе точек зрения ученых на проблему истины в уголовном судопроизводстве аргументируется вывод о том, что необходимым условием постановления законного, обоснованного и справедливого обвинительного приговора является доказанность обвинения, которая предполагает достоверное установление в предусмотренном законом порядке обстоятельств совершенного преступного деяния, основанное на полученных в ходе производства по уголовному делу доказательствах. Поэтому законодательное требование доказанности обвинения является проявлением справедливости, которая допускает применение наказания только к тому лицу, в отношении которого вывод суда о его виновности является достоверным.

Ключевые слова: справедливость приговора, доказанность обвинения, проблема истины.

V.A. Shcherbakov

PROOF OF CHARGES AS A CONDITION OF THE RESOLUTION OF A FAIR SENTENCE

The article discusses the issue of correlation of the categories «truth» and «justice» in the context of the influence of the nature and content of knowledge produced in the process of proof in a criminal case, the final decision making. On the basis of analysis of the available legal literature points of view of scientists on the issue of truth in criminal proceedings, the author argues that a necessary condition for the decree are lawful, substantiated and fair conviction is proof of the accusation, which involves a reliable establishment in the manner prescribed by law to the circumstances of the offense, based on obtained in the course of proceedings in a criminal case

evidence. Therefore, the legislative requirement of proof of the prosecution is a manifestation of justice, which permits the use of punishment only to the person against whom the court's conclusion of guilt is accurate.

Keywords: justice of the sentence, the validity of the charges, the problem of truth.

Проблема соотношения истины и справедливости является одной из тем, которые имеют многовековую историю. Еще Чезаре Беккариа в своем знаменитом труде «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) связывал справедливость наказания с установлением истинного положения вещей, т.е. с объективной истиной [1, с. 121, 123].

И в настоящее время многими учеными справедливость постановленного судом приговора связывается с установлением истины по уголовному делу. Так, по мнению А.И. Бастрыкина, одним из необходимых условий правильного разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия является «ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины» [2]. По мнению Л.Т. Ульяновой, без стремления к объективной истине говорить о справедливости приговора попросту невозможно [3, с. 22]. В связи с этим остается актуальным вопрос, касающийся характера и содержания знания, получаемого в процессе доказывания по уголовному делу, а также его значения для постановления справедливого приговора.

С момента принятия УПК РФ и до настоящего времени в юридическом сообществе не прекращается дискуссия по поводу необходимости возвращения в УПК РФ категории «истина» в качестве цели уголовно-процессуального доказывания, «нацеленность» которого на ее установление всегда была присуща российскому уголовному судопроизводству, и отрицать это невозможно. Так, ст. 613 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., определяющая полномочия председательствующего, требовала направлять «ход дела в такой постепенности процессуальных действий, которая наиболее способствует раскрытию истины» [4, с. 4]. Поэтому совершенно напрасно некоторые исследователи предложения о возвращении категории «истина» на страницы уголовно-процессуального закона характеризуют словами «поднимать на щит изобретение советских теоретиков» [5, с. 70]. Напротив, многие известные дореволюционные юристы писали о необходимости ее достижения. Так, И.Я. Фойницкий отмечал, что

«истина – высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его» [4, с. 487]. В.К. Случевский, обосновывая стремление к материальной истине как общей цели уголовного процесса, писал о заинтересованности государства в том, чтобы постановленное судом решение было согласно с истиной, и чтобы оно воспринималось как таковое в общественном сознании [6, с. 117]. Русский юрист В.Д. Спасович подчеркивал, что «суд есть своего рода исследователь истины. Деятельность его направлена к тому, чтобы установить с наибольшим правдоподобием, как бы тому ни противились заинтересованные в деле стороны: во-первых, кто совершил предполагаемое в данном случае преступление; во-вторых, какая в этом деле степень его вины и ответственности. Доказательства, посредством которых судья доходит до истины, суть общие логические основания убеждения в истине» [7, с. 291].

Между тем, В.В. Конин и И.И. Эсмантович утверждая, что русские юристы критически относились к поискам истины в уголовном судопроизводстве, в качестве подтверждения приводят суждение В.М. Духовского о том, что «надеяться вообще открыть всегда истину в уголовном процессе нельзя» [8, с. 56].

На наш взгляд, в данном случае имеет место неверная интерпретация учеными вырванной из контекста цитаты. В приведенном суждении русского юриста содержится не отрицание необходимости и возможности установления истины в ходе уголовно-процессуального доказывания, а признание объективной невозможности достижения истины по каждому уголовному делу. В этом отношении справедливо замечание С.В. Курылева: «...то, что возможно вообще, бывает невозможным в определенных конкретных условиях» [9, с. 65], поскольку недостаточность доказательств для достоверного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, может носить объективный характер.

Проведенный анализ судебной практики показал, что суды при рассмотрении уголовных дел именно соответствие доказательств фактическим обстоятельствам дела кладут в основу приговора: «подвергать сомнению вышеизложенные доказательства, считать их недопустимыми у суда не было оснований, так как они подтверждают друг друга, соответствуют фактическим обстоятельствам дела, получены с соблюдением требований ст. 74 и 86 УПК РФ и поэтому верно

положены судом в основу обвинительного приговора»¹; «на основе исследованных доказательств суд первой инстанции правильно установил фактические обстоятельства дела и обоснованно пришел к выводу о виновности...»²; «...приговор соответствует требованиям ст. 307 УПК РФ, содержит анализ и оценку всех исследованных судом доказательств в рамках предмета доказывания, которые получены в соответствии с требованиями ст. 74, 86, и 88 УПК РФ, являются допустимыми и соответствуют фактическим обстоятельствам дела, не противоречат друг другу и поэтому верно положены судом в основу обвинительного приговора»³, «оценив все исследованные доказательства в своей совокупности, суд первой инстанции правильно установил фактические обстоятельства дела и пришел к обоснованному выводу о доказанности вины ...»⁴ и др.

Кроме этого, несмотря на отсутствие в УПК РФ требования установления истины по уголовному делу российские суды, в том числе и Верховный Суд Российской Федерации, нередко термин «истина» отражают в своих судебных решениях, Так, например, в Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 26 мая 2014 г. № 4-АПУ14-32СП приводится следующее: «...не чинил препятствия в ходе предварительного и судебного рассмотрения дела, оказывал содействие в установлении истины, чем способствовал экономии правовых средств...»⁵. В Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 18-АПУ14-9 указывается, что «...в качестве смягчающих обстоятельств у А.П. Оглы суд признал наличие на иждиве-

¹ Апелляционное определение № 22-2184/2016 от 12 июля 2016 г. по делу № 22-2184/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/XpfOFtqАНUVm/> (дата обращения: 29.11.2016).

² Апелляционное определение № 10-3892/2013 от 13 июня 2013 г. по делу № 1-197/2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QwzOvvVa0yx1> (дата обращения: 29.11.2016).

³ Апелляционное постановление № 22-1832/2016 от 9 июня 2016 г. по делу № 22-1832/2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HkQOs7bjtTZ6/> (дата обращения: 29.11.2016).

⁴ Апелляционное Определение от 25 сентября 2014 г. по делу № 2-3/2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/9bnr9ggj1115/> (дата обращения: 29.11.2016).

⁵ Определение от 26 мая 2014 г. по делу № 2-128-52/13 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/kvuVeobIKq5x/> (дата обращения: 29.11.2016).

нии пятерых несовершеннолетних детей, способствование установлению истины по делу и раскаяние в содеянном...»¹.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что независимо от того, закреплён ли принцип объективной истины в уголовно-процессуальном законе или нет, целью уголовно-процессуального доказывания остаётся достоверное установление обстоятельств совершенного деяния в соответствии с действительностью. Поэтому, как верно указывает Г.Н. Ветрова, «отсутствие в тексте закона термина «истина» вовсе не означает, что законодатель равнодушно относится к вопросу о том, в какой мере в судебных решениях находят отражение реально существующие факты» [10, с. 1360]. М.С. Строгович в этой связи подчёркивал, что «для того, чтобы правильно решить дело, правильно применить к исследуемому событию закон и на основе этого закона вывести правильное решение, суду при всех условиях необходимо установить самый факт, событие, деяние, составляющие предмет исследования по делу, в точном соответствии с действительностью. Эта задача всегда стоит перед судом по любому решаемому им делу» [11, с. 9].

Тем не менее, более обоснованной представляется позиция Я.О. Мотовиловкера, видевшего задачу уголовного судопроизводства «не просто в установлении истины, а в справедливом наказании истинного виновного и предупреждении осуждения невиновного» [12, с. 23]. Поэтому необходимо различать цель уголовно-процессуального доказывания и цель уголовного судопроизводства. Если первая заключается в достижении достоверного знания об обстоятельствах преступления, то вторая – в восстановлении справедливости. При этом если речь идёт о постановлении обвинительного приговора, без достижения первой цели вынесение справедливого судебного решения невозможно. В связи с этим бесспорным представляется вывод ученых, считающих, что справедливость в уголовном судопроизводстве может быть достигнута лишь при надлежащей, соразмерной реакции правоохранительных органов на совершенное преступление. А такая реакция может быть справедливой только в том случае, когда компетентным органам известны все обстоятельства дела [13, с. 16; 14, с. 144]. Поэтому следует согласиться с утвержде-

¹ Определении от 05 марта 2014 № 18-АПУ14-9 [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/rE8fvYSqKKxn/> (дата обращения: 29.11.2016).

нием К.-Ф. Штукенберга, считающего, что «разумный бунт» против истины невозможен, поскольку другой цели доказывания оснований применения мер уголовно-правового принуждения не существует [15, с. 78–86].

Таким образом, в вопросе о цели доказывания не усматривается никакой проблемы и темы для дискуссии, поскольку, как верно отмечает Л. Алексеева, если бы имеющие уголовно-правовое значение факты не нужно было доказывать, то не было бы ни теории доказательств, ни раздела УПК, посвященного доказательствам и доказыванию, равно как и не было бы и требования, согласно которому обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана [16, с. 23]. Из этого следует, что введение в текст УПК РФ принципа объективной истины не имеет практического смысла, способного какого-либо образом повлиять на результат уголовно-процессуального доказывания [17, с. 43]. Требование закона о цели исследования обстоятельств уголовного дела однозначно: для предъявления обвинения необходимо не только установить и убедительно доказать наличие всех элементов состава преступления. Доказанность, в свою очередь, предполагает достоверность знания, основанного на полученных в ходе производства по уголовному делу доказательствах.

На основании изложенного можно сделать вывод, что законодательное требование доказанности обвинения, основанного на достаточной совокупности оцененных на предмет относимости, допустимости и достоверности доказательств, в первую очередь, является проявлением справедливости, которая допускает применение наказания только к тому лицу, в отношении которого вывод суда о его виновности является достоверным.

Список использованной литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : Стелс БИМПЛ, 1995. – 304 с.
2. Следы ведут на юг. Интервью Председателя Следственного комитета А.И. Бастрыкина «Российской газете» [Электронный ресурс] // Рос. газета. – 2014. – 17 июня. – URL: <http://www.m.rg.ru/2014/06/17/bastrykin.html>.

3. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие / Л.Т. Ульянова. – М. : Изд. дом «Городец», 2008. – 176 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – 3-е изд. – СПб. : Тип. тов-ва «Обществ. польза», 1910. – Т. 2. – 567 с.
5. Машовец А.О. К вопросу об истине и истинности уголовного судопроизводства / А.О. Машовец // Бюллетень МАСП. – 2015. – № 1. – С. 66–70.
6. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство / В.К. Случевский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 664 с.
7. Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права (публичные чтения в С.-Петербургском педагогическом музее в начале 1891 г.) : в 10 т. / В.Д. Спасович // Сочинения. – СПб. : Тип. Н. Финдензейна, 1896. – Т. VIII. — С. 211–300.
8. Конин В.В. Уголовное судопроизводство: истина или достоверность / В.В. Конин, И.И. Эсмантович // Бюллетень МАСП. – 2015. – № 1. – С. 52–58.
9. Курылев С.В. О достоверности и вероятности в правосудии / С.В. Курылев // Известия вузов: Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 63–74.
10. Ветрова Г.Н. Решения в механизме правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / Г.Н. Ветрова // LEX RUSSICA. – 2009. – № 6. – С. 1341–1364.
11. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 274 с.
12. Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1978. – 96 с.
13. Рябинина Т.К. Внутреннее убеждение в механизме доказывания по уголовному делу / Т.К. Рябинина, О.В. Петрова, Е.Д. Горевой // Российский судья. – 2003. – № 5. – С. 14–16.
14. Корнакова С.В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России / С.В. Корнакова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4 (5). – С. 142–152.

15. Штукенберг К.-Ф. Исследование материальной истины в уголовном процессе / К.-Ф. Штукенберг // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 78–86.

16. Алексеева Л. Действительные или мнимые противоречия / Л. Алексеева // Российская юстиция. – 1995. – № 6. – С. 23–24.

17. Золотарев А.С. Логические и философские аспекты установления истины в уголовном процессе / А. С. Золотарев // Бюллетень МАСП. – 2015. – № 1. – С. 39–43.

Информация об авторе

Щербаков Владимир Александрович – заместитель прокурора г. Новоалтайска Алтайского края, Российская Федерация, 658080, г. Новоалтайск, ул. Красногвардейская, 8, e-mail: law-ira@mail.ru.

Information about the author

Shcherbakov, Vladimir A. – Deputy Prosecutor of the Novoaltaisk Altai Territory, 8 Krasnogvardeyskaya St., 658080, Novoaltaisk, Russian Federation, e-mail: law-ira@mail.ru.

ВОПРОСЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ОБОСНОВЫВАЮЩИХ ПРИГОВОР ИЛИ ИНОЙ СУДЕБНЫЙ АКТ

В статье рассматриваются вопросы нерациональной затраты процессуального времени исследования доказательств, определяющих виновность или невиновность подсудимого. Автор полагает, что в ст. 285 УПК РФ допущен коррупциогенный фактор в форме неопределенности действий суда первой инстанции в вопросе оглашения доказательств, полученных субъектами уголовной юрисдикции в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования уголовного дела. Автор предлагает возложить на суд первой инстанции обязанность оглашать все имеющиеся доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: достоверные выводы, непосредственное исследование доказательств, обоснованность судебного акта, оглашение доказательств, предварительная проверка сообщения о преступлении, предварительное расследование уголовного дела, судебное следствие.

S.A. Yakovleva

THE PROBLEMS OF DIRECT EVIDENCE EXAMINATION GROUNDING A JUDGEMENT OR ANY OTHER JUDICIAL ACT

The article considers the problems of procedural activity time wasted on examining evidence proving the guilt or innocence of the accused. The author argues that Article 285 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation admits a corruption factor in the form of a first instance Court actions uncertainty concerning the announcement of the evidence obtained by the criminal jurisdiction actors during the preliminary study of a crime report and investigation of a criminal case. The author suggests the announcement of all the available evidence relating to the criminal proceeding be imposed upon the court of the first instance.

Keywords: credible conclusions, direct examination of the evidence, validity of a judicial act, A disclosure of the evidence, screening a crime report, preliminary investigation of a criminal case, judicial investigation.

В соответствии с ч. 3 ст. 240 УПК РФ границы обоснованности, а значит, законности приговора или иных судебных актов определяются доказательствами, которые были исследованы в судебном заседании на этапе судебного следствия по разрешению уголовного дела по существу.

Но все ли доказательства, как находящиеся в материалах уголовного дела к моменту судебного рассмотрения, так и представленные во время разрешения уголовного дела в судебном заседании, подлежат на практике непосредственному исследованию и анализу в судебном заседании?

В ч. 1 ст. 240 УПК РФ указано, что «в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X УПК РФ». Следовательно, исключения из общей формы непосредственного исследования доказательств допустимы только для судебного следствия особого порядка принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Использование законодателем словосочетания «все доказательства по уголовному делу» свидетельствует о том, что в ходе судебного следствия подлежат исследованию доказательства в совокупности:

- протоколы следственных действий, заключение эксперта, иные документы, вещественные доказательства, полученные в ходе предварительного рассмотрения сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела;

- протоколы следственных действий, заключение эксперта и показания эксперта, заключения специалиста и показания специалиста, иные документы, вещественные доказательства, показания потерпевшего, показания свидетеля, показания подозреваемого и обвиняемого с участием защитника, полученные в ходе предварительного расследования уголовного дела;

- протоколы судебного заседания, составленные в досудебном уголовном судопроизводстве, в ходе рассмотрения судом ходатайств о разрешении на производство следственных и иных процессуальных действий, затрагивающих конституционные права граждан, а также составленные при разрешении ходатайства об избрании и применении мер процессуального принуждения, требующих судебного постановления на стадии предварительного расследования;

– показания подсудимого с участием защитника, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключение эксперта и иные доказательства, представленные участниками уголовного судопроизводства непосредственно в судебном заседании и приобщенные к материалам уголовного дела;

– протоколы судебного заседания в случае отложения судебного разбирательства.

Внимательное изучение положений ст. 285 УПК РФ, регулирующих порядок судебного следствия, выявляет субъективное усмотрение судьи (суда) в выборе доказательств, подлежащих непосредственному оглашению в судебном заседании в связи с использованием в ч. 1 названной статьи слов «могут быть на основании определения или постановления суда».

Из анализа содержания ч. 1 ст. 285 УПК РФ усматривается, что не все доказательства, полученные на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, попали в число доказательств, подлежащих оглашению в судебном заседании и соответственно судебному исследованию. Так, в ч. 1 ст. 285 УПК РФ говорится лишь о заключении эксперта, данном в ходе предварительного расследования, то есть полученном после возбуждения уголовного дела. Не учтено, что заключения эксперта в настоящее время должностным лицам можно получать и в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении. Иные документы как доказательства, собранные до возбуждения уголовного дела, также не названы.

Поскольку уже до возбуждения уголовного дела путем производства указанных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следственных или иных процессуальных действий собираются доказательства, которые будут положены в основу предварительных выводов органов предварительного расследования о виновности или невиновности лица, то и их следовало бы огласить в ходе судебного следствия.

В п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств названы протоколы следственных и судебных действий. В соответствии со ст. 83 УПК РФ протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным УПК РФ.

Здесь имеет смысл сказать, что протоколы судебного заседания, составленные в ходе реализации судом полномочий по судебному контролю в досудебном уголовном судопроизводстве в соответствии

с ч. 2 ст. 29 УПК РФ должны стать составной частью материалов уголовного дела.

Однако уголовно-процессуальный закон не предъявляет требований по приобщению к материалам уголовного дела таких протоколов судебного заседания. Они остаются в судебных материалах и подтверждают обоснованность избрания меры пресечения.

Но в них может содержаться информация не только обосновывающая постановление, но и имеющая значение для разрешения уголовно-правового спора. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 108 УПК РФ постановление о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подлежит рассмотрению судьей с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле.

На практике возможны случаи, когда подозреваемый или обвиняемый именно в ходе судебного рассмотрения такого ходатайства расскажет правдиво про обстоятельства совершенного им преступления. Вместе с тем названный протокол судебного заседания не может быть оглашен судом в ходе разрешения уголовного дела по существу без представления его стороной обвинения в судебном заседании, поскольку к материалам уголовного дела он не приобщен.

В ст. 76 и 77 УПК РФ говорится о показаниях подозреваемого или обвиняемого, полученных в ходе допроса должностными лицами органов предварительного расследования либо о показаниях подсудимого в соответствии со ст. 275 УПК РФ. О показаниях подозреваемого или обвиняемого, данных в процессе рассмотрения судом ходатайства о разрешении на производство следственных и иных процессуальных действий или избрании и применении меры процессуального принуждения, затрагивающих конституционные права граждан, фиксируемых в протоколах судебного заседания, в УПК РФ не говорится.

Процессуалисты констатируют, что для постановления законного и обоснованного приговора или вынесения законного и обоснованного постановления либо определения необходимо полное исследование судом всех доказательств по уголовному делу [1, с. 371]. Так, П.А. Лупинская справедливо писала: «Решение по делу суд принимает в условиях равенства прав сторон и состязательности при исследовании совокупности доказательств, как собранных на предварительном следствии, так и впервые появившихся в суде» [2, с. 166]. Прав С.А. Шейфер, полагающий, что «и суд, и следователь формируют до-

казательства, на основе которых должен быть разрешен правовой спор. В процессе доказывания, протекающем в суде, как бы соединяются, интегрируются доказательства, собранные следователем и исследованные судом при активном участии сторон» [3, с. 140]. Л.Т. Ульянова верно считает, что «сказать заранее, какие факты имеют отношение к делу, а какие не имеют, нельзя. При оценке отдельного доказательства определяется лишь его возможная связь с преступлением. Окончательное суждение об относимости позволяет сделать оценка доказательств в их совокупности» [4, с. 143].

Только создание условий для полного непосредственного исследования судом всех доказательств по уголовному делу позволит обеспечить реализацию принципа состязательности сторон по недопущению незаконного осуждения лица или необоснованному отказу в уголовном преследовании лица, совершившего преступление. По этому поводу П.Е. Кондратов пишет: «Наиболее полно принцип состязательности реализуется в стадии судебного разбирательства, в которой сторонам обвинения и защиты с помощью суда обеспечиваются равные права и возможности по отстаиванию своих интересов» [5, с. 76].

Автор полагает, что властные полномочия судьи (суда) по рассмотрению уголовного дела должен определяться не только правом, но и обязанностью полного исследования всех доказательств по уголовному делу, полученных в досудебном и судебном уголовном судопроизводстве.

Верно утверждение Ю.П. Боруленкова, который пишет, что «ни одна современная конструкция судебного заседания не позволит обойти принцип непосредственности, согласно которому судья, рассматривающий уголовное дело по существу, обязан исследовать каждое доказательство» [6, с. 20].

На обязанность суда «достоверно установить все фактические характеристики деяния, которые могут повлиять на конечные выводы суда» обращает внимание И.Б. Михайловская [7, с. 81].

Однако правила судебного следствия не соответствуют общим условиям судебного разбирательства, предусмотренным гл. 35 УПК РФ, ст. 240 и 285 УПК РФ находятся в разногласии.

Сказанное выше позволило автору предложить внесение изменений в ч. 1 ст. 285 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«1. Протоколы следственных действий, показания подозреваемого, показания обвиняемого, показания потерпевшего, показания

свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, иные документы, полученные в досудебном уголовном судопроизводстве, подлежат обязательному оглашению судом полностью».

Статью 285 УПК РФ следует, по мнению автора, дополнить частью 1.1 в следующей редакции:

«1.1. Протоколы судебного заседания по рассмотрению ходатайства должностных лиц органов предварительного расследования о разрешении на производство следственных или иных процессуальных действий, избрании и применении мер процессуального принуждения, указанных в части 2 ст. 29 УПК РФ, подлежат обязательному оглашению судом полностью».

Требует уточнения статья 83 УПК РФ, в которой необходимо конкретизировать виды протоколов судебного заседания, в частности, по рассмотрению ходатайства должностных лиц органов предварительного расследования или протоколов судебного заседания в случае отложения судебного разбирательства уголовного дела.

Автор полагает исключить из ст. 240 УПК РФ ч. 2, а ст. 285 УПК РФ дополнить ст. 285 УПК РФ ч. 1.1 в следующей редакции:

«1.1. Документы, представленные в судебном заседании и приобщенные к материалам уголовного дела, подлежат обязательному оглашению судом полностью».

Список использованной литературы

1. Уголовный процесс : учебник для бакалавров / отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М. : Проспект, 2013. – 564 с.

2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 238 с.

3. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 240 с.

4. Ульянова Л.Г. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие / Л.Г. Ульянова. – М. : Изд. дом «Городец», 2008. – 176 с.

5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. – М. : Юрайт : Юрайт-Издат, 2010. – 851 с.

6. Боруленков Ю.П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных реалиях / Ю.П. Боруленков // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 1. – С. 16–21.

7. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2003. – 142 с.

Информация об авторе

Яковлева Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Марийский государственный университет, 424001, Российская Федерация, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1, e-mail: 777pobeda@inbox.ru.

Information about the author

Yakovleva, Svetlana A. – PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Mari State University, Bld. 1, Lenin sq., 424001, Yoshkar-Ola, Republic of Marie El, Russian Federation, e-mail: 777pobeda@inbox.ru.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые коллеги!

На кафедрах криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, а также уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета формируется очередной номер периодического научного издания «*Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*».

Журнал входит в систему РИНЦ!

Рубрики сборника: *Международные и конституционные основы уголовной юстиции, Уголовный процесс, Криминалистика, Судебно-экспертная деятельность, Оперативно-розыскная деятельность, Трибуна молодого ученого, Особое мнение, Страницы истории, Отзывы. Рецензии, Новинки.*

1. Приглашаем профессорско-преподавательский состав, докторантов, аспирантов к научному сотрудничеству! Научные статьи можно направлять по электронной почте: sib.crim.chtenija@mail.ru.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MSWord, 16 шрифтом TimesNewRoman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ – 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование – по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

3. Статья должна включать следующие элементы:

- сведения об авторе (ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и английском языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (**не менее 100 слов**), ключевые слова (5–6 слов) на русском и английском языках;
- код УДК;

– ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке;

– список использованной литературы (**не менее 10 источников**), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», помещается в конце статьи. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты, официальные документы, материалы следственной, судебной, экспертной практики указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся.

4. Для аспирантов, магистрантов, студентов к статье прилагается в отсканированном варианте рецензия научного руководителя с его подписью и печатью организации.

5. К опубликованию принимается материал, который при проверке по программе «Антиплагиат», показывает на менее 70 % оригинальности.

Образец оформления статьи

УДК 343.1

И.В. Смолькова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующего применение мер пресечения, показывается их сходство и различие, сопоставляются российские меры пресечения с аналогичными китайскими: личное поручительство и передача под поручительство до судебного разбирательства; наблюдение по месту жительства, подписка о невыезде и домашний

арест. Рассматриваются основания и условия применения мер пресечения по УПК РФ И УПК КНР. Анализируются проблемы применения залога в качестве меры пресечения. Дана характеристика заключения под стражу как меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, передача под поручительство до судебного разбирательства, личное поручительство, залог, домашний арест, наблюдение по месту жительства, заключение под стражу.

I.V. Smolkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA GOVERNING THE USE OF RESTRAINT MEASURES

The article gives a comparative analysis of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation and People's Republic of China governing the use of restraint measures, are shown together with their similarities and differences, are mapped to the Russian measures similar Chinese: personal guarantee and the transfer bail before trial; the observation of the place of residence, house arrest and house arrest. Considers the basis and conditions for the application of preventive measures in the UPK RF and UPK PRC. Analyzes the problems of applying bail as a preventive measure. The characteristic of detention as a restraint measure.

Keywords: restraint measure, transfer bail before trial, a bail, cash collateral, house arrest, surveillance by place of residence, detention.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [1]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [2, с. 49]. Текст статьи¹. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи². Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [3, с. 88].

¹ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12 февр. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 52 (в ред. от 9 февр. 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2. С. 8–12.

Список использованной литературы

1. Юань И. Сравнительное исследование мер процессуального принуждения по УПК РФ и УПК КНР / И. Юань. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 136 с.

2. Муратова Н.Г. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел / Н.Г. Муратова, М.А. Подольский // Судья. – 2007. – № 5. – С. 48–52.

3. Рослов против России : постановление ЕСПЧ от 17 июня 2010 г. (жалоба № 40616/02) // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 12. – С. 87–89.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kupik@bgu.ru.

Information about the author

Smolkova, Iraida V. – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, 11 Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kupik@bgu.ru.

Выпуск подготовлен по материалам всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Постановление приговора: проблемы теории и практики», проходившей 30 ноября – 1 декабря 2016 г. в Юридическом институте Байкальского государственного университета

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-67625 от 10 ноября 2016 г.

Подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» 80825

Журнал содержит научную информацию и знаком информационной продукции не маркируется

Полные тексты статей размещены на платформе
Российской универсальной научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Адрес редакции: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

e-mail: sib.crim.chtenija@mail.ru

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 02.06.17. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 11,25. Тираж 100 экз. Заказ 6530.

Отпечатано в ИПО БГУ.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Распространяется бесплатно.